

ПУГАЧЕВ

А. ГАЙСИНОВИЧ

Annotation

Книга рассказывает о Емельяне Пугачеве, его жизни и роли в истории России.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

- [А. Гайсинович](#)
  -
  - [INFO](#)
  -
  -
  - [ПОХОДЫ](#)
  - [СКИТАНИЯ](#)
  - [НА ЯИКЕ](#)
  - [СИЛЫ ВОССТАНИЯ](#)
  - [ВОССТАНИЕ](#)
  - [ВОССТАНИЕ](#)
  - [ВОССТАНИЕ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
- [comments](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)

- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)

- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)

- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)

А. Гайсинович

ПУГАЧЕВ

журнально-газетное
объединение
Москва
1937

*

Журнально-газетное объединение, Москва, 1937

INFO

Отв. редактор ИОСИФ ГЕНКИН

*Техредактор И. Г. УМАНСКИЙ
Обложка Г. С. БЕРШАДСКОГО
Гравюра на дереве А. М. КРИТСКОЙ
Корректор И. Я. СЛОНИМСКИЙ*

*Издатель Жургазоб'единение
Уполномоченные Главлита Б—15943
Тираж 50 000. Зак. тип. 449. Изд. № 219
Сдано в набор 8/VI. 1937 г.
Подписано к печати 7/VIII. 1937 г.
Формат бумаги 72×105/32
8½ печ. листов. 106 624 зн. в бум. л.*

*Типография и цинкография
Жургазоб'единения, Москва, 1-й Самотечный, 17.*

Примечания оцифровщика.

В тексте сохранена орфография оригинала.

Выделение р а з р я д к о й, то есть выделение за счет увеличенного расстояния между буквами заменено курсивом. (не считая стихотворений).

Емельян Пугачев

Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и другие.

И. СТАЛИН

Беседа с немецким писателем Эм. Людвигом,

Партиздат, 1933, стр. 8.

ПОХОДЫ

Шестого июля 1762 года в Ропше, под Петербургом, группа приближенных императрицы Екатерины II убила ее мужа, императора Петра III, низложенного ею с престола.

Екатерина прекрасно была осведомлена о готовящемся убийстве — ее друзья и сторонники только выполняли ее желание, убирая с жизненного пути человека, которого она так ненавидела и который так ей мешал.

Симпатии господствовавшей верхушки русского общества шестидесятых годов XVIII века — столичного дворянства и гвардии — были всецело на стороне Екатерины. Незадолго до убийства Петра III французский посланник в Петербурге Брейтель писал в своих донесениях: «Императрицу любят и уважают все в такой же степени, в какой ненавидят императора».

Разумеется, слово «все» здесь надо понимать очень условно. Трудовым массам, всему угнетенному народу было не до симпатий ни к царю, ни к его жене.

Но в верхах петербургского дворянства образовался круг людей, групповые интересы которых в то время совпадали с личными расчетами Екатерины. И событие 6 июля — убийство Петра III — только заканчивало целый период смены русских правителей и правительств, начавшийся после смерти Петра I (28 января 1725 года) — период, которому в историографии дано специальное наименование «эпохи дворцовых переворотов».

Последний «дворцовый переворот» объясняется не только горячим желанием оскорбленной жены и царицы избавиться от ненавистного мужа.

Уже двадцатилетнее царствование предшественницы Петра III — Елизаветы Петровны (1741–1761) было отмечено образованием и укреплением так называемой «русской партии» двора из высших слоев правящего общества. В памяти всех еще слишком живы были тяжелые уроки правления трех временщиков-немцев: регента Бирона, вице-канцлера Остермана и фельдмаршала Миниха.

В августе 1756 года прусский король Фридрих II начал Семилетнюю войну против коалиции Франции, Австрии, Швеции и России. Участвуя в коалиции, Россия преследовала свои интересы — она стремилась подавить военное могущество Пруссии и обеспечить свое господство на Балтийском море. Русские войска действовали в эту кампанию с большим успехом. Они

вступили в восточную Пруссию и после битвы при Гроссегерсдорфе вынудили прусского фельдмаршала очистить страну. Так же успешно действовали на своих фронтах французы и австрийцы.

Двадцать девятого сентября 1760 года русские войска заняли Берлин. Но вступивший на престол Петр III, страстный поклонник прусской казармы прусского короля, занял позицию, которая шла вразрез со всеми настроениями и стремлениями «русской, партии», ненавидевшей немецкое господство и немецкое влияние.

Петр III отказался от всех, с таким трудом добытых, завоеваний в Пруссии и даже вступил с Фридрихом II в тесный союз. Император наполнил русскую столицу вчерашними врагами — пруссаками и голштинцами. Они выкуривали непомерное количество табаку, выпивали море пива и вина. Впрочем, кто не пил во дворце? Но пришельцы бесстыдно попирали национальное достоинство русских. Вдобавок немцы грозили занять наиболее доходные должности в ущерб русским сановникам. Вместе с русским царем они открыто высказывали свою ненависть к России. Император, совсем в стиле прусской военщины, начал приучать гвардию к бесконечным маршировкам и экзерцициям. Даже пожилые подагрические сановники не освобождались от муштровки и армейских артикулов по прусскому образцу. Мало того. Заключив мир с Пруссией, Петр решил воевать с Данией и отнять у нее Шлезвиг для Голштинии. Петр собирался поставить русское оружие на службу чужим — прусским, голштинским интересам. Все это еще более усилило негодование дворянства.

Петр III пал жертвой своего политического недомыслия и личных прихотей.

Однако «подданные» не должны знать истины. На следующий после убийства Петра III день Екатерина опубликовала манифест. Выразив свое «крайнее прискорбие и смущение сердца», она об'яснила смерть мужа «припадком гемороидическим»^[1].

*

Емельян Иванович Пугачев, простой донской казак, никак не мог подозревать, что события в далекой и чуждой столице, в царских дворцах, сыграют какую-нибудь роль в его судьбе. Пугачев родился в станице Зимовейской на левом берегу Дон.

Здесь прошло его безрадостное детство. Отен рано начал брать сына с

собой в поле на тяжелую работу. Небогатые, видно, казаки были Пугачевы, если приходилось прибегать к помощи мальчишки, чтобы боронил за отцом своим землю. Так и жил Емельян «в доме отца своего безотлучно до 17 лет где кормился, пахав сам свой казачий участок земли»^{2}.

Уже давно миновало то время, когда донские казаки пренебрегали земледелием и кормились от охоты, от рыболовства да разбойных набегов на крымских татар и российских купцов. Казак прочно сел на землю. Давно прошла и вольность Дона. Кончилась пора, когда Москва посылала к казакам грамоты с просьбой итти на государеву службу, а те своевольничали, упорствовали. Дон присмирел после Разина, после Булавина. По первому зову из Петербурга казаки должны были отправиться в поход.

Иван Пугачев рано начал приучать своего Емельяна ходить за боевым конем, рубить и стрелять. Мальчишка был бойкий, любил кулачные бои, а однажды в схватке со сверстниками потерял верхний передний зуб.

Как многие казаки, Пугачев женился рано, семнадцати лет. В жены ему дали сироту Софью — дочь умершего казака Дмитрия Недюжева из ближней станицы Есауловой. Произошло это, как водилось у казаков, без спроса Емельяна. Возможно, он даже не видел Софью до самой женитьбы. Жену ему выбрали на семейном совете. В воскресенье, в день венчания, жених отправился в Есаулову станицу за десять верст от Зимовейской, к невесте. Здесь Емельяну передали «державу» — плетку, символ мужней власти. Много лет спустя, на допросе, Пугачев подчеркивал, что «венчан с оною своею женою по церковному чиноположению, в Есауловой станице, церкви Михаила Архангела священником».

Недолго прожил Пугачев с женой: всего одну неделю. Началась война с Пруссией. Молодого казака отправили на войну в команде казацкого полковника Ильи Денисова. Команда входила в состав корпуса графа, генерал-поручика Чернышева.

Через Киев команду Денисова послали в Пруссию. Пугачев испытал все тяготы солдатского житья в армии Елизаветы Петровны: мучительные зимние переходы без дневок, без теплой одежды, без крова, без пищи, «ибо, — как писал главнокомандующий, — в сей земле ни луку, ни чесноку найти нельзя, а солдаты в постные дни тем и питаются»^{3}.

Русские солдаты гибли не столько от пуль и штыков, сколько от болезней, косивших людей направо и налево.

Но Пугачев видел и другие картины. При нем «солдаты вместо обороны против неприятеля, отлучась с фронта, громили генеральские и

офицерские экипажи».^[4] При нем же читали манифест царицы к армии, где она с «крайним сожалением и гневом» писала о солдатах, которые «командирам ослушны явились» и толпами дезертировали с фронта, подговаривая к тому же товарищей. «С трепетом и ужасом» подчеркивала императрица, «что наибольший в нашей [армии] урон причинен не от неприятеля, но только от помянутого ослушания».^[5] Дело доходило до того, что солдаты били собственных офицеров. Наблюдатель той эпохи, просвещенный дворянин-крепостник, нашел правильное об'яснение этим фактам. «Солдаты наскучили уже до чрезвычайности есть один хлеб с водой; а сверх того измучились все от бессонницы и неудовольствие в армии было всеобщее, так что если б не удерживали валы и окопы, то верно бы она разбежалась на половину».^[6]

В то же время Пугачев видел, что наряду с дезертирством, нежеланием подчиняться командирам-дворянам русские солдаты проявляли немало примеров стойкости и героизма. «Это о русских солдатах прусский король говорил: «Их гораздо легче убить, чем победить, и, когда их уже убили, их надо еще повалить». Особенно отличались казаки. Они беспрестанно тревожили прусские колонны, утомляли их, убивали отстающих. Иной русский боец, простреленный насквозь, еще держался на ногах и сражался из последних сил; другой, потеряв руку и ногу, продолжал обороняться уже лежа на земле.

Казаки не просили пощады и не знали ее. Как смерч, проходила русская армия по прусским деревням и селам. Солдаты, особенно казаки, уничтожали все на своем пути: поджигали, резали, растаскивали, растаптывали. Прусские мужики разбегались по лесам, нападали на казаков, отстреливались из окон, с крыш, из-за кустов, из-за деревьев. Случалось, что прославленная казацкая конница обращалась в бегство под натиском раз'яренных крестьян.

Рядовой казак Емельян Пугачев совсем не задумывался над значением подобных фактов. Он считал их в порядке вещей: идет война. Но где-то в глубине его сознания факты эти оставили свой след. Жизнь обогатит представления неграмотного казака. Пройдет полтора с лишком десятка лет, и испытания прусских походов, неповиновение, мужество казаков и солдат в войне, нападения на собственных офицеров-дворян получат вполне осмысленное значение.

В военных действиях Пугачев показал себя энергичным и смелым бойцом.

Полковник Денисов взял Пугачева «за отличную проворность» в

ординарцы. Крутой попался начальник. Денисов был «всегда отличным и в прусскую войну и при всех на Дону замешательствах»^[7] доказал свою непоколебимую верность царям. Однажды ночью на казаков напал прусский отряд. В тревоге и суматохе ординарец упустил одну из полковничьих лошадей. Его наказали «нещадно плетью». Неприятельская пуля, штык, картечь пощадили Пугачева, но от дворянской плети он не ушел. И это было в порядке вещей: плеть часто гуляла по солдатским, по казачьим спинам. Время заживило следы от плетей, но где-то в глубине души, в уме на всю жизнь сохранился еле заметный рубец. Пройдут годы, рубцы покроют тело и душу...

*

Заклучив мир с Пруссией, Петр III приказал корпусу Чернышева выступить на помощь Фридриху II в его борьбе против Австрии. Пугачеву пришлось маршировать в составе пятисотенной казачьей команды еще некоторое время. Вместе с новоявленными союзниками — пруссаками русская армия перешла через Одер. На другой день Петр III устроил армии смотр. Смуглый, сухощавый Пугачев, возможно, увидел дородного, белокурого, голубоглазого императора, такого далекого, такого чужого.

Прошло несколько недель. Через труп своего мужа Екатерина II пробралась к престолу. Она подтвердила условия мира, заключенного Петром, но, верная стремлениям русской партии, отказалась от союза с Пруссией. Армия была возвращена в Россию. Пугачев вернулся домой, в станицу Зимовейскую. Никто в далекой столице не интересовался тем, что где-то живет простой донской казак Емельян Пугачев. Мало ли казаков, мало ли солдат на службе у «Северной Семирамиды»? Но пройдут годы, и одно имя казака Емельяна Пугачева заставит в ужасе дрожать императрицу» ее фаворитов, ее блистательных приближенных.

Пугачев — дома. В станице получен манифест о смерти царя, о новой царице. Известие это не произвело на казака особого впечатления. Умер царь, его место заступила царица — все идет, как полагается. Он не понял мудреного названия болезни, отправившей, по уверению манифеста, Петра III в могилу. На то и цари, чтобы умирать от болезней, непонятных простому народу.

Полтора года провел Пугачев в родной станице. Отец не оставил наследства, «отличная проворность» в прусской войне тоже никак не была вознаграждена, и Пугачев попрежнему бедный казак, не пользующийся

особым почетом у богатых одностаничников. Когда родился сын Трофим, его «восприемником» был «живущий в их станице в работниках малороссиянец Алексей», — человек без роду и племени. Не успел Емельян обжиться дома, как подоспел новый поход. На этот раз пришлось воевать со своими.

Еще в XVII веке в Польше на берегу реки Сожи, недалеко от нынешнего Гомеля, возник раскольничий посад Ветка. Строили Ветку беглые люди из России-Сюда бежали из Москвы и Поволжья, с Дона и Яика, из северо-восточных и северо-западных областей империи. Бежали от помещичьей кабалы, от непосильных поборов, от невыносимой барщины, от чиновничьего лихоимства и непомерных податей. Вместе с крестьянами бежали и казаки, спасаясь от тяжелой руки правительства, от бесконечных военных походов. Сотни тысяч людей надеялись найти за рубежом лучшую жизнь. Тысячи оседали в Ветке и в слободах вокруг.

Имелась в Ветке и слобода донских казаков. Ветковские казаки-раскольники не порывали связей с Доном. Дон тоже находился в постоянной живой связи с Веткой. Чиновные и простые казаки, с женами и детьми, целыми обозами ежегодно отправлялись на богомолье на Ветку. Раскольничьи попы совершали очень выгодные сделки. Они снабжали староверов-казаков иконами, крестиками, ложками, четками, просфорами и т. д., взамен получали богатые приношения деньгами, рыбой, всем, чем богат был славный Дон и его уголья.

Ветка распространила свое влияние и на яицких казаков, на беглых казаков, живших по берегам рек Большого и Малого Иргиза, Чагры и Узеней. На Иргизе обосновался даже своего рода филиал Ветки. Здесь в лесах издавна осели беглые казаки, народ буйный и непокорный. Без военных отрядов в слободы на Иргизе в'езжать было опасно. Толпами потянулись сюда беглые крестьяне, солдаты; за ними пошел и богатый старообрядец-купец. Ветковцы раз'езжали по всей России то под видом купецких людей, с ружьями и рогатинами, то под видом нищих, с котомками на спинах; иногда они принимали обличье странников-богомольцев. Для ветковцев не существовало государственных границ. Их связывали свои дороги, свои становища, своя почта, свои извозчики.

Люди искали на Ветке воли, но ее не находили. Польские пань Халецкий, Красинский и другие манили беглецов обещанием всяческих льгот и покровительства «в надежде учинить их вечными себе данниками». Но проходили льготные сроки и жаждущие воли казак, крестьянин попадал в ту же кабалу.

Немало нашлось эксплуататоров и из ветковской раскольничьей среды.

В несколько десятков лет ветковские слободы разрослись в крупный центр, державший в своих руках торговлю между левобережной Украиной и Белоруссией. В этих слободах укрывались беглые купцы-раскольники, спасаясь от податей и рекрутских наборов. Они вели крупные торговые операции, владели промышленными предприятиями, эксплуатировали меньшую ветковскую братию. Недаром эти богатые раскольники были против крайностей в убеждениях раскольничьей массы. Они вовсе не считали, что на земле властвует антихрист, которому поклоняются царь и архиерей. Царь, конечно, еретик, но все же он глава власти, и ему, по слову апостола Павла, надо повиноваться. Купцам очень неплохо жилось и на этой грешной земле, они были против ухода от мира, из этой «юдоли скорби и печали», где можно так хорошо заработать.

Но в основной массе ветковцев рос протест, и в раскольничьих скитах и монастырях уже не раз прекращали молитву за царя.

Ветка была бельмом на глазу царских властей. Нельзя допустить, чтобы существовало место, куда толпами стекается обездоленный, недовольный люд. Это угрожало самому существованию царского государства. Строгими мерами хотели прекратить побег. Пойманных на границе ждал кнут, проводников смертная казнь. По всей западной границе расставили форпосты для ловли перебежчиков. Но беглые силой пробивались через караулы, находили неизвестные тропы «за рубеж».

Пробовали действовать и иными средствами. Еще правительство Анны Иоанновны в 1733 и в 1734 годах опубликовало «высочайшие» манифесты, об'являвшие зарубежным русским людям, чтобы они без страха возвращались из Польши в Россию, где, в случае добровольного возврата, их простят. Но само правительство не очень верило в силу уговоров. В том же 1734 году, воспользовавшись внутренними неурядицами в Польше, Россия послала туда свои войска. Командирам предписывалось заодно разведывать о беглецах, где, в каких местах и у кого они обретаются. Предполагалось окружить войсками места поселения русских беглецов и вывести их из Польши вместе с семьями и всем имуществом.

В начале 1735 года организован был особый военный отряд из пяти полков, чтобы «очистить Ветку». Начальство над отрядом поручили полковнику Сытину, имевшему большой опыт в подобных делах. Еще в 1728 году он искоренял в пензенской провинции «воровские компании и пристани набродных людей». Сытин перешел польскую границу и приступил к «выгонке» ветковских беглецов. Чтобы замаскировать истинные цели экспедиции, солдатам об'явили другой маршрут. Хитрость

удалась: в Ветке и не подозревали о близкой опасности.

Ветку окружили; слобожане, захваченные врасплох, не могли оказать никакого сопротивления. Обыскали жилища, кельи. Дома сожгли и разграбили. Тех, кто не успел бежать, взяли в плен, послали на старые места жительства, отдали прежним помещикам, угнали в Сибирь, рассадили по монастырским тюрьмам.

Ветку разрушили, уничтожили. Но уже лет через пять после первой «выгонки» Ветка снова отстроилась и опять стала центром притяжения для всех, кто не хотел мириться с крепостническими порядками. Ветка заселилась народом, который, по характеристике современника, был «суеверен, груб, предприимчив и обманчив, но поворотлив, к делам способен, трудолюбив и обходителен».^{8}

В 1764 году правительство Екатерины II предприняло вторую «выгонку» из Ветки. В «выгонке» участвовал и Пугачев. Командиром полков, производивших эту операцию, был генерал Маслов. Он расправился с непокорной слободой еще более жестоко, чем его предшественник. Расправа длилась два месяца и кончилась тем, что всю Ветку отправили на поселение в Сибирь.

Народное сказание сохранило память о «выгонке».

Пустыня была всем прибежище,
Ныне уже и там нет убежища.
Рассыпают нас, разлучают нас...
Дождались мы жестокой зимы,
Выслали всех без всякой вины...
Теперь все замолкло и нет ничего.
Погибло, истлело, травой заросло.
Перестаньте петь веселые птицы!
Скоро улетайте за моря от нас,
Скажите за морем, что уже нас тут нет;
К нам не прилетайте к будущему лету,
Пущай распевает здесь одна сова
Летучие мыши и воробьев стада!^{9}

Еще на Дону Пугачев слышал о Ветке. В качестве невольного участника карательной экспедиции ему пришлось познакомиться с этим местом пристанища беглых. Скоро и сам он побежит туда....

Разгром Ветки кончился. Пугачева, как и всю казачью команду,

отправили на родину, на Дон. Пугачев пробыл дома три-четыре года. Он обременен семьей; у него пятеро детей. Надо заняться хозяйством. Оно нуждается в постоянном присмотре, в хозяйском глазе. Но служилый казак — человек подневольный. Пугачева постоянно отрывают от дома, посылают «в разные партии» ловить беглых подданных державы российской. И Емельяна поразило это обилие людей, мечтавших уйти от неволи. Он видел отчаянное сопротивление беглецов, узнал проторенные дорожки, что вели за рубеж.

Подобные экспедиции в Польшу повторялись неоднократно. Пугачев отлучался из дому часто, на месяц — на два. В промежутках между отлучками он занимался хозяйством, вкладывая в это дело много энергии, ума, оборотистости.

В 1768^[1] году Пугачев, вместе с одним товарищем, затеял торговые дела и поехал в село Котловку, приписанное к Авзяно-Петровскому заводу крупнейшего уральского богача Евдокима Демидова. Заехали к приписному крестьянину Карпу Степанову, по прозвищу Карась. Компаньоны купили у местных крестьян деготь, холсты, погрузили на купленное тут же судно и отправились вниз по Каме и Волге к Царицыну. Повидимому, деньги давал компаньон, Пугачев же помогал закупать товары, следил за их погрузкой и отправкой, возился с работными людьми. Денег было недостаточно, чтобы на месте расплатиться за покупки. Крестьянин Вавилов, продавший им деготь, отправился вместе с покупателями в Царицын, чтобы там, после продажи товаров, получить с них долг.

В Котловке Пугачев мог познакомиться с жизнью приписных к заводам и работных людей, узнать их тяжкую и горькую жизнь. Видел он также богатых крестьян, ведущих крупные торговые операции. Эти знакомства еще пригодятся Емельяну.

В 1768 году началась война с Турцией. Российский помещик стремился завоевать у Турции тучные земли Причерноморья. В союзе с купечеством российские крепостники добивались исключительных прав на Черном море, чтобы их корабли свободно везли в чужеземные страны лен, пеньку, хлеб и все, что добывалось кабальным трудом крепостного люда. И снова — в третий раз — погнали Пугачева на войну. Опять бесконечные переходы под знойным, немилосердным солнцем. Опять ржаные сухари и похлебка. Русские генералы утверждали даже: «Русский солдат настолько привык к ним [сухарям], что сладкий пшеничный хлеб ослабляет его».^[10] Опять ночевки в седле или на сырой земле. Опять солдаты «везде стянуты и задавлены так, что естественных нужд солдат отправлять не может: ни

стоять, ни сидеть, ни ходить покойно ему нельзя. Тесак как огонь горит, но полоса заржавела вместе с ножами. Ружье как зеркало чисто, но не может целко выстрелить от уродливой ложи». ^{11} Это была царская крепостническая армия конца XVIII века, где храбрый выносливый русский солдат «в слезах горьких с'едает сухарь свой, проклиная службу и командиров, озираясь только по сторонам, где бы скорее к побегу найти дорогу и случай?» ^{12} Вдобавок все командиры беззастенчиво разворовывали армейский провиант, полковые деньги, обмундирование. Они обращали солдат в своих, крепостных, принуждали их работать на себя, подчиняли палочному строю императорской армии.

Безымянный грамотей из солдат сочинил трагикомическую стихотворную челобитную «к богу от крымских солдат». Челобитная датирована «холодного месяца, морозного числа, неурожая в Крыму денег, года».

...Ныне же Адам с Евою живет в раю,
А нас оставил в проклятом крымском краю,
Показав как дрова рубить косами
И собирать в поле навоз нашими руками;
День и ночь на плечах кизяк носим,
И в том тебе, господи, и на праотца просим.

Адам обращался всегда наг в трудах.
Лишились и мы через то сапог и рубах,
Обносились в Крыму, а купить денег нет,
И так мучимся уже много лет;
Трудно жить в Крыму, а снести не можно,
Об'являем, господи, всю нужду нашу неотложно. ^{13}

А «измайловского полку гренадер» Иван Макаров в горьких частушках описывал армейское житье-бытье:

Я отечеству защита —
А спина моя избита,
Я отечеству ограда —
В тычках, палках — вся награда.

О, солдат! ты горемыка,

Хуже лапотного лыка.
Твоей жизни хуже нет,
Про то знает и весь свет.
Тебя дуют, тебя бьют.
Так, как полосу куют.
И собаку чтут дороже!
Палкой бьют тебя по роже,
Разбивают глаза, губы,
Не забудут тут и зубы. [114](#)

Пугачев служил хорунжим в команде полковника Ефима Кутейникова, у атамана Тимофея Грекова. Сначала его отправили со всей командой на зимовку в Бахмут. Весной казачью команду отправили к Бендерам. У этой турецкой крепости Пугачев участвовал в многочисленных сражениях. Взять ее не удалось — осаждающие были слишком малочисленны. Прошло лето. Команда Кутейникова поредела, истоцилась. Пришлось казакам зимовать в селах Веревкине и Протопоповке, на реке Донце.

Весной отряд Кутейникова, влившийся в армию графа Панина, снова направился в очень тяжелый переход к Бендерам. Нестерпимый зной и проливные дожди сменяли друг друга, ночью мучили сильные холода. Край был истощен проходящими войсками: деревни выжжены и разорены до основания, травы и хлеба истреблены на корню. Жители перебиты, уцелевшие скрывались в горах. Вокруг бушевала чума.

Здесь произошел малозначительный, но интересный эпизод. Однажды Пугачев напился пьяным. Событыльник спросил его, откуда он взял такую хорошую саблю: саблей государь жалует отличившихся казаков, а за Пугачевым не числилось никаких особых заслуг. Пугачеву казалось недостойным рассказывать прозаическую историю о сабле, снятой с павшего в бою казака или подобранной случайно. Ему всегда хотелось быть отличным; к тому же винные пары располагают к хвастовству. И, не моргнув глазом, он об'яснил, что саблю подарил ему не кто иной, как Петр I, чьим крестником он, казак Емельян Пугачев, и приходится.

Рассказ Пугачева стал известен среди казаков, дошел до Кутейникова. Благодаря явной несуразности этой истории, ей не придали никакого значения, а только посмеялись.

Эпизод этот вспомнили Пугачеву позднее, когда он — вождь народного восстания — был разгромлен в Симбирске и давал показания следователям. Пугачев горячо уверял мучителей, что «сие сказано.... не от

каких намерений, кроме, чтоб чрез то произвести себя отличным от других». На этом факте не стоило бы останавливаться, если бы он не занял своего места в цепи развернувшихся дальше событий.

*

В начале июля 1770 года началась осада Бендер. Турки сопротивлялись отчаянно. В ночь с 15 на 16 сентября русские войска пошли на приступ. Бой длился всю ночь. Гарнизон сложил оружие лишь тогда, когда сопротивляться дальше стало невозможно, когда пожар истребил крепость. В метафорическом и напыщенном стиле той эпохи Панин доносил императрице: «Медведь издох, и сколь он бендерскую берлогу ни крепку, а ногтей почти больше егерей имел, и сколь ни беспримерно отчаян и свиреп был, но... храбрость с бодрствием нашли способ по лестницам через стены его берлоги и совершенно сокрушить всю его челюсть». ^{15} Победа далась дорого: во время осады и приступа погибло более одной пятой всей армии. Пугачев уцелел.

Из Бендер казаков отправили в Елизаветград. Команда Кутейникова расположилась на зимние квартиры. Пугачев квартировал в селе Голая Каменка. Здесь и дали себя знать результаты походов и сражений. Емельян Иванович заболел, «и гнили у него грудь и ноги». ^{16}

Больному пришлось тяжело. В армии Екатерины II очень мало заботились о больных воинах. Современник свидетельствовал, что армейские госпитали «ужасают всякого человека, кто только каплю чести и человеколюбия имеет». ^{17} Начальство было прямо заинтересовано в увеличении солдатской смертности: умершие числились больными, и их жалованье, провиантские и другие деньги командиры спокойно клади в свой карман. Наконец, Пугачева, вместе с сотней казаков, отпустили на родину. Казаков отослали для «исправления лошадьми», Пугачева — «за показанною болезнью».

СКИТАНИЯ

Прусская кампания, усмирение ветковских раскольников, турецкие походы оставили глубокий след в сознании Емельяна Пугачева. До сих пор он безропотно нес казачью службу, покорно снаряжался и шел туда, куда гнал царский указ или вел казачий атаман. Он был отличным бойцом, решительным и отважным в военных действиях. Его отметили, произвели в хорунжие, но это была не очень высокая награда за утомительные бесконечные переходы, кровавые сражения, за гниющие грудь и ноги.

Пугачев вспоминал все, что довелось видеть и перенести: изнуряющие походы по прусским болотам, по южным степям, неизменные ржаные сухари, денисовские плети, издевательства командиров, горящие деревни, страстное стремление людей к свободе, к поискам земли, где жизнь краше. Где же эта земля? В Польше, на Кубани, на Тереке, в Турции?..

Пугачев приобрел большой боевой опыт, он видел иных людей и чужие страны. И рядовой казак-хорунжий возненавидел царскую, дворянскую службу. Он решил искать воли... Он был еще далек от мысли, что его поиски личной свободы вольются в общий народный порыв к воле и что именно ему придется возглавить борьбу сотен тысяч людей. Для последнего нужен был еще длинный ряд встреч, разговоров, неудач и успехов, наблюдений и впечатлений. А главное — нужно было, чтобы скапливалось больше революционного напряжения в том предгрозовом стоянии, в каком находилась тогда крепостная екатерининская Россия.

В своих поисках свободы от дворянского гнета Пугачев был не одинок. Дон уже вышел из повиновения. В 1769 году, во время Турецкой войны, отряд донцов должен был напасть на крымских татар. Но казаки прошли не более пятидесяти верст и разошлись по домам под тем предлогом, что наступило время жатвы и сенокоса. Не помогли и неоднократные требования главного командования второй армии о новой присылке казаков. Атаман Ефремов угрожал: «Я заберусь в горы и таких бед России натрясу, что она будет век помнить».

Насильно собранные в Кулишатской станице казаки взбунтовались против начальников, избили полковников и чуть не утопили старшину.

Весною 1771 года командующий второй армией князь В. Долгоруков потребовал новой присылки казаков. Атаман Ефремов собрал в Черкасск недавно возвратившихся казаков и приказал им снова отправиться в поход. Он заявил, что по распоряжению правительства отказывающихся отправят

на поселение в Азов и Таганрог. Одновременно Ефремов дал понять, что желающие могут откупиться от похода. Люди денежные были освобождены, «а неимущие зато взволновавшись отказались».^{18} Отправился в поход после отпуска и Пугачев. Он собрал свою команду и «прямым трактом пошел на реку Донец».

В пути он увидел, что «по причине своей болезни ехать никак не мог».^{19} Узнав о возможности выкупа, Пугачев нанял казака Лазуновской станицы Бирюкова. Казак получил двух лошадей с седлами, саблю, синюю бурку — зипун, двенадцать рублей, харч и отправился на войну вместо Пугачева. А Пугачев остался дома «и лежал болен ногами и грудью, как у него... гнили без мала год».^{20}

Это был бурный год. Получив донесение о сомнительных действиях Ефремова, правительство потребовало его в столицу под предлогом переговоров о безопасности границ, так как близ донских станиц появились татары. Ефремов понял, что его заманивают в ловушку, и отказался ехать в Петербург. Тогда военная коллегия приказала находившемуся в Черкасске генералу Черепову прислать непокорного атамана в столицу силой. Ефремов получил приказ, чтобы он, «в каком бы состоянии и где бы теперь ни находился», явился в Петербург.

Атаман решил поднять Дон. Он отправился по станицам, собирал станичных атаманов и казаков и сообщал им, что правительство Екатерины обязывает войско донское давать рекрутов. Казаки заволновались. На все приказы Черепова ехать в Петербург Ефремов отвечал отказом, подчеркивая, что ему, а не Черепову, поручено командование донским войском и что он сам отвечает за свои поступки. Черепов распорядился выставить у Черкаска вооруженные пикеты, чтобы не пускать Ефремова в город.

Среди казаков пошла молва, что атаман желает отстоять старинные права донцов, избавить их от рекрутчины, возвратить домой переселенных в Азовскую и Таганрогскую крепости. В сентябре войсковая канцелярия получила «предвозвестительный пасквиль», т. е. антиправительственную прокламацию. Прокламация требовала от атаманов и старшин: «За реку [т. е. за Донское войско] стойте крепко, генералу Черепову подписок не давайте, а то узнаете, что вам и генералу с вами будет. Это ведь не яицкое, а донское войско».

Первого октября генерал Черепов распорядился собрать в Черкасске войсковой круг и прочитать правительственные грамоты и указ об отзыве Ефремова в Петербург и о его неподчинении.

Есаул Перфилов сказал: «Грамоты подписаны генералом, а ручки государыни нашей нет. Атаман Ефремов пожалован именным указом, а теперь не велено от него никаких указов исполнять, а слушать Черепова. Атаман в город не впускается, а когда силоваться станет [попробует ворваться силой], то приказано стрелять по нем».^{21}

Круг зашумел, заволновался. Казаки говорили: «По войсковом атамане мы стрелять не будем и как командира своего в город впустим; генерала же за командира почитать не желаем, потому что и наперед сего никогда не бывало, как ныне Черепов нами командует, от этого нам большая обида».

И еще кричали казаки: «Генерал хочет нас в регулярство [в солдачину] писать, и реку разделить, затем и атамана в дом не пускает».

Казаки бросились к дому, где жил генерал Черепов, и пытались вытащить его на площадь. Генеральских защитников забросали камнями.

— Ты хочешь нас писать в солдаты, — кричала толпа Черепову, — но мы все померем, а до того себя не допустим.

Казаки требовали, чтобы Черепов снял пикеты и покинул город.

Огромная толпа бушевала перед генеральским домом. Через кухонный выход Черепов пробрался к Дону. Он хотел переправиться в крепость но казаки нагнали его, били кулаками, швыряли камнями, «за волосы драли и сюртук на нем изорвали».^{22} Дом Черепова был разгромлен, окна и двери выбиты, крыльцо разломано.

Казаки хотели утопить Черепова в реке, но потом решили повести его на расправу к атаману. Ефремов с большой свитой выехал навстречу бушевавшей толпе, вошел в середину ее и взял Черепова к себе в дом.

Узнав о событиях на Дону, Екатерина отправила в Черкасск капитан-поручика Ржевского с приказом во что бы то ни стало арестовать атамана. В ночь на 9 ноября Ржевский арестовал Ефремова и отвез в крепость.

В ту же ночь в Черкасске казаки ударили в набат. Прозвучали выстрелы вестовых пушек. Народ узнал об аресте Ефремова. Казаки ворвались в войсковую канцелярию и начали укорять наказного атамана Машлынина и старшин: «Вы выдали атамана и велели звонить на пожар. Всех вас перебить и в воду посадить! Мы пойдем в крепость, узнаем, там ли атаман».

На следующее утро несколько сот вооруженных казаков явились к крепостным форпостам, чтобы освободить Ефремова.

— Где атаман? — кричали казаки. — Жив ли он? Будут ли держать его в крепости или куда повезут?

Ответа они не получили. Погарцовав около крепости, казаки

раз'ехали по домам с угрозами: «Ночью всем войском придем выручать своего атамана». ^{23}

Ефремова срочно повезли в Петербург. Кроме непослушания, атамана обвинили в злоупотреблениях войсковыми суммами, во взяточничестве и других преступлениях и отправили в вечную ссылку.

Пугачев знал о всем происходящем, хотя сам он вряд ли принимал участие в этих тревожных и бурных событиях. Он видел, как Дон выходит из повиновения царице, и все больше укреплялся в твердом намерении бросить царскую службу.

Станичные атаманы и старые казаки, видя, что Пугачев «к выздоровлению безнадежен, ибо на ногах и на руках были величайшие раны», ^{24} посоветовали ему ехать в Черкасск, проситься в отставку. Пугачев оставил дома семью, сел в лодку и поплыл в Черкасск. Здесь интересно одно обстоятельство. В свою лодку Пугачев погрузил два пуда муки и два пуда пшена, повидимому, он заранее готовился к длительному путешествию. Он уже не рассчитывал на правительственную «милость» и решил, если его ходатайство встретит отказ, бежать. В Черкасске он заехал к казацкой вдове Скоробогатовой — вместе с ее сыном Пугачев воевал под Бендерами.

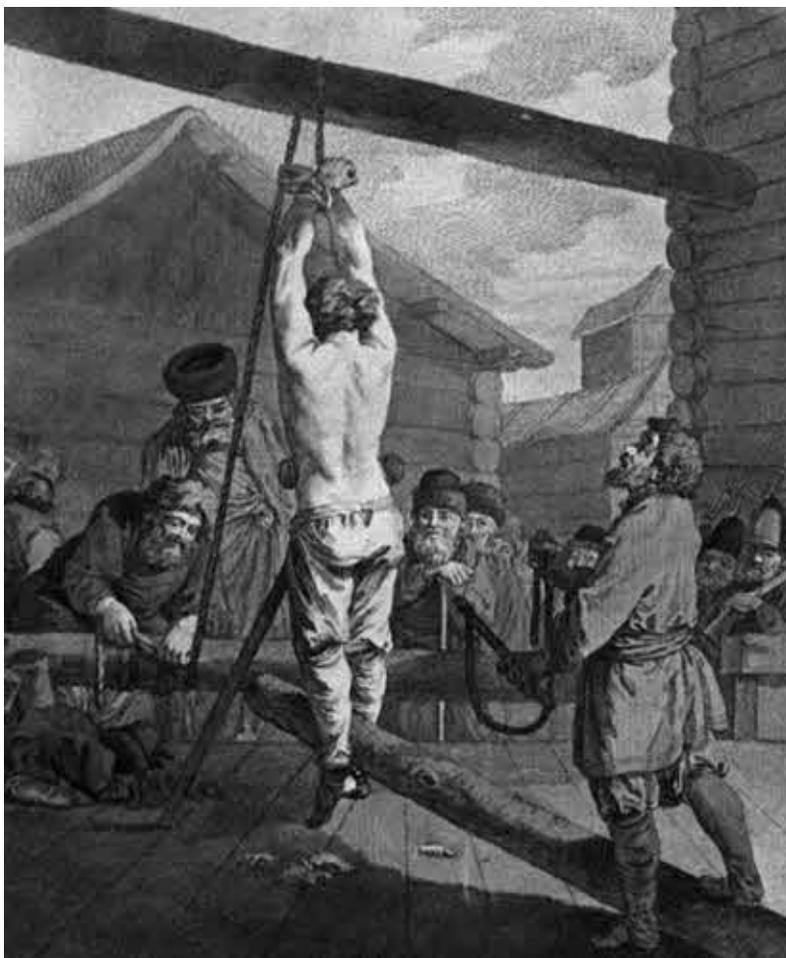
В тот же день он отправился в войсковую канцелярию и изложил свою просьбу. Ему предложили лечь в лазарет. Пугачев вспомнил армейское лечение и решил лечиться на собственный счет. Скоробогатова одобрила отказ казака от армейской медицины. «Нет, Пугачев, не ходи в лекарство, вить оно очень трудно» ^{25}, сказала вдова и пустила в ход старинную армейскую медицину: покупала бараньи легкие и прикладывала их к больным ногам постояльца. Пациент почувствовал себя лучше.

Четыре дня пробыл Пугачев в Черкасске. Нельзя было оставаться долго в этом неопределенном положении. Отставки ему не дали. Предстояло либо вернуться домой в Зимовейскую и снова впречься в служебное ярмо, либо попытаться самому найти волю. Пугачев выбрал последнее.

Наказание солдата палками во дворе казармы

Зарисовка Г. Гейслера времени пребывания его в России (1790–1798 гг.)

Наказание кнутом.

С редкой гравюры Ж. Тилляра, сделанной с рисунка Ж. Принса

Он обменял муку и пшено на лошадь и поехал в Таганрог. Там жила его сестра замужем за донским казаком Павловым. В Таганроге Павлов очутился против воли: вместе с другими казаками его переселило сюда правительство из родной Зимовейской станицы, Павлов мечтал вырваться из Таганрога. С первой же беседы казаки убедились, что они — единомышленники.

Невеселые беседы вели казаки. Павлов говорил, что казацким вольностям пришел конец, что казаков хотят превратить в регулярную часть российской армии, с ротмистрами и полковниками, «хотят обучать

по-гусарски и всяким регулярным военным подвигам». Да и вообще жить стало нелегко, прибавил Павлов, — «лесу нет и ездят за лесом недели по две и оттого многие казаки уже бегут».

— Не годится, чтоб переменять устав казачьей службы — вскричал Пугачев и посоветовал добиваться, «чтобы оставить казаков на таком основании, как деды и отцы войска донского служили».

Павлов ответил, что из этого ничего не выйдет: перемены зашли слишком далеко, казацких старшин уже нет, вместо них назначены ротмистры. Остается, заключил он, единственный выход — «бежать туда, куда наши глаза глядеть будут». ^{26} Павлов добавил, что он уже стоворился о побеге с четырьмя казаками.

Начали обсуждать маршрут побега. Павлов предлагал два направления: «Коли де в Русь побегу, то с женой, а если без жены, то хоть в Сечь Запорожскую». Бывалый человек, Пугачев знал больше путей. «Куда бежать? — говорил он. — В Пруссию — Далеко, на Руси поймают, в Запорожье, коли один пойдешь, то по жене стоскуешься, а приедешь за ней, то тебя схватают». ^{27} Остается Терек: там уже есть казаки, да и тамошнему атаману будто бы предписано принимать беглых.

Так и порешили — бежать на Терек. Но как сделать, чтобы власти узнали о побеге возможно позднее? Условились, что сначала поедет сопровождаемая Пугачевым сестра, держа путь в Зимовейскую, якобы для свидания с матерью. Павлов же с товарищами, во избежание всяких подозрений, совершит побег неделю-другую спустя.

Поездку оформили официально: ротмистр выдал Павловой соответствующий билет. Пугачев с сестрой и ее малолетней дочерью отправились в путь-дорогу. Они ехали пять дней, миновали Черкасск, остановились в степи, у реки Тузлов, кормить лошадей, как вдруг их догнал Павлов с тремя казаками.

Пугачев был страшно недоволен невыдержанностью своего сообщника:

— Што вы это наделали? — сказал он с упреком Павлову. — Вить того и смотри, што нас поймают! Вить я говорил, штоб помешкать недели две, погубили вы меня и себя.

— Что ты ни говори, мы назад не поедем, а пойдём туда, куда бог наразумит, — решительно ответил Павлов.

Пугачев увидел, что препирательства бесполезны — несвоевременный побег начат и надо подбодрить товарищей.

Когда вы уже сие предприняли, — сказал он беглецам, — так бегите на

реку Терек; там много живет людей, рек и лесов довольно, и там прожить будет способно; а тамошние жители странноприимчивы, и вас для житья примут. {28}

Накормчили лошадей и доехали вместе. Не доехав До Зимовейской станицы, Павлов простился с женой и Пугачевым и вместе с Тремя казаками остался я лесу. Пугачев поехал к себе, а сестру отправил к свекру.

На другой день Павлов пришел в отцовский дом, но внезапное появление сына в Зимовейской показалось отцу подозрительным. Беглецу пришлось выдумать историю, как жена его без разрешения казачьего бригадира уехала из Таганрога, как бригадир ругал покладистого мужа: «Сюда жен на житье силою привозят, а ты отпускаешь» {29}. О своем побеге Павлов не проронил ни слова.

Всего лишь сутки пробыл казак в родительском доме. Потом сказал отцу, что возвращается в Таганрог, и в полночь пошел к Пугачеву. Пугачев открыл свои намерения матери и жене. Те заплакали и принялись уговаривать его остаться дома.

Пугачев начал колебаться. Из-за поспешности товарищей, бежавших раньше времени, его план побега не осуществился. Власти могут быстро спохватиться и поймать беглецов. А тут еще слезы близких и любимых людей. Пугачев решил отложить побег. Но у Павлова выбора не было — он уже «законопреступник», беглец. Возврата нет, надо бежать дальше, чтобы замести следы, скрыться.

Видя колебания товарища, Павлов попросил Пугачева хотя бы показать ему дорогу на Терек. В душе он надеялся, что достаточно вырвать Пугачева из расслабляющей обстановки слез и уговоров, чтобы тот уже не вернулся домой. Проницательный Пугачев понял, к чему клонит его друг. Он отказался показать дорогу: «Ты за солью на Маныч хаживал, так поди сею дорогою, а она и доведет тебя до Терека». {30}

Безвыходность положения пробудила в Павлове изворотливость. Он явился к отцу, и, сказав что хочет взять жену в Таганрог, отправился с нею в степь Ночью он поручался у пугачевских ворот. Жена Пугачева, не желая, чтобы муж уехал с Павловым, сказала:

— Што вы ездите? Вас уже ищут и знают, что вы бежали. {31}

Павлов испугался и вернулся в степь. Три дня прожил он в томительном ожидании. Один из беглецов струсил и покинул своих товарищей. Но кругом тихо и безлюдно. Никакой погони нет. О побеге никто не знает. На третий день Павлов с двумя товарищами появился у Пугачева и настойчиво просил перевезти через Дон, рассчитывая, что если

Пугачев поможет, то вынужден будет присоединиться к ним.

Дальше тянуть невозможно. Пугачев уверил плачущих жену и мать, что с зятем не побежит — «И статное ли дело, чтоб он оставил отечество и поехал бы на Терек». ^{32} Взял лодку, посадил сестру, Павлова, двух его спутников, перевез через Дон, высадил всех и отчалил от берега. Видя, что Пугачев его покидает, Павлов обнажил саблю и вплавь бросился догонять лодку, Пугачев стал грести изо всех сил и уплыл от расвирепевшего зятя. Уже в этом эпизоде наглядно проявились некоторые черты пугачевского характера — смелого, но предусмотрительного, осторожного, но решительного в серьезные моменты.

Три недели блуждали беглецы по донским степным просторам. Они не нашли дороги на Терек, и смертельно истомленные, голодные, вернулись в Зимовейскую. Их поймали, повели в станичную канцелярию. Там они признались в побеге и рассказали о пособничестве Пугачева.

Пугачев испугался. Он слышал, «что всем казакам под казнь» об'явлено, что «за реку беглецов не перевозить и самим не бегать». ^{33} Он вскочил на лошадь и бросился в донские степи, где шатался две недели. Тяжела жизнь беглеца. Пугачев рыскал по степи, сторонясь людей, обходя станицы. И «стало ему скушно, да и хлеб, который взял с собой, весь с'ел». ^{34}

Ночью, чтоб никто его не видел, он вернулся домой. Жена рассказала, что Павлов с женой и матерью под арестом отправлены в Черкасск. Что делать? Умереть голодной смертью в бегах не хотелось, сидеть дома и пассивно ждать ареста было Пугачеву не по душе. Он пустился на хитрость. Стараясь опередить арестованных, он поспешил в Черкасск. Его добровольный приход к властям снимет все подозрения. Так и вышло. Пугачев явился к дьяку Колпакову и с подкупающим чистосердечием сказал: «Я слышу, што про меня говорят, будто я бегал, а я не бегал».

При этом Пугачев представил станичный паспорт, когда-то выданный атаманом Зимовейской станицы Трофимом Фоминым. Простодушный дьяк вполне удовлетворился об'яснениями казака и даже воскликнул с негодованием: «Кой же чорт пишут, что ты бежал, а у тебя пашпорт». ^{35} Он сочувственно посмотрел на Пугачева и отпустил его.

Обман обнаружился на другой же день, когда в Черкасск привезли Павловых. Зять показал, что Пугачев помогал ему в побеге и сам хотел бежать с ним. Немедленно начались поиски обманщика-казака по всему Черкасску. Пугачев бежал в свою станицу. Он переночевал дома только одну ночь. Родная сестра Ульяна Пугачева пошла навестить вернувшегося

брата. Об этом свидании она рассказала мужу, который счел необходимым немедленно заявить о Пугачеве в станичной избе.

Пугачева арестовали. Две ночи пробыл он под арестом, на третью бежал. Двое суток, как дикий зверь, лежал он в камышах, в болоте, без пищи, без воды, без теплой одежды. Изможденный, голодный и полубольной на третий день вернулся домой. Пугачев нашел самый простой, но в данных обстоятельствах самый верный выход: он резонно решил, что власти не станут искать его дома. Никому из старшин не придет на ум, что после стольких побегов Пугачев скрывается в собственном доме.

Однако оставаться в избе до бесконечности невозможно — беглого казака рано или поздно обнаружат и тогда его ждет строжайшая кара.

В декабре 1771 года Пугачев объявил жене, что намерен бежать на Терек и, если ему удастся там обосноваться, он вернется за ней. Да жена и не удерживала больше любимого человека: воля, хоть и в бегах, лучше верной тюрьмы. Она приготовила харч на дорогу, покорно проводила мужа. Пугачев сел на коня, в лисьем малахее, подпоясанный белым шелковым кушаком, с шашкой на боку.

Осторожно, минуя заставы, он проехал степью в станицу Ишорскую, где жили недавно поселенные казаки. Здесь не интересовались личностью приехавшего. Пугачев остановился отдохнуть у одного местного жителя-украинца.

Свое пребывание в Ишорской Пугачев использовал, видимо, не только для отдыха. Он беседовал с гостеприимным хозяином, с его знакомыми. Выяснил, что казаки получают низкое жалованье, мало провианта. Он решил заступиться за интересы казаков, но для этого необходимо было легализоваться. Пугачев поскакал в Дубовскую станицу и направился к атаману Татаринцеву. Назвавшись донским казаком Емельяном Ивановым, он рассказал выдуманную историю о том, что вместе с другими казаками поселился в здешних краях только в прошлом году и просил приписать его в терское семейное войско.

Места были новые, русское правительство только недавно начало их колонизировать, заселять казаками, — люди еще не обжились, не знали друг друга. Поверив Пугачеву, Татаринцев приписал его в Дубовскую станицу и сразу по его просьбе отпустил в Ишорскую.

Здесь Пугачев прожил целую неделю. Дни проходили в бесконечных разговорах с казаками. Много наслышался он о казацких нуждах, лишениях, тяжелом житье-бытье. Он беседовал как человек, принимающий казачьи интересы близко к сердцу. Ум, знание стран и людей, живость и энергичные речи привлекли к пришельцу всеобщие симпатии. На большом

и шумном собрании казаков станиц Галючаевской. Ишорской и Наурской атаманы и старики просили Пугачева ходатайствовать в военной коллегии, чтобы казаки этих станиц получали жалованье и продовольствие наравне с терским войском. Пугачев согласился ехать в столицу с прошением.

Необычайная и неожиданная миссия вполне устраивала беглеца. Он становился легальным человеком, официальным представителем казацкой массы. Мало того, он как-то возвышался над ней, получал возможность выступить от ее имени в таком высоком учреждении как военная коллегия.

Радужные перспективы ожидали Пугачева в случае удовлетворения ходатайства. Вспомним его хвастовство под Бендерами, стремление «произвести себя отличным от других». Теперь его честолюбивые мечты вполне совпали с искренним и горячим стремлением улучшить жизнь своих братьев-казаков.

С двадцатью рублями, полученными от общества, с коллективным прошением и со свинцовой печатью войска донского, которую тут же в Ишорской смастерили два казака, Пугачев отправился в дальний путь. Путь оказался, однако, для Пугачева коротким.

Девятого февраля 1772 года Пугачев поехал в Моздок закупить припасы на дорогу. Около города за рогаткой, его поймали караульные казаки. Подозрительную личность посадили на гауптвахту, приковав цепью к стулу. Пугачев сразу разработал план побега, и в ночь на 13 февраля его выполнил. Прельстив часового Венедикта Лаптева перспективой вольной жизни, он подговорил его бежать вместе. Ночью арестант, попросившись на двор, бежал вместе с часовым, унося с собой три звена цепи, которой был прикован, и замок.

Гнев властей, обрушился на казаков трех станиц, недовольных жалованьем и провиантом, выбравших беглого в атаманы и снарядивших его в столицу. Все они были «нещадно батожем наказаны».

Изможденный, отощавший, смертельно усталый вернулся Пугачев домой. Он надеялся побыть здесь некоторое время, отдохнуть, набраться новых сил. Не пришлось. Жена Софья Дмитриевна была уверена, что Емельяна найдут, и приняла некоторые меры предосторожности. Детей Трофима, Аграфену и Христину увела к брату Пугачева Дементию, «чтоб они о приходе ево домой не разболтались».^[36]

Плачущей жене Пугачев рассказал, что был на Тереке, что казаки приняли его в свою среду, хотели даже выбрать в атаманы. Жена не верила ему, не переставала плакать. Пугачев понял, что скрываться дома не удастся. «Ну, ин коли так, так поди и скажи про меня, што я пришел», — предложил он.

Софья Пугачева рассказала о возвращении мужа жене Дементия; та немедленно передала об этом казакам. Пугачева арестовали и отвели к атаману. На другое утро беглого заковали и отвезли в станицу Чирскую, к старшине розыскной команды Михайле Федотову. Старшина, как полагалось, был взяточник. Оставшись наедине с пленником, он предложил не везти его в Черкасск, а записать на службу, вернуть к легальной жизни. За услугу Федотов попросил сто рублей.

— У меня ста рублей нет, а пятьдесят рублей дам, — ответил Пугачев, знавший покладистый нрав взяточников.

Но у забросившего дом и хозяйство беглеца и этих денег не было. Федотов согласился отпустить его искать денег. В сопровождении караульных Пугачев отправился к старшине станицы Карпу Денисову и занял у него необходимую сумму.

Осторожный Федотов спросил Пугачева: «Где ты деньги эти взял»? Узнав, что деньги взяты у старшины Денисова, он отказался принять их: «Он свой брат полковник, как он о этом сведает, что я с тебя взял, то он на меня донесет и меня за это разжалуют. Поди вон!»

Освобождение сорвалось. Пугачева повезли под конвоем с группой колодников в Черкасск. По дороге остановились в станице Цимлянской. Колодников загнали в станичную избу. Вдруг Пугачев увидел в окно знакомое лицо. Местный житель, казак Лукьян Иванович Худяков, молотил пшеницу на собственном дворе. Пугачев служил вместе с Худяковым еще в прусскую кампанию. Казаки сблизились и по возвращении на родину навещали друг друга. Человек быстрого ума, Пугачев решил использовать старое знакомство для своего освобождения. Большой мастер на выдумки, он подошел к Худякову и рассказал только-что сочиненную им историю:

— Разорил меня Роман Пименов [старшина] и пограбил... да меня ж и послал в Черкасск не знаю, не ведаю за што. Но, спаси бог, меня везут без колотки и безо всего. Да горе мое в том, што с такими колодниками везут меня водою, так вить не скоро доведут. А пора приходит, штоб сеять пшеницу. Так я знаю, што я прав буду и меня отпустят из Черкаска — за меня и старшина Аловленской Михайла Макаров старается, и писал к войсковому есаулу письмо; да то моя беда, што уйдет время севу — так я совсем разорюсь. — так пожалуй, бога ради, возьми ты меня на свои поруки, што ты меня в Черкасск отвезешь, а я-де тебе шесть рублей заплачу. {37}

Худяков уважил просьбу своего старого приятеля. Почему бы и нет? Казак пострадал невинно, за него хлопочут старшина и сам войсковой есаул, его не сегодня-завтра освободят, да и заработать можно. Худяков взял

Пугачева на поруки и под вечер следующего дня отправил его со своим сыном в Черкасск. На третий день сын явился домой и рассказал, что Пугачев бежал.^[2] Доверчивый Худяков жестоко поплатился за то, что упустил арестанта: его высекли плетьюми, а старшину, отдавшего Пугачева на поруки, посадили на месяц на хлеб и воду.

Пугачев поехал на реку Койсуху, где правительство поселило выгнанных из Польши беглых раскольников. В раскольничьей слободе Черниговке (Белгородской губернии, Валуйского уезда) Пугачев выдал себя за казака команды Краснощекова, которая находилась где-то недалеко. Он спросил у встречного мужика, не знает ли тот человека, который отвез бы его к казачьей команде. Проводник нашелся в лице Алексея Коверина. Пугачев просил отвезти его до села Протопоповки, в тридцати верстах от города Изюма, где, якобы, находился обоз, Краснощекова.

Поехали. Беглецу-Пугачеву не имело никакого смысла являться к Краснощекову. Умелый и опытный притворщик решил сыграть на религиозных чувствах Алексея Коверина.

Вечером, когда спутники остановились на ночлег в чистом поле и начали варить кашу, беглец решил использовать располагающую к доверию обстановку.

— Што, брат, доброй человек, — обратился он к Алексею, — мне хочитца пожить для бога, да не знаю, где б сыскать таких богобоязливых людей.

— Я знаю такова человека набожнова, который к себе таких людей принимает, ответил Коверин и указал на раскольника Осипа Коровку из Кабаньей слободы, Изюмского полка.

— Пожалуй, бога ради, отвези меня к нему.^{38}

Пугачев знал, что преследуемые правительством раскольники скрывают у себя немало беглого люда, что они не выдадут раскольника, спасающегося от властей.

Пугачев, которому в конечном счете были совершенно безразличны церковные споры и разногласия, естественно тяготел к раскольникам, преследуемым официальной церковью и правительством. Он искал убежища в среде таких же, как он, отверженных российским государством и его церковью людей. Здесь, на реке Койсухе, Пугачев завязал первые связи с раскольниками, связи, которые будут постепенно крепнуть и поддерживать Пугачева до конца его борьбы.

Утром тронулись в путь, вечером приехали на хутор Коровки. Осторожный Пугачев послал вперед Коверина узнать, пустит ли Коровка

«человека, который хочет пожить для единого бога». Коверин вскоре вернулся с Коровкой. Пугачев встал с телеги и полный смиренного почтения сказал:

— Пожалуй, Осип Иванович, прими меня к себе бога ради.

Тронутый смирением и благочестивыми намерениями пришельца, Коровка ответил:

— Милости прошу, поди брате, за иной.^{39}

Пугачев рассказал, что он беглый донской казак и что бежал он потому, «што в службе никак богу угодить не можно».

Гостеприимный хозяин выразил полное сочувствие ищущему бога казаку. Сообщил, что и сам он с сыном страдал семь лет «за крест и бороду», долго сидел в тюрьме. Пугачев — не первый беглый, нашедший приют в его доме, да только много хлопот доставили ему беглецы.

Кончил Коровка тем, что боится держать у себя Пугачева, так как сюда часто наведываются воинские команды, и посоветовал ему направиться к Бендерам, где разрешают селиться всем «без разбору».

Пугачев ухватился за эту мысль.

— Ну, делать нечего, теперь поеду за Кременчуг, там у меня осталось, когда шел из-под Бендер, много серебра и платья, потому что тогда за язвой ничего не пропускали. Взяв оное, поеду к Бендерам; слышно, что там генерал Каменский поселяет всякого и там жить будет свободно.

Коровка рад был избавиться от гостя. Он заверил его, что и сам поедет туда всем домом, если только Пугачев узнает, что у Бендер принимают всех.

Пугачев отправился в Протопоповку. Дальше двигаться без паспорта было опасно. Единственным знакомым в этих местах был все тот же Коровка. Решив использовать знакомство до конца, Пугачев предпринимает простой, но хитроумный маневр. Несколько дней скитается он по дорогам и слободам — Коровка Должен подумать, что за это время Емельян успел побывать около Бендер. Решив, что времени прошло достаточно, Пугачев вернулся к раскольнику.

— Что Емельян Иванович, был ли под Бендерами, — спросил его хозяин, — селятся ли там?

— Селятся, только надобно ехать туда самому и выправить указ.

— Мне самому ехать туда невозможно, а возьми ты сына моего Антона.

Единственное затруднение заключалось в том, что у беглеца не было паспорта.

Коровка вызвался помочь и в этом. Он согласился дать Пугачеву

паспорт, выданный ему с сыном Антоном для торговли. Бывалого казака нисколько не смутила перспектива поехать под чужой фамилией. Он так обрадовался, что обещал Коровке перевезти и его на вольную бендерскую землю.

— Ты, — говорил Пугачев Коровке, — ни хлеба не сей, ни сена не коси, нонче непременно поедешь^[3].

Взяв у Коровки пятьдесят рублей и пару лошадей. Пугачев отправился вместе с сыном раскольника в Кременчуг, оттуда в Крюков и дальше к Елизаветинской крепости. Выехали на бендерский тракт. По дороге шли и ехали разного звания люди. Они рассказали, что никакого нового поселения в Бендерах не заводится. Антон Коровка посоветовал ехать в Стародубскую Климову слободу.

Стародубский район был вторым, после Ветки, важнейшим центром раскола. Сюда, как и на Ветку, сходились разные люди: преступники бежали из тюрем, крестьяне спасались от помещиков, солдаты и казаки от тягот военной службы, раскольники — от религиозных преследований. Особенно выросло значение Стародубья после второй ветковской «выгонки». Стародубье представляло для беглецов значительные удобства: край находился далеко от российских административных центров, от загребущих лап российских властей. Отсюда совсем недалеко и до польской границы. При случае можно и совсем убежать из России, а потом, возвратясь, записаться выходцем из-за рубежа.

Народ здесь жил бедный. Скудная почва Северной Украины давала плохие урожаи. В неурожайные годы приходилось пухнуть с голоду. Бедность доходила порой до того, что закладывались почитаемые за святыню «складни», а иногда они с горя пропивались в шинках. Пришельцам было тем труднее, что лучшие земли были уже заняты коренным населением. Возникали бесконечные тяжбы, драки и ссоры за землю. Приходилось итти в крепостную кабалу к местным помещикам, к богатым казакам. Помещик обязывал своего крестьянина к строжайшим правилам смиренного поведения. Богатые раскольники держали в залоге крепостных людей; должники отдавали их в работу заимодавцам.

Вместе с тем Стародубье издавна славилось как крупный торгово-промышленный центр. Слобожане торговали конопляным маслом, солью и рыбой, дегтем и кожей. Иной богатый купец имел лавки, в которых торговал мехами, полотнами и крашениной, другой — завод, где выделывались юфть и белые кожи, из которых шили сапоги и рукавицы, торговые нити тянулись из Стародубья на северо-запад, юго-запад к Польше, южной Украине и Новороссии. Стародубские шапочники,

портные, скорняки, шорники, красильщики, каменщики, рукавишники, иконописцы и иные «художники» бродили по Украине и соседним ней областям из города в город, из местечка в местечко. Стародубские торговцы проникали не только в соседнюю Польшу, но и в Германию, они хорошо знали Поволжье, Дон, Крым, Запорожье.

Сюда-то после стольких мытарств и скитаний попал Пугачев. Из Климовой слободы он отправился, по совету Антона Коровки, в Стародубский монастырь, к старцу Василию. У старца прожили около четырех месяцев. Пугачев советовался с ним, как быть дальше. Старец был опытным в беглых делах.

— Здесь, — сказал он, — много проходит всяких беглых и отсюда только нужно проехать через заставу, а там пойдут на Ветку и, малое время пробыв там, прямо придут на Добрянский форпост и скажутся выхотцами [из Польши], так им с форпоста и дадут билеты в те места, куда кто пожелает на поселение.^{40}

Стараясь привлечь обратно в Россию бежавших в Польшу людей, правительство Екатерины II обещало возвращающимся разные льготы и разрешение селиться по желанию.

Выслушав совет старца, Пугачев обратился к нему с просьбой:

— Пожалуй, батюшка, уж и нас ты, бога ради, так же выпроводи.

Но батюшка был осторожный.

— Поноровите немного, — сказал он, — покуда с теперешнева места перейдет застава в другое место, так я вас провожу.^{41}

Когда застава удалась, старец вывел обоих спутников на узенькую тропинку, которая вела прямо из Ветки, и вернулся в монастырь.

На третий день беглецы добрались до Ветки. Здесь Пугачев поселился у некоего Семена Крылова. Крылов мало интересовался личностью и прошлым своего гостя, «потому што в оной слободе живет всякий зброд, откуда кто ни пришел».^{42}

Крестьяне, работающие на монастырской земле.

Картина маслом неизвестного художника начала XIX века. Исторический музей. Москва.

Оренбургские и яицкие казаки эпохи пугачевщины

А. Висковатов — «Вооружение русских войск»

Семь дней прожил Пугачев у Крылова. Нанимаясь я сенокосы, он заработал немного денег. Потом, оставив Коровку в Ветке, пошел на Добрянский форпост. Увидев множество беглых, выдерживавших карантин, начал расспрашивать, как ему вести себя при неизбежных расспросах. Те посоветовали:

— Ты как придешь к командиру, и он тебя спросит, откуда ты и што за человек, так ты скажи: я родился в Польше, а желаю итти в Россию; так больше тебя и не станут спрашивать. ^{43}

Пугачев послушался совета. У командира форпоста он назвал себя

польским уроженцем Емельяном Ивановичем Пугачевым. Командир записал его в книгу и послал в карантин, «где его не раздевая, а только перешел через огонь, лекарь посмотрел ему в глаза и решил: ты здоров, но надобно тебе высидеть в карантине шесть недель».

В карантине Пугачев познакомился с другим «выходцем» из Польши — беглым солдатом Алексеем Семеновичем Логачевым.

После трех суток безвыходного сидения в карантине Пугачева и Логачева стали отпускать на заработки. Они подрядились построить купцу Кожевникову сарай. Другому купцу взялись соорудить баню. Карантинный срок окончился. 12 августа 1772 года Пугачев и Логачев явились к карантинному командиру и заявили, что желают поселиться в Симбирской провинции, на Иргизе, в дворцовой Малыковской волости.

Иргиз как Бьбка и Стародубье, был важным раскольничьим центром, где собирались массы беглых людей, порвавших прежние кабальные связи.

Чрезвычайно характерно это постоянное и упорное стремление Пугачева уйти в те места, где живет протестующий, недовольный социальным угнетением народ. Пугачева тянет подальше от властей, от царских чиновников, от командиров. Может быть, на Иргизе удастся найти волю, укрыться от преследователей.

С написанным по всей форме подлинным паспортом неутомимый казак отправился в новое путешествие. Невелик был багаж Пугачева: паспорт отмечал, что при нем, «кроме обыкновенного одеяния и обуви, никаких вещей не имеется».^[44] Купец Кожевников дал на дорогу каравай хлеба и просил на Иргизе кланяться отцу Филарету.

Из Добрянского форпоста Пугачев с Логачевым направились в село Черниговку. По дороге Пугачев просил своего спутника — «как мы приедем в эту слободу к знакомому крестьянину Коверину, то ты потакай мне, а я скажу, што я человек богатый и у меня много оставлено денег и товаров на границе».^[45] Разумеется, никаких богатств у Пугачева не было, но мы встретимся еще не раз с этим постоянным стремлением к мистификации, выработанным в результате побегов, необходимости скрываться, прятать от властей свое подлинное лицо беглого, непокорного казака.

Чтобы придать себе больший вес, Пугачев начал рассказывать Коверину небылицы, что он был в Египте и Царьграде, что у него на границе много товаров. Логачев подтвердил. Из Черниговки отправились к Осипу Коровке — Пугачев хотел выручить оставленную им раньше у Коровки лошадь и дать знать ему о сыне Антоне, чтобы задобрить Коровку.

Он запасся двумя, состряпанными беглым донским казаком Андреевым, указами о поселении Коровки с сыном под Бендерами. Все обошлось более или менее благополучно. Пугачев рассказал Коровке, что он устроил Антона как нельзя лучше; нанял ему в Ветке лавку и посадил торговать серебром.

Старый раскольник имел уже основания не доверять своему щедрому на обещания знакомцу. Он отправился на границу, нашел сына в Добрянском карантине и забрал его домой. Пугачев же взял свою лошадь и вернулся в Черниговку к Коверину. Отсюда степями уехали к Дону. Переехали через реку и мимо Трехостровянской станицы проехали в станицу Глазуновскую.

Везде Пугачев рассказывал все ту же историю о товарах, оставленных на границе, о том, что он едет на Иргиз искать удобное место для торговли. Он прибавлял при этом, что в «Царьграде [жил] двенадцать лет и тамо построил русский монастырь, и много тамо я русских выкупал и на Русь отпускал. Да ехал я морем, так меня занесло во Египет».^[46]

Как не помочь такому богатому, богобоязненному человеку? Один казак дает ему мяса и пирог на дорогу, другой — лошадь; Пугачев клянется, что приведет ее назад.

В станицах Пугачев узнал о самозванце Богомолове, выдававшем себя за Петра III. Может быть, он узнал и о других самозванцах.

Богомоллов был не первым и далеко не единственным «Петром III». В народ уже проникли слухи о несогласиях между Петром и Екатериной. Знали, что Царица свергла его с престола и арестовала. Потом слушали манифест с смерти императора. Последовательность событий давала богатую пищу для всяких предположений и догадок. Не потому ли свергли царя, что он добрый, что он думал о народе, хотел освободить его? Может быть, Петр вовсе не умер, а бежал из тюрьмы? Может быть, он где-нибудь здесь, близко, скоро объявится и пойдет во главе трудового люда против злой царицы, ее слуг, против мучителей-дворян?

Русскому крестьянскому движению — особенно в раннюю пору его истории — часто сопутствовала идея о «добром царе-батюшке», народном заступнике.

В этом сказывалась отсталость крестьянских революционных выступлений, стремление придать своему стихийному протесту против строя феодально-помещичьей эксплуатации видимость какой-то легальности. Петр III жив, он скоро откроется, он уже открылся где-то, чтобы повести народ за собой — такие слухи и толки носились в предгрозовой атмосфере 60-х и начала 70-х годов XVIII века.

В 1765 году беглый солдат Гаврила Кремнев разглашал по Воронежской губернии, что он — капитан, послан с указом, что курение вина запрещено, сбора подушной подати и рекрутчины не будет двенадцать лет. В заключение он назвался Петром III. К Кремневу примкнуло еще несколько человек. Они сговорились привести крестьян к присяге и ехать в Воронеж, оттуда послать в Москву и Петербург известие, будто появился царь, а сами решили направиться в столицы. Одного из своих соумышленников Кремнев назвал Румянцевым, другого — Пушкиным. «Царя» и его «вельмож» арестовали. Кремнева секли кнутом во всех тех селах, где он разглашал о себе как о капитане и царе. На грудь ему привязали письмо «беглец и самозванец», на лбу выжгли начальные буквы этих слов и сослали в Нерчинск на вечную каторгу.

Били плетью и сослали в тот же Нерчинск армянина Асланбекова, пойманного с фальшивым паспортом и также об'явившего себя Петром III. Петром III назвался и беглый солдат Лев Евдокимов, вращавшийся в раскольничьей среде.

Беглый солдат брянского полка Петр Чернышев в слободе Купянке, Изюмской провинции, стал разглашать о себе, что он государь Петр Федорович. Купянский поп Семен Иванецкий поверил ему, отслужил молебен и всенощную, поминая Чернышева императором. На допросе Чернышев показал, что он из однодворцев, назвал себя Петром III потому, что в разных кабаках и шинках слышал людскую молву, что Петр жив. Обоих преступников высекли кнутом и сослали в Нерчинск. Через некоторое время главный командир нерчинских заводов генерал Суворов прислал донесение, что Чернышев попрежнему продолжает разглашать о себе как о Петре III, а иные из нерчинских жителей верят ему и дают много подарков.

Примерно в этот же период казак Каменщиков, до того неоднократно наказывавшийся за разные преступления, бежал из тюрьмы и сеял слухи среди крестьян Исецкой провинции, терпевших притеснения от господ, что император Петр III жив и находится в этих местах. Каменщикова жестоко наказали кнутом, вырвали ноздри и сослали на Нерчинские заводы в тягчайшую работу на всю жизнь.

В 1769 году беглый солдат Мамыкин по дороге в Астрахань распространял слухи, что Петр III жив, опять примет царство и дает крестьянам большие льготы.

В 1770 году правительство решило для укрепления и защиты Моздока сформировать гарнизонный батальон и поселить в окрестностях крепости казаков для содержания форпостов и раз'ездов. Началось переселение в

Моздок и его округу значительных групп донских и особенно волжских казаков. Оставшиеся на Волге казачьи семьи должны были нести службу в том же объеме, что и до переселения товарищей. Недовольны были и переселенные казаки, терпевшие на новых необжитых местах нужду в самых необходимых предметах. Чтобы облегчить сторожевую службу, казаки начали принимать к себе всех беглых и бездомных, искавших воли и записавшихся в казачье сословие.

В январе 1772 года к ротмистру Персидскому явился человек, назвавший себя донским казаком Федотом Ивановым Казиным. В действительности под фамилией Казина скрывался крестьянин графа Романа Воронцова Федот Богомоллов. Он бежал от своего помещика, долго скрывался в Саратове, ходил на судах саратовского купца Хлебникова, жил у колонистов, служил в калмыцкой орде и, наконец, решил поступить на службу.

Несколько раньше, в октябре 1771 года, в ту же команду, что и Богомоллов, записался под именем Спиридона Долотина донской казак Спиридон Иванов. Иванов рано осиротел. Девятилетним мальчиком его отвели в волжское войско. Переходя от одного семейства к другому, он нанялся служить к казаку Долотину. Потом попал в Дмитриевск и служил в Соляном комиссариатстве. За кражу лошади его высекли плетьюми. Иванов бежал, долго скитался по хуторам и затем записался под вымышленной фамилией в команду волжского войска.

Выбрав удачный момент, Федот Богомоллов объявил себя императором Петром III. В среде, восприимчивой к подобным явлениям, слух быстро распространился, казаки приходили посмотреть на «императора». Начались сходки и совещания, поднялись вопросы: похож ли он на бывшего императора. Казаки Марусенок и Лучинкин рассуждали, что «хотя признаваемый от бывшего и отменен, однако ж, может статья, он как много лет уже тому минуло, то переменялся».^{47}

Спиридон Долотин-Иванов признал в Богомоллове императора, поселился с ним в одной избе в роли «императорского секретаря». Число сторонников «императора» быстро росло. «Петра III» решили объявить народу.

Однажды казак Буренин попросил жалованье. Прапорщик Терский отказал. «Ты от боярина недавно, — сказал он Буренину при всех казаках, — а уже требуешь себе жалованье». Толпа вспыхнула. Казаки закричали: «Поэтому мы все боярские!.. Зачем нас в казаки принимали?»^{48}

Возбужденная масса решила пойти в Дубовку и там объявить

Богомолова императором. Огромная толпа отправилась к ротному командиру поручику Персидскому и заявила ему, что среди казаков находится император Петр III и что они заберут без всякого позволения казенных лошадей, пики и другие предметы военного обихода. О происшествии немедленно сообщили ротмистру. Он прискакал вместе со старшиной на место казачьего сборища, увидел, что казаки оседлали уже лошадей и готовы ехать с самозванцем в Дубовку. Уговоры Персидского не помогли, казаки собрали круг и решили арестовать всех офицеров. Один из арестованных, сын старшины Степан Савельев, попросил позволения повидаться с «государем». Когда его освободили из-под караула он ворвался в избу, где сидел Богомоллов, ударил его по лицу и вскричал: «Какой он государь, возьмите его под караул».^{49} Казаки испугались, растерялись, схватили самозванца и заковали его в кандалы. Богомолова вместе с его «секретарем» Спиридоном Ивановым отправили в Царицын.

В мае 1772 года последовал указ военной коллегии: Богомолова и Иванова наказать публично кнутом, вырезав первому ноздри и поставя раскаленным железом знаки, сослать обоих на Нерчинские заводы в вечную каторжную работу; старшинского сына Степана Савельева произвести ротмистром, войску же подтвердить, «чтобы пришлых ни под каким видом войско не принимало и в казаки не записывало».^{50}

Губернатор Бекетов предписал царицынскому коменданту полковнику Циплетову привести приговор в исполнение. Циплетов донес, что единственный царицынский палач болен горячкой и просил прислать другого из Астрахани. Богомоллов содержался в тюрьме чрезвычайно строго, никто для разговоров к нему не допускался. Богомолова это не смущало, он решил подговорить караульных и бежать.

— Знаете ли вы, — спросил он однажды караульных, — государя Петра Федоровича и где он ныне находится?

— Я государя не видал и не знаю, — отвечал капрал Васильев, — а слышал, что он скончался.

Через два дня солдат Прокофьев сообщил Васильеву, что колодник показывал ему изображенный на теле крест и называл себя государем. Васильев смутился и в смущение «немного часов находясь и сам действительно тому, что он государь, поверил».^{51}

По Царицыну поползли слухи, что секретный ко водник не кто иной как сам император Петр Федорович. Толпа ежедневно собиралась у тюремных ворот, желая видеть заключенного. «Сказывают — говорили в толпе, — тут содержится государь, а посмотреть его не дают и к караульне

не допускают». ¹⁵²¹Приезжавшие в Царицын казаки разнесли слух о цареколоднике по близким и далеким волжским и донским станицам.

Житель Пятиизбянской станицы украинец Степан Певчий отправился в Царицын посмотреть на заключенного и убедиться, подлинный ли он царь. Караульные впустили Певчего к Богомолу. Он подал арестанту пшеничную витушку и тридцать копеек. Узнав, что Певчий приехал из Пятиизбянской станицы, Богомол спросил:

— Не от Денисова ли прислан гостинец?

— Нет, не от Денисова, а сам от себя.

Богомол решил действовать через Певчего.

— Поклонись полковнику Илье Денисову, — поручил он Певчему, — и скажи, чтобы как можно непременно сам ко мне приехал. Поклонись всей Пятиизбянской станице, да скажи станичному атаману старикам и казакам, чтобы они, буде можно, дали бы мне в помощь казаков, человек до ста. Если же ты этого не исполнишь, а дело совершится, то на свете тебе не быть.

Для большего внушения Богомол открыл грудь, и Певчий увидел на теле «царский знак» — беловатый крестовидной формы рубец.

Вернувшись в Пятиизбянскую, Певчий отправился к полковнику Денисову, чтобы передать поклон от Богомола, но полковник приказал не пускать его во двор. Тогда Певчий передал просьбу Богомола о помощи станичному атаману в присутствии нескольких старшин и казаков. Те отказались помочь без повеления войска и решили ограничиться посылкой одного рубля.

Верный Богомолу донской казак Семенников несколько раз приходил к нему в тюрьму, где они вместе обдумывали планы освобождения. Богомол решил обратиться через Семенникова к войску донскому с просьбой собрать несколько полков и освободить его. Семенников отправился вербовать казаков на помощь Богомолу.

Но все его энергичные попытки не удались из-за противодействия казацкой верхушки. В Трехостровянской станице дело дошло до рукопашной между сторонниками Богомола и верными Екатерине II старшими и чиновными казаками. Партия старших казаков победила.

Между тем слухи о заключенном императоре ширились. Открыто говорили о необходимости его освобождения. Даже между солдатами начался говор, что узника следовало бы пустить на волю. Тогда астраханский губернатор Бекетов приказал перевести Богомола на гауптвахту. Но Богомол отказался идти туда. Его взяли силой. На улице он закричал: «Миряне, не выдайте!» Ему зажали рот, бросили в телегу и

повезли. Видя это, разгневанная толпа начала ломать шалашевые лавки, схватила колья и поленья и стала подвигаться к гауптвахте. Группа офицеров, предводительствуемая Циплетовым, разогнала толпу. Опасаясь повторения волнений, Бекетов распорядился перевести Богомолова в Черноярскую крепость.

Военная коллегия приговорила Богомолова к отправке на Нерчинскую заводскую каторгу. Предварительно его наказали кнутом, вырезали ноздри — и выжгли на теле знаки. Власти страшно боялись даже пленного Богомолова. Бекетов прислал Циплетову строгое секретное предписание, по которому арестанта предлагалось везти под усиленным конвоем, по уединенным местам и по возможности в ночное время. Богомолов не дошел до Сибири — в дороге он умер.

Идея о Петре III — «народном царе» — была очень популярна в трудовых массах. Она была распространена на Дону и на Волге, на Яике и на Украине. Пугачев колесил в эти годы по стране, вращался в кругу людей различных сословий. Он не мог не слышать о многочисленных «императорах», несомненно знал о крупнейшем из них — Богомолове. Нужен был только внешний толчок, чтобы оформить смутные и неясные мысли, бродившие в голове казака.

Из Глазуновской станицы через Камышевку и Саратов Пугачев приехал с Логачевым в дворцовое село Малыковку. Управитель дал Пугачеву направление в Симбирск, а пока разрешил остаться на несколько дней в Малыковке. Дав отдохнуть лошадям, Пугачев отправился в Мечетную слободу, в монастырь к игумену Филарету. Игумен принадлежал к раскольничьим верхам. В прошлом московский 2-й гильдии купец, он поддерживал торговые связи с Москвой и Казанью. Помощь такого человека была Пугачеву очень важна.

Благочестивым раскольником предстал Пугачев перед Филаретом. Игумен рассказал о злоключениях яицких казаков, об их намерении бежать в Турцию. В свою очередь Пугачев поведал о своих разнообразных похождениях, многочисленных побегах, арестах, о попытке выступить ходатаем за терских казаков. Он прибавил, что готов уговорить яицких казаков поехать на Кубань. Идея стать во главе яицких казаков пришла в душу Пугачеву — она сулила ему лично выход из запутанного положения.

Филарету понравился бывалый предприимчивый казак. Он посоветовал Пугачеву попросить у малыковского управителя отсрочки поездки в Симбирск и, воспользовавшись ею, направиться на Яик. Игумен уверял, что там примут Пугачева и пойдут за ним; если же не примут, пусть вместо Симбирска он поедет в Казань, где живет его, Филарета, друг —

добрый и хлебосольный раскольник-купец Щолоков. Он приютит Пугачева, похлопочет за него. Пугачев вернулся с Логачевым в Малыковку. По дороге купил пуд меду, подарил его управителю и получил необходимую отсрочку. Здесь Пугачев расстался с Логачевым: «Поди ты теперь, Алексей, куда хочешь, — сказал он, — а я стану здесь жить с отцом Филаретом». ^{53}

На деле же с игуменом он не остался, а поехал в Мечетную слободу к Степану Косову. Тут Пугачев выступил в новой роли раскольникового попа, окрестил у Косова младенца и, узнав, что тесть Косова крестьянин Семен Филиппов едет на Яик с хлебом, вызвался его сопровождать. Пугачев говорил, что на Яике ему нужно купить рыбы и взыскать по векселю с брата сто рублей. В запасе у Пугачева всегда было много выдумок на все случаи жизни.

По дороге он разговорился с Филипповым «по душам» — Пугачев хотел подробнее познакомиться через него с яицкими настроениями.

— Што, Семен Филиппович, я тебе поведаю — говорил Пугачев. — Вить я в Яик еду не за рыбою, а за делом. Я намерен яицких казаков увести на Кубань. Видишь ты сам, какое ныне гонение, и хочу я об этом с ними поговорить, согласятся ли они итти со мною на Кубань.

План Пугачева встретил у Филиппова полное сочувствие.

— Как им не согласитца? У них ныне великое идет разорение, и все с Янку бегут; ты как им об этом скажешь, они с радостью побегут с тобою. Да и мы не отстанем, а пойдем все за вами. ^{54}

Все складывалось хорошо, у Пугачева поднялось настроение. Он сообщил Филиппову, что у него осталось на границе товару на 200 тысяч рублей, что этих денег хватит на содержание казаков, которых он поведет через границу, где их встретит турецкий паша и даст еще 5 миллионов рублей. Он, Пугачев, станет войсковым атаманом, а Филиппова сделает старшиной.

В шестидесяти верстах от Яицкого городка путники остановились ночевать у реки Таловой, на постоялом дворе — умете. Его содержал пехотный солдат Степан Оболяев, по прозвищу «Еремина курица»: эти слова он часто употреблял и шутя и бранясь. Детство Оболяев провел среди яицких казаков, в работниках.

Став позднее содержателем умета, он часто слышал от проезжавших казаков жалобы на притеснения и злоупотребления старшин, тихие разговоры о необходимости бежать на вольные места. Добродушный и простой Оболяев слушал, сочувствовал этим планам, скорбел вместе с

жалобщиками.

Пугачеву важно было получить возможно больше сведений о яицких настроениях, чтобы окончательно решить, насколько реален его план. Он разговорился с уметчиком. Оболяев рассказал об известных уже Пугачеву казацких горестях и вполне поддержал его намерение увести казаков на Кубань. Но и этого показалось Пугачеву мало. Он попросил «Еремину курицу» привести к нему еще людей для беседы. Пришли казаки Григорий и Ефрем Закладновы. Они приехали в Сызранскую степь ловить лисиц и жили неподалеку в землянке. Пугачев стал расспрашивать их, как живется казакам.

— Нехорошо, — отвечал Григорий Закладнов, — казаки в смятении; одного генерала убили и за то многих побрали под караул, а других сыскивают. Мы было собрались всем войском бежать в Астрабад.

— Зачем в Астрабад, — перебил Пугачев, — я могу вас провести на Кубань. Но будут ли на то казаки согласны?

— Как не согласиться, если вы возьметесь провести.

Пугачев попросил собеседников не говорить с слышанном никому из старших казаков.

Решаясь на такой отчаянный план, как увод многотысячной массы казаков на Кубань, где мерещилась свободная жизнь, Пугачев знал, насколько трудно, опасно и рискованно задуманное им предприятие. Но он привык к опасностям, не боялся их, как не боялся и риска. Он шел на опасное предприятие, не очертя голову, но очень обдуманно, и готовил свой смелый шаг тщательно, осторожно, исподволь.

Всеми средствами старался Пугачев возможно тот нее и подробнее ознакомиться с обстановкой на Яике, выпытывал людей, соблюдая необходимую тайну и осторожность.

Двадцать второго ноября 1772 года Пугачев приехал в Яицкий городок к казаку Ньянову.

НА ЯИКЕ

Атамана яицкого войска Бородина казаки не выбирали, как это водилось раньше; в атаманское достоинство его возвела военная коллегия. Типичный представитель казацких верхов, ставленник петербургского правительства, Бородин очень мало считался с интересами яицких низов. Атаманство он всячески старался превратить в выгодную, доходную статью для себя и своих ставленников — старшин.

Яицкие старшины — люди очень состоятельные, некоторые из них владели косяками лошадей по несколько сот голов. Они скупали рыбу по низким ценам у бедных казаков и с большим барышом перепродавали ее приезжим купцам, нанимали, снаряжали и эксплуатировали ватаги рыболовов.

«Яик — золотое доньшко, с серебряной покрывашкой», — пели казаки. Казацкая песня подчеркивала, что яицкая рыбная ловля была доходным делом, считалась тогда едва ли не лучшей в России. Рыбная ловля была основным промыслом казаков. Было время — казаки свободно распоряжались водами Яика. Но к середине XVIII века эта пора кончилась. Казна наложила свою тяжелую руку на рыбные яицкие места, объявила промысел казенной монополией. Такой же казенной монополией была объявлена и соль — необходимейший продукт в рыбном хозяйстве.

В 1752 году яицкое войско взяло у казны на откуп рыбные промыслы по Яику, продажу соленой рыбы, сбор с таможен и вина. Сбор откупных денег с казаков поручили атаману Андрею Бородину. С группой старшин он энергично взялся за дело.

Целых три года не отчитывался Бородин в собранных им суммах, которые значительно превышали требуемые для уплаты в казну. Мало того, он удерживал жалованье казаков, уверяя, что собранных денег нехватает для расплаты с казной. Не выдавал хлебного и денежного жалованья, определял своих родственников в старшины, раздавал родственникам-неказакам разрешения на право рыбной ловли. Протестующих атаман наказывал плетью. «Лихоимство же и бедных притеснение тех властей обыкновенное было упражнение», — свидетельствует современная Бородину запись. Бородин не ограничивался самоуправством над казаками: он притеснял и разорял также киргизов.

Проделки Бородина и старшин возмутили казаков. Они отказались платить пошлины до тех пор, пока атаман не отчитается в собранных

суммах. Войсковой круг отказывался слушать распоряжения Бородина, казаки называли атамана воров, а приговоры войсковой канцелярии — воровскими.

Обе стороны пожаловались в военную коллегию.

В 1762 году из Петербурга прибыла на Яик правительственная комиссия. Ловкий Бородин подкупил ее: он собрал с казаков в пользу главы комиссии огромное количество рыбы, икры, сена. Взятки подействовали. Комиссия приняла сторону атаманской партии, обвинила во всех неурядицах необузданную казацкую вольницу и утвердила Бородина в атаманском чине. Казаки пожаловались на действия комиссии правительству. Была послана новая комиссия. Бородина сместили с должности. Но хотя казаки добивались своего законного права — самим выбирать атамана, комиссия назначила временным атаманом майора Новокрещенова, командира присланной в Яицкий городок команды. Поверенных от казаков наказали палками, отправили в ссылку или в Гурьев-городок на службу вне очереди.

Старшины продолжали хозяйничать, недовольных и жалобщиков попрежнему ждали плети. Снова полетели жалобы в Петербург. Оттуда прислали третью комиссию, во главе с генерал-майором Череповым. Генерал прибыл с военной командой и с указом о беспрекословном повиновении казаков начальству. Он решил принять крутые меры. Черепов выдвинул своих кандидатов в атаманы. Казаки не согласились, наметили своих. Тогда генерал приказал собрать круг и окружил собравшихся драгунами. Видя драгун, казаки остановились в отдалении. Черепов скомандовал драгунам открыть огонь. Толпа упала на землю. Драгуны начали стрелять, но не по людям, а вверх. Взбешенные Черепов и Новокрещенов скомандовали стрелять по казакам. Большинство драгун и на этот раз выстрелили в небо, только некоторые обратили свои ружья против толпы. Три человека были убиты, шесть ранены. Собравшихся не сразу отпустили по домам, а продержали на лютom морозе с утра до ночи. Дело происходило зимой 1765 года.

А из военной коллегии шли на Яик указ за указом с требованием беспрекословного повиновения начальству. Новая правительственная комиссия решила кончить раздоры. Наиболее спорным был старый вопрос об атамане. Казацкая верхушка выдвинула своих кандидатов, казаки — своих. Старшины отвергли последних: они «люди подлого состояния, не из старшиновских детей». Утвержденный военной коллегией новый атаман Тамбовцев, кандидат обеих сторон, после избрания сразу стал старшинским прислужником.

Подоспел новый конфликт. В начале 1769 года военная коллегия распорядилась выдать яицкому войску патроны вместо прежних привычных пороха и свинца. Казаки резонно увидели в этом новое покушение на их вольности и намерение правительства обратить их в регулярную армейскую часть. Наступая дальше на казацкую самостоятельность, правительство предписало заменить в резервной части войска службу по найму (при которой несколько человек снаряжали одного и платили ему наемную плату) службой по очереди. Казаки настаивали на прежнем порядке службы в резерве.

Во второй половине 1769 года на Яик пришло новое требование — прислать отряд казаков на Кавказскую линию. Старшина согласился с этим приказом, масса отказалась выполнить его. Отряд был набран насильно и отправлен в поход под конвоем особой военной команды. Он дошел до Бударинского форпоста, в восьмидесяти верстах от Яицкого городка, но по дороге часть отряда разбежалась.

В начале следующего года на Яик был прислан указ о наборе команды казаков в формируемый «Московский легион».

На Яике казацкой массе жилось и без того не сладко. Лучшие рыбные угодья и доходы захвачены атаманом. Он и его приспешники производят выгодные торговые операции рыбой, солью, вином. Правительство платило рядовым казакам ничтожное жалованье, да и то оседало в бездонных старшинских карманах. Казаки переносили военные тяготы и проливали свою кровь во славу Российской империи в Польше, Прибалтике, Швеции, в Крыму, на Кубани, в Сибири. Вместо благодарности правительство урезало казацкую самостоятельность, выборы атамана давно превратило в фикцию. Казацкая верхушка отлично спелась с властями, они вместе заседали на низы казачества.

А тут еще какой-то «Московский легион» — новая решительная попытка правительства обратить казаков в солдат и завести «регулярство».

Казачье войско отказалось от службы в легионе, решило возложить эту повинность на старшину.

Боясь потерять всякий авторитет, Тамбовцев решил ходатайствовать об отмене указа. Он мотивировал между прочим, и тем, что «ежели оная легионная команда отсель возьмется и здешние азиатские народы о том сведают... тогда де корпус войска яицкого может умалиться, они из-за того могут всегда во всех местах чинить нападение и приключать людям разорение, а вашего императорского величества высокому интересу ущерб». ^[55] Но военная коллегия настаивала на выполнении указа, согласившись только, чтобы набираемые в легион казаки не брили бороды.

Несмотря на категорические требования Тамбовцева, несмотря на то, что упорствующее войско не допускалось к рыбной ловле, казаки заявляли: мы желаем служить по прежнему казацкому обыкновению, а не по штату.

Шум, крики, брань, драки стояли на кругах. По распоряжению Тамбовцева наиболее энергичных противников легионной службы ловили, секли без пощады, рассаживали по амбарам. Товарищи отбивали их и вместе с ними уходили в степь.

Наконец, Тамбовцев приказал хватать кого попало для формирования легионной команды. Это еще больше усилило волнения. Казаки отказывались ехать на рыбную ловлю, не выходили на сенокосы: твердо решили добиться восстановления своих прав. Несмотря на противодействие Тамбовцева, казацкая депутация подала жалобу самой императрице. Двусмысленное решение царицы не удовлетворило делегатов. Вызванные в военную коллегияу выслушать царский указ, они отказались принять данную им на имя войска грамоту и заявили, что не поедут обратно, пока их требования не будут удовлетворены полностью. Граф Чернышев приказал арестовать всех находившихся в столице яицких делегатов.

Екатерина II боялась довести дело до всеобщего взрыва. Она распорядилась уволить казаков «вовсе от легионной команды, куда их вперед не наряжать» Одновременно на Яик была послана следственная комиссия. Действия ее никак не удовлетворяли казаков.

В марте 1771 года пришло царское повеление с посылке 500 яицких казаков в Кизляр и указ военной коллегии о направлении всего яицкого войска в погоню за убежавшими от российского колонизаторского хищничества калмыками. Казаки отказались от выполнения обоих распоряжений. Они требовали удаления и оштрафования старшин и выдачи жалования за пять лет.

Снова отправилась в Петербург казачья депутация. Выборный от депутации Кирпичников явился президенту военной коллегии Чернышеву, чтобы через него подать челобитную императрице. Сиятельный граф прошения не принял и так толкнул ногу Кирпичникова, что тот упал. Депутаты испугались. Они разбрелись по тайным квартирам, не сообщая своих адресов даже друг другу. Наконец, удалось подать челобитную императрице. Военная коллегия распорядилась «изыскивать их [депутатов] и на квартирах не держать, яко сущих злодеев». Депутаты сняли с себя казацкие костюмы, переоделись в обыкновенное платье. Почти полгода бродили они по сумрачной столице, ожидая царского решения Они изголодались, обносились. Шестеро из них были пойманы, арестованы,

биты плетьюми. Им сбрили бороды, остригли волосы и отправили в армию.

Императрице было подано второе прошение, по экземпляру которого получил каждый из посланцев на случай ареста товарищей. «Мы бесчасные, всеподданнейшие рабы, говорилось в прошении, — не только не имеем удовольствия, но несем бесчеловечное мучение от атамана Петра Тамбовцева и его товарищей старшин... Не только пришли в упадок, но в самую нищету; ей-ей до того доведены, что мы не в состоянии продолжать вашей императорской службы... по недостатку нашему на пропитание и на прочую оправу, заниманием в великих долгах себя находим».^{56}

Екатерина назначила новую следственную комиссию во главе с генерал-майором фон Траубенбергом. Человек нрава решительного и крутого, он сразу принялся за усмирение непокорных. Для начала он высек плетьюми семерых казаков — наиболее энергичных противников посылки команды в Кизляр, приказал обрить им бороды и под конвоем отправить в Оренбург для определения в регулярную службу. В степи на конвой напал отряд казаков и отбил шесть арестованных.

Девятого января 1772 года из Петербурга вернулся в Яицкий городок депутат Кирпичников. Его встречала огромная толпа казаков, с женами и детьми. Кирпичников рассказал об оказанной казакам в столице «встрече», о полном неуспехе челобитной. Он пригрозил старшине и комиссии «воинским отпором», чтобы добиться удовлетворения казачьих требований.

Траубенберг отправил к Кирпичникову старшину с приказанием явиться в войсковую канцелярию. Кирпичников прогнал посланца. Тогда Траубенберг послал тридцать казаков, чтобы привести буйного депутата в канцелярию. Их не пустили в дом. Они начали ломиться в двери. На шум сбежалась толпа. Произошла свалка. Двоих казаков старшинской стороны захватили в плен и бросили в «студеный погреб». Было арестовано и заковано в кандалы и несколько казаков-«бунтовщиков». По улицам ходили пикеты, отовсюду стекались на центральную Толкачеву улицу волнующиеся, негодующие группы.

Прошло несколько тревожных дней. Наступило утро 13 января 1772 года. Толкачева улица полна народа — казаки, женщины, дети, старики. Одни вооружены ружьями, другие палками, иные на конях, но большинство пешком.

Траубенберг расставил в разных местах пушки, за ними солдат. Приказал зажечь фитили.

Казаки отправили к нему Шигаева — будущего ближайшего помощника Пугачева — с просьбой удовлетворить их требования. Траубенберг, желая выиграть время, ответил Шигаеву, что ходатайство

будет удовлетворено дней через десять. Напрасно Шигаев просил о немедленном положительном ответе, напрасно грозил он кровопролитием...

Получив отрицательный ответ, казаки отслужили молебен и присягой обязали всех действовать единодушно.

Переговоры возобновлялись несколько раз, но безрезультатно. Атмосфера накалилась до последней степени. Вызвавшись переговорить с комиссией в последний раз, Шигаев пошел вперед. За ним вдоль стен, опасаясь итти посередине улицы, двигался народ. Вдруг раздался пушечный выстрел, за ним другой, третий. Это генерал Траубенберг приказал открыть военные действия.

Толпа бросилась вперед. Казаки быстро овладели пушками, повернули их против команды Траубенберга, многих солдат и послушных ему казаков перебили. Казаки наступали с разных сторон, непрерывно стреляя из ружей. Плотину ненависти и долготерпения прорвало. Траубенберга зарубили саблями. Члена правительственной комиссии Дурново ранили в руку, голову, спину, били дубьем и посадили в тюрьму. Избили, изранили многих старшин. Только вмешательство Шигаева спасло Дурново и старшину Мартемьяна Бородина от смерти.

Весь день бушевали полные мести казаки: ходили по старшинским домам, отбирали деньги, уничтожали дела комиссии. Трупы убитых офицеров выставили на позорище на двух дровнях у собора. Попам запретили хоронить убитых старшин, и зарыли тела их в поле. Через несколько дней по приговору круга наиболее ненавистные враги казачества были казнены; старшин заставили присягнуть в верности войску и просить прощения.

Жестокая кара ждала «бунтовщиков». Оренбургский губернатор Рейнсдорп отправил в Яицкий городок карательные войска. Из Москвы на Яик послали генерала Фреймана с ротой пехоты.

Дело принимало слишком серьезный характер: на карту был поставлен самый «престиж» центральной власти. И правительство Екатерины II решило отказаться от прежней политики полумер. Надо было по его мнению, разрубить затягивающийся узел, и оно решило полностью уничтожить казацкие вольности: ликвидировать чины войскового атамана и старшин, упразднить войсковую канцелярию, разделить всех казаков на полки, которые подчинить оренбургскому войсковому начальству. Екатерина II поручила Рейнсдорпу потребовать от войска выдачи «зачинщиков бунта». Казаки отказались сделать это, говоря, что все они в одинаковой мере виноваты перед государыней.

Войско яицкое готовилось к отпору. В Яицкий городок привезли большое количество пороха, сюда же собрались казаки из соседних форпостов. В степь, навстречу Фрейману, выступили значительные силы казаков в полном вооружении с пушками.

Переговоры с Фрейманом, в которых главным представителем войска выступил Афанасий Перфильев, в будущем виднейший сподвижник Пугачева, ни к чему не привели: Фрейман категорически настаивал на выдаче зачинщиков. Казаки решили дать вооруженный отпор.

Третьего июня 1772 года у реки Ембулатовки завязалось сражение.

Несмотря на энергичное сопротивление, Фрейман оттеснил казаков и двинулся к Яицкому городку. Тогда у казаков созрело решение бежать в Пран или Хиву. Население собирало свои пожитки и выезжало с родных мест. Тысячи семейств покинули свои дома и расположились в степи, под открытым небом.

Седьмого июня Фрейман вступил в Яицкий городок. Вокруг города расставили пикеты, на площади расположились солдаты; по городу днем и ночью раз'езжали караулы.

Власть перешла к комендантской канцелярии, заменившей упраздненную войсковую канцелярию. Комендантом стал полковник Симонов, его помощниками. — старшины Мартемьян Бородин и Мостовщиков. Казачий круг об'являлся уничтоженным, бить в набат запрещалось навсегда. Яицкий городок опустел. Часть населения выехала, разбежалась, другая арестована и отправлена в Оренбург, в тюрьмах которого уже не хватало места. Арестованных пришлось рассадить по лавкам гостиного и менового дворов, по гауптвахтам, подвергнуть допросам «с пристрастием».

Такова была обстановка, когда Пугачев появился в Яицком городке. Всюду разговоры о Траубенберге, Фреймане, недавних бурных событиях. Ждали массовых репрессий. Рядовое казачество поняло, что от царского правительства ничего хорошего ждать нельзя, что оно заодно с зажиточной казацкой верхушкой. И тогда в массе стало созревать решение отказаться от прежних бесполезных челобитий властям, перейти к другому, типично крестьянскому способу протеста — бежать. Тысячи семей уже пустились в путь. Фрейман преградил им дорогу. Надо пробиться силой. Надо найти человека, который повел бы беглецов за собой, указал бы им путь.

Друг другу передавали слухи о появившемся в Царицыне избавителе Петре III-Богомолове. Судьба его была окутана таинственностью, с ним связывали много надежд. Пугачев сразу почувствовал, сколько социального негодования скопилось на Яике.

Однажды Пьянов спросил Пугачева — правда ли, что в Царицыне появился какой-то царь. Пугачев насторожился. Беседа на эту тему пришла к нему как нельзя более кстати. Он ответил, что это правда, что царя Петра Федоровича в Царицыне поймали, но он бежал. Помолчали. Пугачев решил не упускать случая и продолжать начатую раньше агитацию за уход с Яика.

— Как вам, яицким казакам, не стыдно, — с жаром говорил он Пьянову, — что вы терпите такое притеснение в ваших привилегиях.

— Что же делать? — покорно ответил Пьянов, — так видно тому и быть.

Пугачев начал рассказывать о возможности ухода в Турцию, о том, что он и турецкий паша обеспечат это достаточными средствами.

— Что ты подлинно за человек? — спросил недоверчиво настроенный Пьянов. ^[57]

Этот вопрос был последним толчком, после которого смутные и неясные мысли Пугачева о выступлении под именем царя Петра III приобрели определенные очертания.

— Вот слушай, Денис Степанович, — последовал членораздельный, внушительный и торжественный ответ, — хоть поведаешь ты казакам, хоть не поведаешь, как хочешь, только знай, что я — государь Петр III.

Затем Пугачев рассказал одну из тех фантастических историй, на которые он был такой мастер: как гвардия заключила его, государя, под караул, а капитан Маслов освободил, как он «ходил в Польше, в Цареграде, во Египте, а оттоль пришел к вам на Яик». Пьянов поверил, потому что хотел верить, нужно было верить. Стоит ли выдавать свои сомнения, когда казакам так нужен избавитель.

Пьянов поверил, но «вдаль плодить речь оную запретил, боясь беды». Он пошел к знакомым надежным казакам, авторитетным в народе, рассказал им об об явившемся царе. Те выразили сочувствие «императору» и его планам, посоветовав только подождать до рождества: в настоящее время народ весь вразброде, «а к тому казаки все соберутся и мы поговорим обо всем этом с хорошими людьми». ^[58]

Жребий брошен! Беглый, гонимый, травимый казак выступает в роли императора, спасшегося от убийц. Он готов повести за собой все яицкое войско.

Пугачеву только тридцать лет, по жизнь состарила его преждевременно, и ему можно дать лет сорок. Он невысокого роста, у него темнорусые волосы и черная с проседью борода. Широкие плечи и тонкая

талия. Острые, «страховитые» глаза. Шрамы на левом виске, шрамы на груди — память о походах, сражениях, болезнях. Он давно уже потерял родной дом, где-то далеко остались жена, дети. Давно уже лишился он пристанища, привык скитаться по большим дорогам, по еле различаемым тропинкам, по болотам. Жизнь бросала его из края в край своей и чужой страны. Но нигде не мог он осесть, зажить вольным человеком на вольной земле. Он скрывался у добрых людей, ускользал от преследователей. Перед ним прошли казаки и солдаты, купцы и крестьяне, чиновники и дворяне, турки и татары, пруссаки и поляки. Он искал воли для себя, для себя одного. Он нигде не нашел ее. Может быть, эта воля придет, если он попытается искать ее вместе с многими другими?

Он назвал себя императором. Чем он хуже других «Петров Третьих»? Правда, у других самозванцев ничего не вышло и кончили они печально. Но, может быть, у него-то и выйдет. Ведь он жил уже под чужими фамилиями, по чужим, фальшивым паспортам. Он выступал уже как атаман станин терских казаков, как богатый купец, поддерживающий связи с самим турецким султаном. Так ли это далеко до всероссийского императора? Самый воздух напоен слухами о народном царе, его ждут. Вот он и явился. Он станет во главе яицких казаков. Может быть, это и есть путь к воле? Это уже не та узенькая тропинка, по которой до сих пор пробирался он к свободе в одиночку, а широкая дорога, которая поведет его и тысячи таких же, как он, казаков к свободной жизни.

Решение Пугачева усиливалось еще тем простым соображением, что в сущности никакого выхода из тупика для него не было. Куда ему итти? Домой являться нельзя. Снова бродить по стране, скрываясь от людей? Кому от этого польза? К тому же долго скрываться не удастся — его поймут, и тогда опять тюрьма, гауптвахта, цепи, кандалы...

Конечно, только человек сильной воли, большой решительности и смелости мог согласиться выступить в роли «императора». Пугачев, не соглашавшийся покорно тянуть лямку подневольного казака, неоднократно уходивший из-под арестов, ускользавший из самых запутанных положений, обладал необходимыми для новой роли качествами.

Но предстояло еще немало испытаний. Неделю пробыл Пугачев в Яицком городке. Он ходил по базару, прислушивался к народной молве: казацкие разговоры только прибавили ему энергии, рождали смелые планы. Но пока, как советовал Пьянов, приходилось ждать. Пугачев сшил себе пестрядинную рубаху, купил несколько кусков холста, а вспомнив, что он еще носит личину рыботорговца, купил несколько сазанов и отправился назад в Мечетную.

По дороге он остановился на Таловом уме. Здесь он поведал Оболяеву — «Ереминой курине» — о результатах пребывания в Яицком городке, увиделся с Григорьем Закладновым. Закладнов успел уже ввести в курс дела казака Никифора Гребнева, тот рассказал обо всем охотившемуся в этих местах будущему виднейшему пугачевцу Чике-Зарубину.

По дороге спутник Пугачева Филиппов отстал — страх обуял его. Пожалев, что впутался в опасное дело, он отправился в Мечетную к управителю и сотскому и выдал им все, что знал о новоявленном Петре III. Пугачев в это время поехал в Малыковку. Вскоре туда прибыли сотский и управительские посланные и арестовали его.

Пугачев решительно отрицал свою вину: ничего он Филиппову не говорил и яицких казаков не подговаривал. Управитель «сек ево батожьем, но однако ж он и из-под батожья ни в чем не признался».^{59} Управитель заметил на теле Пугачева «кнутобойные» следы и потому «выспрашивал, не солдат ли, не барский ли я беглый человек, а между тем все-таки секут немилосердно батогами».^{60} Пугачев не признавался. Не добившись желаемого ответа, управитель заковал подозрительного казака в ручные и ножные кандалы и отправил его в симбирскую Провинциальную канцелярию.

По дороге Пугачев пытался подговорить и подкупить конвойных. То ли конвойные запросили слишком много, то ли у него денег не было, бежать не удалось.

В Симбирске переговоры о взятке возобновились. Речь шла уже о подкупе не только конвойного Попова, доставившего Пугачева в Симбирск, но и подьячего и секретаря. Денег у Пугачева не было, он все ссылался на суммы, якобы хранившиеся у Филарета. Попов запросил Филарета. Игумен денег, конечно, не прислал, и Пугачева направили в Казань. Здесь ему прочитали филипповский донос. Пугачев от всего отпирался. Он говорил, что действительно, будучи пьяным, назвал себя перед Филипповым Петром III, но казаков к побегу не подговаривал.

С самозванством и самозванцами не шутили, особенно с такими, которые действовали среди взбунтовавшихся яицких казаков. Сам казанский губернатор Брандт приехал посмотреть на преступника. Самозванец имел очень жалкий вид. Казалось невероятным, чтобы такой несчастный человек мог выдавать себя за императора всероссийского и поднимать казаков на бунт. Брандт донес в сенат, что «все это произошло от сущего его [Пугачева] невежества»...^{61} и что он не видит необходимости придавать особое значение этому делу. Губернатор предлагал судить казака

на основании указов о беглых из Польши и «учинить ему, Пугачеву, наказание кнутом и послать на вечное житье в Сибирь».

Пока решалась его судьба, неугомонный Пугачев принимал меры к новому побегу. Он вспомнил о Щелокове, о котором ему говорил Филарет на Иргизе. Выходец из крепостных крестьян, Щелоков выбился в богатого купца, подрядчика и промышленника. Как и многие купцы, теснимые дворянами, стоявшие далеко от вершин политической власти Щелоков ударился в раскол. Раскольник он был ревностный. Богобоязненный богач, он непрочь был задобрить хмурого раскольничьего бога тем, что с мальчиком посылал несчастным колодникам пироги и калачи, раздавал им милостыню. Щелоков узнал о Пугачеве, о том, что он «содержитца по поклепному делу в кресте и бороде». Щелоков и Пугачев искали встречи. Связью между ними служил щелоковский рассыльный мальчик.

— Пожалуй, мальчик, — сказал ему однажды Пугачев, — скажи, бога ради, штоб Василий Федорович пришел ко мне, и скажи ему про меня, што я донской казак и имею до него нуждицу; пожалуйста, попроси, штоб пожаловал, повидался он со мной^{62}.

При встрече Пугачев умолчал о своем самозванстве, назвал себя преследуемым раскольником, передал поклон от Филарета и его просьбу помочь староверу-казаку. Заверил, что скупиться на взятки не надо, ибо у Филарета лежат его, пугачевские, деньги. Пугачев связался и с другим купцом Хлебниковым, тоже знакомым Филарета, и пытался добиться помощи через него. Одновременно он написал Филарету о присылке денег.

Из этих энергичных попыток ничего не вышло, Филарет с присылкой денег не торопился, купцы Щелоков и Хлебников ограничивались обещаниями и мелкими подачками колоднику. Пугачев не унывал. Его энергия и изворотливость не знали предела, особенно теперь, когда яицкие дела сулили столь заманчивое будущее. Он сидел закованный в ручные и ножные кандалы в «черных тюрьмах» под губернской канцелярией. Кормовых денег не давали, приходилось довольствоваться тем, что приносили не слишком щедрые «добрые люди». На улиц не выпускали. При таком режиме нечего было и думать о побеге.

Пугачев пожаловался, что кандалы очень тяжелы «и обломили ему руки и ноги». Сержант распорядился надеть на него «легинки железы». В них уже можно было ходить. Губернская канцелярия пришла в ветхость, ее начали перестраивать, а колодников перевели из «черных тюрем» на тюремный двор. Здесь было относительно легче, чем в темных, сырых, холодных «черных тюрьмах».

Вскоре Пугачева начали отпускать в сопровождении солдата в город

«для прошения милостыни». Он чаще других ходил на Арское поле, куда арестантов гоняли на работы; тюремному начальству он казался послушным, скромным, набожным.

В тюрьме Пугачев познакомился с колодником Парфеном Дружининым. Дружинин знал лучшие времена. В 1772 году он работал целовальником по продаже соли, растратил казенные деньги, за что и попал в острог. Здесь он сблизился с Пугачевым. Частенько колодники присутствовали при порке их товарищей. Наблюдая как-то подобную сцену, Дружинин произнес грустно:

— Што, Пугачев, вот тово и смотри, што и нас так же выведут да пороть станут.

Не склонный к пустопорожней меланхолии Пугачев немедленно сделал практический вывод:

— Ну, как же быть? — ответил он. — чем переменишь? Вить разве отсюда бежать? — и сразу набросал план побега. — Нас для работы гоняют на Арское поле, так, как туда пойдем, караул за нами невелик, то, сев на судно, да и были таковы. ^{63}

Дружинин купил уже лодку, но случая все не представлялось. Тем временем полая вода спала, и плана осуществить не удалось. Но упорство Пугачева, его жажда воли неиссякаемы. Пешком далеко не уйти — нужна лошадь.

— Да, лошадь я куплю — сказал Дружинин. — только, как уйдем, то куда мы денемся?

Это меньше всего смущало Пугачева: он отлично изведal все беглые места.

— Мало места куда бежать! — воскликнул он, — на Яик, на Иргиз, а не то так на Дон. Уж об этом не пекись, найдем дорогу, лишь бы отсюда как выбраться. ^{64}

Осталось подговорить караул. Пугачеву понравился в этом смысле один из караульных солдат, украинец. Его недавно определили на службу из числа вывезенных из Польши дезертиров. Человек показался ему «тихой, не так, как русской солдат», и Пугачев, «смеючись», сочувственно спросил:

— Што, служивой, служить ли ты хочешь или на волю бежать хочешь?

— Я б давно бежал, да не знаю куда бежать-та, видишь, стал от своей стороны далеко.

Ясно, что солдат не будет помехой. Лошадь с телегой готовы, солдат готов, осталось бежать. В назначенный день Пугачев и Дружинин отпросились у тюремного офицера к дружининскому знакомому попу.

Офицер отправил с колодниками двух солдат, в том числе украинца.

Дружинин послал попа за вином, пивом, медом. Хорошенько напоили незнакомого солдата. Потом вышли. На улице ждала приготовленная лошадь с кибиткой; в качестве ямщика на ней сидел сын Дружинина.

Дружинин невинно спросил сына:

— Емщик, што возьмешь отвезти в Кремль?

«Ямщик» попросил пять копеек. Сели в кибитку, закрыли ее рогожею и выехали из города.

За городом пьяный солдат очнулся.

— Што, брат, долго едим?

— Видишь, кривою дорогою везут, — смеясь ответил Пугачев.

Солдата выбросили из кибитки на дорогу, «где солдат весьма оробел и стал как изумленный».^{65} Ударили лошадь и ускакали. По дороге Пугачев избавился от остальных попутчиков и направился на Яик, где жили знакомые люди, где ждало большое дело.

Почти через два с половиной месяца посла побега пришел из Петербурга приказ. «Оному Пугачеву за побег ево за границу в Польшу и за утайку, по выходе его оттуда в Россию, о своем названии, а тем больше за говорение им яицкому казаку Пьянову... возмутительных вредных слов... учинить наказание плетьми и послать, как бродягу и привыкшего к праздной, предерской при том жизни, в город Пелым, где употреблять его в казенную работу такую, какая случиться может, за то ему в пропитание по три копейки на день; однако ж накрепко тамо за ним смотреть, чтобы он оттуда утечки учинить не мог».^{66}

Но Пугачев находился уже далеко. Казанский губернатор Брандт принял меры к розыску беглеца. Он был уверен, что казак ушел на Иргиз, жители которого, раскольники, охотно укрывали всяких бродяг и беглых. Брандт приказал местному управителю разведать, не скрываются ли на Иргизе оба беглых и солдат. На Иргизе Пугачева, конечно, не нашли.

Правильнее определили направление побега в Петербурге. Граф Чернышев распорядился искать Пугачева на Дону, «а особливо Яицкого войска в жилищах». Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу и донской войсковой канцелярии предписывалось разыскивать Пугачева по хуторам и станицам, поймав, заковать в кандалы и «за особливым конвоем» отправить в Казань.

Беглец скоро об'явился, но в такой обстановке, которая заставляла думать уже не о поимке неуловимого казака, а о спасении основ казавшейся несокрушимой империи.

Не доезжая до Яицкого городка, Пугачев узнал у встречных баб, что без паспорта туда и показываться нельзя. Пришлось повернуть обратно, захватить к Оболяеву — «Ереминой курице». Пугачев ежедневно охотился, беседовал с многими проходящими на охоту казаками, выпытывал о яицких настроениях. Они благоприветствовали пугачевским намерениям.

Пугачев надумал сходить в баню. Совсем не мешало смыть грязь тюремных подвалов, степной пыли. Не мешало и одежду сменить. Пугачев ходил в одной грязной, выпачканной в крови, крестьянской рубашке из толстой холстины, на ногах — худые коты, на голове — колпак из сермяжного сукна.

Истопили баню. Увидев на груди у Пугачева знаки, Оболяев спросил, что это за знаки. Пугачев решил, что Пьянов открыл «Ереминой курице» историю о новоявленном Петре III и ответил, что это Царские знаки. Оболяев усомнился в существовании особых царских знаков, особенно на теле простого казака, он не мог представить себе, что к нему на умет занесло царя. Но Пугачев с жаром начал убеждать «Ёремину курицу» в своем царском достоинстве и довел уметчика до того, что тот начал извиняться и просить «царя не прогневаться на него за простое обхождение». Пугачев милостиво простил недогадливого Оболяева, просил до поры хранить тайну о «Петре III» и обходиться с ним как с простым казаком.

На уме Пугачев открылся и Григорию Закладнову, поручил ему с ездить в Яицкий городок, объявить надежным людям, что скоро придет царь, избавит их от разорения казачьих старшин и поведет на Кубань.

А в Яицком городке ждали милостивого царя с нетерпением. Он один мог спасти от страшной участи. В конце апреля 1773 года в Оренбурге был получен окончательный приговор над взбунтовавшимися казаками. Приговор требовал: 16 человек наказать кнутом, вырвать им ноздри, выжечь знаки и послать на вечную каторгу в Сибирь, на Нерчинские заводы; 38 человек наказать кнутом, сослать с женами и детьми в Сибирь на поселение, 5 человек — «для смытия пролитой крови» — послать на военную службу без очереди; 25 человек наказать плетьюми и распределить по армейским полкам и сибирским гарнизонам. Для покрытия убытков, понесенных во время мятежа атаманами, старшинами, воинскими чинами, взыскать соответствующую сумму «со всех бывших в мятежнической партии». Иначе говоря, все население Яицкого городка должно было ждать наказания. Казнь виновных была произведена на казачьем кругу и произвела на очевидцев гнетущее впечатление. Сто сорок четыре человека, мужчины и женщины, отправились в Сибирь. Раскладка штрафной суммы

производилась по указанию старшин так, что вся тяжесть уплаты легла на бедных казаков.

Публичная казнь в XVIII веке: клеймение и вырывание ноздрей

Со старинной акварели

По городку поползли слухи, что на Таловом умете появился государь. Выполняя поручение Пугачева, Закладное поехал в Яицкий городок и ввел нескольких казаков, в курс дела. Группа казаков, во главе с Караваевым, отправилась на оболяевский умет, желая увидеть «царя».

Пугачев, вошедший в роль, принял их с императорским достоинством. Казаки стали перед ним на колени, царь допустил их к руке. Потом они изложили все свои жалобы на старейшинские злоупотребления, на тяжесть военной службы, на принуждение к бритью бород. Казаки заверили Пугачева, что войско примет его с радостью.

— Ну, детушки мои, — воскликнул Пугачев, — соколы ясные, смотрите же, не покиньте вы меня; теперь у вас пеший сизый орел,

подправьте сизому орлу крылья; сумею я вас нарядить и разрядить.

— Только не покинь ты нас, надежда-государь, — отвечали казаки кланяясь, — а мы с яицким войском все, что вы не прикажете и не потребуете, сделаем.^{67}

Беседа кончилась тем, что и Пугачев и казаки прослезились.

Оставалось написать указ войску. Но среди собравшихся грамотея не нашлось. Не знал грамоты и Пугачев. Он отпустил казаков и на прощанье поручил им разносить молву о царе осторожно, сообщать о нем только надежным, людям, чтобы не проведала старшинская сторона.

Пугачев немедленно поехал в один из иргизских монастырей искать писаря. Поиски были неудачны: он не только не нашел грамотея, но, опознанный одним из прежних знакомых, еле ушел от погони, скрывшись в дремучем иргизском лесу.

Бросается в глаза, с какой осторожностью подготавливал Пугачев свое выступление. Он разглашает молву о «царе» только самым надежным людям. Он принимает все меры, чтобы зажиточная казацкая верхушка, атаман, старшины не узнали о готовящихся событиях. Он вербует сторонников поодиночке и только таких, в которых он мог быть твердо уверен. Действуя конспиративно, Пугачев не торопится в Яицкий городок, где по улицам сновали войска, хватая всех подозрительных.

Казаки тоже не торопятся валить толпой к новоявленному государю и тщательно выбирают пункт, где бы лучше всего собраться войску. Отвергается сбор на камелях — верстах в двадцати ниже Талового умета: близко проходит большая дорога, по ней двигаются разные люди, шагают войска. Враг слишком скоро узнает о бунте, пресечет его в самом начале. По этой же причине отвергли устье Таловой речки.

Но сбор войска — дело близкого будущего. Пока же расширяются связи между Таловым уметом, где сидел Пугачев, и Яицким городком. Связи эти на-налаживаются пока что тоже с большим отбором и осторожностью. Характерно, что будущий глава пугачевской «военной коллегии» Чика-Зарубин, пользовавшийся славой болтуна, был представлен Пугачеву лишь после категорических настояний и клятвы перед образом, что он не разболтает об «императоре».

Пугачев держался чрезвычайно умело. В дни, предшествовавшие восстанию, Пугачев беседуя пока с немногочисленными верными казаками, неизменно поднимал разговор о горестном казацком житье-бытье. Он рассказывал о бедствиях, которые ему самому пришлось перенести из-за бояр, лишивших его царства, о долголетних странствованиях по разным странам. Кончались эти агитационные разговоры неизменным вопросом:

примут ли его казаки, пойдут ли за ним? Простой казак Емельян Пугачев великолепно сознавал всю трудность и опасность задуманного предприятия, пошел на рискованное дело, лишь тщательно выяснив возможные шансы на успех.

Он вел себя очень просто. Не требовал, когда это не нужно было, внешних проявлений почета, не настаивал на низких поклонах, садился запросто рядом с казаками, запросто беседовал с ними. С самого начала самозванства Пугачев подчеркивал свое резкое отличие от прежних царей: «Доселе отцы ваши и деды в Москву и Петербург к монархам езжали, а ныне монарх к вам сам приехал», — говорил он.

Но достаточно было кому-нибудь выразить сомнение в царском достоинстве Пугачева, как он принимал другой, настойчивый и грозный тон. На Таловый умет пришли казаки — Караваев, Шигаев, Мясников и Чика-Зарубин. Караваев потребовал, чтобы «Петр Федорович» показал свои царские знаки. Пугачев в гневе вскричал:

— Раб ты мой, а повелеваешь мною.

Он разорвал ворот рубахи, выставил грудь со следами заживших ран и с такой убеждающей силой заявил, что это царские знаки, что казаки в страхе замолчали.

Впрочем уже первые приверженцы «царя» знали, кто перед ними на самом деле. Чика-Зарубин при первой же встрече с Пугачевым обратил внимание на простое казацкое платье «императора», по-казацки остриженную голову, на казацко-раскольничью бороду. Зарубина не убедили ни доводы Пугачева, ни «царские знаки» на его теле. Чика все допытывал Караваева, «что это за человек, которого они за государя почитают»? «Глупой ты человек, — ответил Караваев, — разве ты не слышал, что и прежде давно идет молва у нас в: городе, что он государь?». Чика не отставал до тех пор, пока Караваев под строжайшим секретом не сообщил: «Ето не государь, а донской казак, и вместо государя за нас заступит, — нам все равно, лишь быть в добре». Зарубин и не собирался открывать тайну, он решил, «что так тому и быть, ибо всему войсковому народу то было надобно». ^{68}

Но Чике и этого мало. В поисках истины он решил дойти до конца — заставить самого Пугачева сбросить маску. Однажды «царь» начал рассказывать историю своих злоключений и странствований. Чика припомнил «всю тягость и налоги от командиров». Пугачев немедленно сделал назидательный, агитационный вывод: «И всегда так бывает: как пастыря не станет, то всегда народ пропадает».

Создалась обстановка, располагавшая к откровенности. Зарубин

набрался храбрости и обратился к «царственному» собеседнику с вопросом, поставленным в упор.

— Как, батюшка, скажи суцую правду про себя, точно ли ты государь.

— Точной я вам государь, — гласил ответ.

Зарубин не успокоился:

— Вить нас, батюшка, не сколько теперь, только двоечка, мне вить Караваем рассказал о тебе все точно, какой ты человек... От людей утаишь, а от бога вить не утаишь, ты донской казак... мне в том нужды нет: хоша ты и донской казак, только мы уже за государя тебя приняли, так тому и быть. ^{69}

Пугачев открылся. Знание истины о Пугачеве нисколько не помешало Чике-Зарубину занимать в восстании одно из руководящих мест под знаменем человека, о самозванстве которого он был осведомлен с самого начала.

Еще выразительнее отозвался Мясников, когда Чика изложил ему свой разговор с Пугачевым; «Нам какое дело, государь он или нет, мы из грязи сумели сделать князя. Если он не завладеет Московским царством, так мы на Яике сделаем свое царство».

Борьбу казачества должен возглавить царь. Но подлинного казацкого царя не сыщешь; пусть же им будет беглый донской казак, лишь бы народ верил и шел за ним. Таков был ход мыслей всего ближайшего пугачевского окружения.

Пора было подумать о перемене места пребывания Пугачева. После неудачной экспедиции за писарем возникала опасность, что погоня нагрянет на Таловый умет. Заботу об укромном месте для «Петра Федоровича» взял на себя Чика-Зарубин. Чика и Мясников повели Пугачева к Кожевниковым хуторам, на реке Малом Чагане, в тридцати пяти верстах от Яицкого городка. Отсюда Чика и Мясников поехали в столицу Яицкого войска об'явить о царе, договориться о месте сбора и приготовить более подходящую для «императора» одежду, чем верблюжий армяк и крестьянская толстая рубашка.

Хутор Кожевникова был не вполне безопасен, и вернувшийся из Яицкого городка Зарубин предложил Пугачеву переехать на речку Усиху, в безлюдную степь.

Вокруг Пугачева — уже значительная группа казаков. Они ухаживали за ним, раздобыли для него палатку, а сами прожили под открытым небом дней десять. Уже приходят посмотреть, а, может быть, и поступить на службу к «государю» разные люди, среди них и такие, которые раньше боялись самозванства, подозрительно относились к таинственному

человеку, выдающему себя за Петра Федоровича. В стане Пугачева находились уже татары — Идеркей Альментьев (казаки звали его Идоркой), сын его Болтай, Барын Мусаев, прозванный казаками «Баранка» и Аманыч.

Уже узнали о «царе»-освободителе в киргизских улусах. Нур-Али-хан послал к Пугачеву своего писаря татарина. Писарь повез «царю» подарки: саблю, остроконечный серебряный топорик, бухарский шелковый халат и гнедую лошадь. В ответном письме, написанном Идоркой — перу Идорки принадлежали многочисленные пугачевские указы и манифесты, обращенные к народам колоний царской России, — Пугачев приказал Нур-Али-хану прислать к нему отряд в сто человек. Однако дальше подарков и приветов хан не шел. Больше того, отказав Пугачеву в поддержке, хан поехал в Яицкий городок, где заявил о верности императрице и даже обещал выступить против повстанцев.

А в Яицком городке тоже шли необходимые приготовления. Осведомленные казаки, как Плотников, Почиталин, Харчов, живо обсуждали вопрос, где лучше всего встретиться Пугачеву с войском, как поступить с противниками «императора». Уже повезли к «царю» знамена, среди них два старых — василькового и дымчатого цвета знамена, с которыми войско выходило против Фреймана. Делегаты войска — Мясников, Фофанов и пронырливый, настойчивый, двуличный Лысов уже отправились в стан Пугачева на Усиху.

Одному из делегатов поручили рассказать «императору» о всех притеснениях, которых натерпелись казаки, о жестоких наказаниях и просить его о защите. Уже сыскался и необходимый Пугачеву грамотей: сын Якова Почиталина — Иван. Отец дал ему родительское благословение, приказал верно служить «государю» и делать все, что заставит, учиться добру и привыкать к делам. Яков Почиталин повез Пугачеву зипун — новый, зеленый, с золотым позументом, бешмет, кушак шелковый, шапку бархатную черную.

Как ни скрывался Пугачев и как ни скрывали его товарищи, болтливость одного пьяного казака выдала местопребывание «царя» коменданту Симонову и старшинам. Немедленно снарядили отряд для поимки опасного преступника. Но верный казак предупредил Пугачева об опасности. Скомандовав: «Казаки, на коней!» он ускакал вместе с друзьями. Татарин Идорка, находившийся в свите Пугачева, посоветовал отправиться в Бударинские зимовья, на хутор к Толкачевым, набрать там людей, тогда и он, Идорка, с другими татарами примкнет к восставшим казакам. Оттуда можно двинуться на Яицкий городок.

Пугачев решительно поддержал это мнение. Вопреки совету Зарубина

и Почиталина, Пугачев категорически высказался за движение на городок с отрядом любой численности. Он понимал, что отступить уже поздно и только решительность может спасти дело.

Пугачев понимал также, что период подготовки, переговоров, прощупывания казацких настроений кончился. Начинается восстание. Именно восстание, а не мирный уход на вольные земли.

После того, что произошло на Янке, о мирном уходе уже не могло быть и речи. Предстояло пробиваться к воле силой оружия. Предстояло ввести в борьбу уже не маленькую группу доверенных людей, но все яицкое войско. Надо было провозгласить цели движения.

«Што мы едим к Толкачеву собирать народ? Ну, как народ сойдетца, а у нас писменова ничего нету, штоб могли народу об'явить», рассуждал Пугачев и тут же сделал практический вывод:

— Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенечко.

Остановились в поле. Ждали, пока Почиталин писал. Потом он прочитал написанное вслух. Манифест «пондравился больно... и все хвалили и говорили, што Почиталин гораст больно писать».^{70}

Приехали на хутор Толкачева. За последние дни Чика-Зарубин показал себя центральной фигурой пугачевского окружения. Он и теперь отправился лично и других людей отправил по хуторам созывать народ к «царю».

Утром на толкачевском хуторе собралось несколько десятков вооруженных казаков, калмыков, татар. Пугачев вышел к собравшимся, привел их к присяге, велел Почиталину ознакомить народ со своим манифестом. С поднятыми руками, в «великом молчании», стараясь не проронить ни слова, слушали пугачевцы. Почиталин читал:

«Самодержавного амператора, нашего великого государя Петра Федоровича всероссийского: и прочая, и прочая, и прочая.

В имянном моем указе изображено Яицкому войску: как вы, други мои, прежним царям до капли своей до крови, дяды и отцы ваши, так и вы послужили за свое отечество мне, великому государю императору Петру Федоровичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ни истечет ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим госудрям, жалованы: казаки, и калмыки, и татары. И каторые мне, государю амператорскому величеству Петру Федаравичу винныя были, и я, государь Петр Федаравич, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рякою с вершин и до усья и землю, и травами, и денежным жалованьям, и свинцом и порохам, и хлебным провиянтам.

Я, велики государь амператор, жалуя вас Петр Федаравичь 1773 году

сентября 17 числа». [{71}](#)

Чтение кончилось. Манифест понравился толпе.

— Поведи нас, государь, куда тебе угодно, мы вам поможем, — раздались восклицания.

По приказу Пугачева развернули знамена, прикрепили их к копьям, сели на коней, двинулись к Яицкому городку. Впереди ехали знаменосцы, за ними Пугачев со свитой, в некотором отдалении — отряд первых пугачевцев.

Начался новый этап в жизни безвестного простого казака из станицы Зимовейской. Началось пугачевское восстание.

СИЛЫ ВОССТАНИЯ

На какие силы опиралось восстание, руководимое Пугачевым?

Во-первых, на яицких казаков, — смелое, свободолюбивое племя. С детства приученный скакать на коне и владеть оружием, привыкший с юности переносить трудности военных походов, яицкий казак в силу всей своей жизненной обстановки привыкал к тяжелому труду и лишениям, закалявшим тело и душу. Двенадцатилетний казаченок уже сопутствовал отцу, брату в рыбном промысле.

Нелегка рыбная ловля на Яике-«Горыныче» и на Каспии. Надо жить в раскинутых на льду войлочных шатрах, плохо защищающих от вьюг и метелей. Нужно работать в ледяной воде, проруби, быть готовым, что отколовшаяся льдина унесет в море. Надолго покидали казаки родные жилища, уезжая на «плавни», рыбную ловлю.

На «плавне» казак переносил и полуголодное существование и напряженный, изнурительный труд. На зимнюю ловлю отправлялись ватагами до трех тысяч человек. В этих экспедициях вырабатывалась привычка к совместным действиям, к взаимопомощи.

На Янке была распространена охота за сайгаками Дикими козами. Охота за этим чутким и быстрым животным — утомительное и трудное занятие. Нужно метко стрелять, терпеливо сносить жажду, страшный зной и духоту. Нужно ползать долгие часы на животе, не поднимая головы, ни на волос не отделяясь от земли, иметь бесконечное терпение и несгибаемую выдержку. Как характерно, что Чика-Зарубин и другие ближайшие сподвижники Пугачева — отменные «сайгачники». Сам Пугачев проводил долгие летние дни на Таловом умете, охотясь за сайгаками; поздно вечером, усталый, перепачканный кровью, он возвращался домой.

В походах, на «плавне», на охоте, в совместном труде и общих лишениях вырабатывались характеры сильных телом и крепких духом яицких казаков. Именно они первыми подали сигнал к восстанию. Их требования имеют общие черты с требованиями задавленных крепостным гнетом крестьянских масс, но отличаются и своими специфическими чертами. Когда Пугачев в первом — манифесте жалуется денежным жалованьем, свинцом, порохом и хлебным провиантом, он выражает в основном казацкие нужды, которых также нельзя было удовлетворить без борьбы с крепостническим строем. Но уже в этом первом манифесте видны мотивы, выходящие за пределы чисто казацких интересов, смыкающиеся с

общими чаяниями закрепощенных крестьянских масс. Обещание пожаловать и рекою, и землю, и травами поднимало на борьбу с крепостническим режимом весь поработанный русский и нерусский крестьянский люд царской феодальной монархии.

Основное в восстании Пугачева — это крестьянский протест против крепостной неволи, достигшей в XVIII веке наибольшей тяжести. Помещик сделался почти безграничным властелином крепостных душ. Сама Екатерина II свидетельствовала, что «землевладельцы делают все, что им заблагоразсудится» кроме смертной казни, которая им запрещена.^{72}

Помещики получили право ссылать крестьян в Сибирь за разные «предерзостные поступки», отправлять их на каторгу на любой срок. Крепостные окончательно лишились прав юридических лиц: они не могли покупать недвижимость, брать подряды и откупа, заводить суконные фабрики, обязываться векселями и вступать в поручительство.

В 1767 году вышел знаменательный указ. Ссылаясь на «разглашения злонамеренных людей, рассеивающих вымышленные ими слухи о перемене законов», он предписывал крестьянам «подобным сему ложным разглашениям ни под каким видом не верить», «иметь к помещикам своим должное повиновение и беспрекословное во всем послушание», и запрещал крепостным под страхом наказания кнутом и отправки в Нерчинскую бессрочную каторгу подавать жалобы на помещиков.^{73}

Сама императрица любила говорить о свободе, писать пространные письма французским философам-просветителям, клеймить рабовладение, оплакивать горестную участь крепостных. Это нисколько не мешало Екатерине II подписывать крепостнические законы и раздавать десятки тысяч десятин земли и крепостных людей своим многочисленным фаворитам-любовникам.

Крепостническая практика царицы находила себе «идеологическое подтверждение» в писаниях ее придворных — А. П. Сумарокова и других. «Потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность или потребна клетка, — восклицал Сумароков, — и потребна ли собаке, стерегущей мой дом, цепь? Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако, одна улетит, другая будет грызть людей... Свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна».^{74}

Рост крепостного *права* шел рядом с общим ростом крепостного хозяйства. Углубление общественного разделения труда, рост промышленности и связанное с ним увеличение численности неземледельческого населения, усиливающийся спрос на

сельскохозяйственное сырье за границей, — открыли перед помещиком-крепостником более широкие, возможности сбыта сельскохозяйственного сырья внутри страны и за границей. Выросла потребность в капиталах, единственным источником которых был, в конечном счете, все тот же крепостной мужик. Это он должен был прокормить помещика, его родню, дворню. Это за счет его рабского труда можно было воздвигать роскошные дворцы на манер Версаля, культивировать парки на манер английских. Утонченные цветы французской культуры пересаживались на крепостную российскую почву и выращивались на мужичьем трудовом поту.

В погоне за деньгами помещик увеличивал эксплуатацию крестьян. Трехдневная барщина в неделю являлась во второй половине XVIII века нормой: половину своего рабочего времени крепостной отдавал работе на господских полях. Иногда помещику было мало и трех дней. Тогда он заставлял крестьян работать до тех пор, пока не уберут весь господский хлеб, пока не скосят и смечут в стога все господское сено. Случилось, что помещик требовал четырех, пяти и шестидневной барщины. Такой помещик «по своей роскоши приумножает псовую охоту и думает, неусыпно старается и мужиков денно и нощно работать понуждает... а того не думает, что через сие отягощение в крестьянских домах дети с голоду помирают». [{75}](#)

Барщина привязывала крестьянина к помещичьему хозяйству, лишала его всякой самостоятельности. Наиболее распространенной была она в черноземах губерниях, там, где с огромной силой вспыхнут огни пугачевского восстания.

Русский крестьянин конца XVIII века.

С рисунка тушью Эшара. Эрмитаж. Ленинград.

В несколько лучшем положении находились оброчные крестьяне. Их хозяйство не так сильно зависело от помещичьего. Оброчный крепостной был менее барщинного связан с помещиком, и после уплаты оброка мог относительно свободно располагать своим временем, если вообще можно говорить о свободе крепостного человека.

Кроме денег, крестьяне часто платили помещику натурой. Идиллически-настроенный путешественник конца XVIII века писал: «Подобно пчелам, крестьяне сносят на двор господский муки, крупы, овса и прочих жит мешки великие, стяги говяжьи, туши свиные, бараны

жирные, дворовых и диких птиц множество, коровья масла, яиц лукошки, сотов или медов чистых кадки, концы холстов, свертки сукон домашних».

{76}

Порой оброки бывали так велики, что даже, продав «последние из домишков своих экипажишков и скот», крестьяне могли внести только часть причитающихся с них сумм.

Очень распространены были смешанные — оброчные и барщинные повинности. Крепостные работали на помещичьем поле, на господских строительных работах, давали подводы на раз'езды барина и его управителей, возили за много верст господское добро на рынок, платили деньги и доставляли продукты на барский двор. Повинности такого характера угнетали своим многообразием, неопределенностью, случайностью.

На крепостной гнет не исчерпывался одной помещичьей эксплуатацией. Вслед за помещиком приходило государство. Крепостные платили ему подушную подать, отдавали сыновей в рекруты, несли дорожную, постоянную, подводную, караульную и неисчислимый ряд других повинностей. Другой путешественник той же эпохи так суммировал свои впечатления от российских сел и деревень: «Бедность и рабство повсюду встречались со мной в образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какие помещики тех мест о земледелии прилагали радение. Маленькие крытые соломою хижины из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие одоньи хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составить должны».

{77}

Крепостной строй являлся системой не только экономического угнетения. Внеэкономическое принуждение, лежащее в его основе, непосредственное всего обнаруживалось в полном юридическом бесправии, в неслыханных моральных унижениях и физических истязаниях, которым подвергались крепостные души.

Буквально вся жизнь крепостного регулировалась помещиком. Помещик мог продавать своих крепостных поодиночке, разлучая детей с родителями, заложить их, отдать в приданое, отнять избу, скот и другие пожитки. Именно при «просвещенной» Екатерине II торговля людьми приняла самые широкие размеры. Мужиков, как скот, выгоняли на рынок, привозили целыми баржами в Петербург. Помещики регулировали весь быт крепостных, насильно выбирали для крепостных мужей и жен. «Добрые эконоы от скотины и птиц стараются племя разводить, а человек

просвещение разумеющий, паче должен заботиться о размножении рода человеческого»,^{78} — формулировал некий автор помещичьи взгляды на брачный вопрос. Легко догадаться, сколько трагедий происходило в крестьянском быту на этой почве!

Неограниченная помещичья власть открывала широкую дорогу для моральных унижений, физических насилий и истязаний, прочно вошедших в крепостной быт. Конечно, знаменитая Салтычиха была скорее исключением, чем правилом. Это она убила семьдесят пять человек, это она била своих людей скалкой, вальком, палкой, поленьями, утюгом, плетью, кнутом поджигала на голове волосы, хватала за уши раскаленными щипцами, лила на лицо горячую воду, колотила головой об стену. Она надевала на «провинившихся» колодки и в таком виде заставляла их работать, выгоняла босых людей на мороз, морила голодом. Это Салтычиха, отправив для похорон тело забитой до смерти крепостной в подмосковное село, посадила на гроб убитой грудного младенца, который замерз на трупе матери.

Таких законченных мучителей было, вероятно, немного, но в каждом крепостнике было «кое-что от Салтычихи. Французский наблюдатель нисколько не преувеличивал, когда писал: «Самые обычные исправительные средства — палки, плети, розги... Я видел, что палками наказывали и за легкое непослушание, за дурно сжаренную курицу и за пересоленный суп... Какие предосторожности ни принимал я, чтобы не быть свидетелем этих жестоких истязаний — они так часты, так обычны в деревнях, что невозможно не слышать сплошь и рядом криков несчастных жертв бесчеловечного произвола».^{79}

Многие даже «передовые» дворяне той эпохи — от придворных вельмож до какого-нибудь захудалого отставного поручика, коротавшего свои дни в деревне, — все они в большей или меньшей степени творили физические насилия над своими крепостными. Каждый помещик мог ни с того, ни с сего подвергать дворовых телесному наказанию. Одна барыня била башмаком по лицу провинившихся девушек, другая приказала сразу высесть восемьдесят женщин за то, что они не набрали по ее приказанию земляники; барин приказал жечь углями подошвы ног дворового за то, что тот утопил двух барских щенков, которых его жена — крепостная должна была выкормить своей грудью. Таков был повседневный быт.

Даже правила крепостного благочестия превращались в источник насилий. Граф Румянцев предписывал «говеть и причащать всех, принуждать без пропуску» и предупреждал: «а ежели кто который год не

будет говеть, того плетьюми, а которые не причастятся, тех сечь розгами, давая по 5000 раз нещадно».^{80}

Особенно доставалось непокорным жалобщикам и беглецам. Муромский помещик Муромцев замучил на смерть двух крепостных. Одного за побег с женой и детьми он заморил голодной смертью, посадив «в хоромах за крепким караулом в цепи на стуле», жену его убил побоями, а малолетних сына и дочь бил кнутом, батогами, веревкой и плетью, отчего у мальчика начала гнить спина. Напившись мертвецки, помещик кричал: «Тела вашего наемся и крови вашей напьюсь».^{81} Иные помещики устраивали собственные тюрьмы и особые помещения для пыток. Широко практиковалась ссылка в Сибирь. Людей отрывали от жен и детей и гнали их в «злоуполучную страну». Немногие добирались до места назначения. Сибирский губернатор Чичерин констатировал, что из отправленных поселщиков из Москвы и Калуги до Казани едва четвертая часть доходит, а дошедшие до места «все в тяжких болезнях».^{82} Оставшихся в живых — отощавших, обносившихся, ждали в Сибири тяжелые повинности, болезни, неурожаи, падеж скота.

Чем круче давил крепостнический пресс, тем энергичнее рос крестьянский протест. При всей отсталости сознания крепостной массы, при всей стихийности и разрозненности крестьянского движения, оно представляло собой огромную угрозу помещичьей монополии на землю и людской труд.

Десятки тысяч крестьян снимались поодиночке и группами с полных их потом и кровью мест и уходили в Сибирь, на низовья Волги, на Дон, на Кавказ, за границу. Беглецов не останавливали ни страшные наказания при поимке, ни поставленные вдоль западной границы форпосты и караулы. Не помогали и многочисленные манифесты с обещанием амнистии и всяческих льгот вернувшимся из побега.

Когда истощалось терпение, крестьяне решались на более активные действия: нападали на помещиков, на их приказчиков, убивали их, жгли усадьбы, уносили дворянское имущество. Сумароков однажды восторженно расписал спокойную жизнь дворян в своих имениях; Екатерина прибавила весьма выразительную фразу: «И бывают отчасти зарезаны от своих»^{83}. А 1767 год, как писал современник, даже стал «примечателен в России убиением многого числа господ от их подданных».^{84}

Нередко крестьянские бунты принимали такие размеры, что для их подавления правительство высылало крупные воинские силы в полном

вооружении, с пушками. Происходили форменные сражения: крестьяне выступали против солдат с рогатинами, топорами, вилами, кидали в них камни, поленья; войско начинало стрелять из пушек. В сражении с взбунтовавшимися крестьянами села Русанова, Алексинского уезда Тульской губернии, было убито шестьдесят три «бунтовщика». Зато в другой деревне Данковского уезда крестьяне разбили наголову воинскую команду, убили и ранили тридцать солдат.

*

Во второй половине века крестьянские волнения сделались таким распространенным явлением, что Екатерина II сочла нужным ознаменовать свое вступление на престол манифестом, доводившим до всеобщего сведения: «Намерены мы помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном им повиновении содержать».

[{85}](#)

Несколько лучше, чем помещичьи крепостные, жили государственные крестьяне. Они не были крепостными отдельных дворян, зато над ними тяготел гнет казны. Государство брало с них значительные подати и оброки, обременяло рекрутчиной и натуральными повинностями. В некоторых районах государственные крестьяне обязаны были своего рода барщиной — отрабатывать в пользу казны известное количество дней в году. Чрезвычайно страдала от помещичьих насилий и захватов такая группа государственных крестьян, как однодворцы. Однодворцы — мелкие, свободные землевладельцы, потомки служилых людей, которых московское правительство в XVI–XVII веках поселило в южных, тогда еще окраинных, пунктах Государства для обороны и нападения на степных врагов. Однодворцы составляли гарнизоны мелких крепостей укрепленных линии, которые правительств строило как опорные пункты военно-феодальной пенсии (захвата). Они владели небольшими земельными угодьями.

В начале XVIII века границы Российского государства продвинулись далеко на юг. Татары были покорены, их набеги больше не угрожали империи. Старые крепости потеряли боевое значение, и однодворцы из полувоенных людей превратились в крестьян-собственников. Но место прежнего степного неприятеля занял другой враг, шедший не из-за рубежа, а из собственной страны.

То был помещик-крепостник из центральных губерний. Центр государства был уже к началу XVIII века истощен вековой хищнической

эксплоатацией земель. Дало себя знать «аграрное перенаселение», вызванное хищнической обработкой земли. В поисках новых плодородных площадей помещик-крепостник устремляется на юг. Он переводит туда своих крепостных, расширяет сферу крепостнической эксплуатации. Но на этих новых для крепостника землях издавна сидели однодворцы. При прямой поддержке правительства начинается беззастенчивый, открытый захват однодворческих земель.

В 1767 году Екатерина II торжественно созвала комиссию для составления проекта нового уложения свода законов. В комиссии заседали и депутаты-однодворцы. В однодворческих наказах и речах слышен сплошной вопль о насилиях и грабежах, о сгоне с земли, о лишении средств к существованию. Вот некоторые факты, оглашенные в комиссии.

В 1766 году в город Верею к однодворцам ехал межевщик. Он вызвал их поверенного, приказал «раздеть и заворотить рубашку и велел бить батожем, яко сущего злодея при понятых сторонних людях и кинул его на том месте замертво». Помещик Десятов дал межевщику вооруженных людей, с помощью которых земля была отмежевана в помещичью пользу.

[\[86\]](#) Всюду, где жили однодворцы, наблюдалась та же картина массового разброда, бегства от помещичьих насилий, нищенства.

Наблюдатель-помещик свидетельствовал в своих записках, что в однодворческих селениях нет «ни улицы порядочной, ни одного двора хорошенького», «ничего у них не достанешь, живут не люди, а бог знает что». [\[87\]](#)

Правительство сверху узаконило помещичьи грабежи, местные власти помогали помещикам. Межевая инструкция 1766 года указала, что однодворческие земли, самовольно занятые лицами других сословий, остаются за захватчиками при условии платежа ими... 5 копеек в год с десятины на содержание ландмилиции. Однодворческий депутат Белгородской провинции сравнивал эту инструкцию с тем, если бы насильника, присвоившего чужой дом, заставили платить «за насильное владение» один рубль пени в год, а он бы сдавал дом в наем за 100 рублей ежегодно.

Однодворцы, осмелившиеся обращаться в суд, «сугубое получили несчастье» — их детей держали в тюрьмах «купно с ворами и разбойниками... за то, что не поступаются собственным своим помещьем и иждивеньем». [\[88\]](#) По мнению белгородского однодворческого депутата, помещик-насильник хуже тайного вора, «ибо крадущий тайно, страшась законов, возьмет у хозяина некоторую часть его имения, а тот обидчик, не

взирая на законы и без всякого страха и опасности, через фальшивые сделки отнимает все имения без остатка. Тот, крадущий малую часть, бывает публично наказан и идет в ссылку, а тому обидчику все отнятое имение в силу закона остается за ним». ^{89}

Однодворцы по-своему реагировали на эти незаконные захваты их земель. Дворяне жаловались, что однодворцы «по имеющемуся утеснению земель... впадают в великие преступления, а особливо воровство». ^{90} Козловские депутаты в екатерининскую комиссию говорили «об озорничестве Козловских однодворцев», которые дворянам «чинили разорения: деревни у некоторых до основания разорили, крестьян били и мучили, святые иконы кололи, скот весь и хлеб по себе разобрали, хоромное строение переломали... блюденные леса вырубил». ^{91}

В деревне Мухиной, Фатежского уезда, помещик выезжал на однодворцев настоящей войной — с вооруженной дворней и борзыми собаками, грабил, жег избы, увозил хлеб. В Тамбовской дикой степи помещик выставил на границах захваченных у однодворцев земель пушки для защиты от однодворческих попыток вернуть себе свои усадьбы.

Но в самом отчаянном положении находились государственные, крестьяне, приписанные к горным и иным заводам. Приписка к заводам вызывалась тем, что в крепостную эпоху рабочей силы, особенно на малонаселенном Урале, было очень недостаточно. По доброй воле крестьяне на заводскую каторгу не шли. Приходилось сгонять на предприятия людей «не помнящих родства», беглых, беспаспортных, бродяг, солдатских детей, «незаконнорожденных», преступников и другие, выбитые из колеи, элементы. Приходилось приписывать населенные государственные деревни к казенным и частным заводам. В 60-е годы XVIII века насчитывалось около 200 тысяч приписных крестьян.

В первой половине XVIII века приписные крестьяне не получали на руки заработной платы — она засчитывалась в уплату податей. Позже им начали выдавать за работу скудное вознаграждение. Случалось, что приписные крестьяне нанимали людей, которые отработывали за них заводскую повинность и платили нанятым больше, чем сами получали в зачет податей. Мало того. Приписные должны были отработать подати не только за себя, но и за неспособных к труду стариков, малолетних и даже за умерших. Заводчик мог заставлять приписных работать и после того, как они уже отработали все причитающиеся с них подати.

Часто заводская работа совпадала с сельскохозяйственной, крестьянской страдой, отчего крестьянские поля приходили в полный

упадок и разорение.

Академик Лепехин, путешествовавший по России незадолго до пугачевского восстания, попал в село Щелкун, недалеко от Каслинского завода на Урале. В этих, очень удобных для хлебопашества, местах жили приписные. «Но все сии места, — прибавляет Лепехин, принадлежат к Сысертскому заводу. Истощенные заводской работой крестьяне, принуждены бывают лес свой и сено или покупать у того, кому сия земля принадлежит, или сено косить исполу, т. е. половину на себя, а другую на пользу заводчика». ^{92} В другом селе, пишет Лепехин, «приметили мы многие крестьянские хижины без всякого приюту и почти совсем опустошенные», так как крестьяне «ежегодно из своего села должны высылать часть своих поселян в Урал, в заводскую работу и от того пришли в убожество». ^{93}

Иногда приписные деревни отстояли от заводов за сотни верст. Людей гнали «болотами, реками, лесами топучими местами и камнем, с великою трудностью на завод». Все это также приводило крестьянские хозяйства в величайшее разорение и нищету.

Заводчики стремились оторвать приписных от их хозяйства, держать их постоянно на заводской работе. Когда демидовские приказчики «наших крестьян увидят на... пашнях, то и работать им не дают, и бьют смертельно и приговаривают... работай на заводе, а не на своих пашнях». ^{94}

Кнут, палки, батоги, прутья приказчиков то и дело беспощадно гуляли по спинам заводских людей.

Жаловаться нельзя. «А за принесенную в обиде жалобу» дабы и впредь нигде не били челом, приказом приказчиков и нарядчиков, навязав яко татю [вору] на шею колодки и водя по дровосекам и палашам, а в заводе по улицам, по плотинам и по фабрикам, ременными кнутьями немилосердно злодейски мучили, отчего пришли в увечье и в конечное убожество, что многие и домов своих лишились». ^{95}

Такой режим господствовал на казенных и на частных заводах. Приписные умирали от побоев, от тюремного заточения в колодках, цепях и оковах, сгорали на угольных кучах и у доменных печей, погибали на пути к заводам, рано уходили в могилу от недостаточной, скверной пищи, от болезней. Взятки, невыплата заработанных денег, продажа скверных продуктов из заводских лавок но повышенным пенам, вынужденное превышение всех норм труда прочно вошли в крепостнический заводской уклад.

Иногда к заводам приписывались деревни с русским населением. Для

них заводской труд был совершенно губителен. Лепехин наблюдал быт приписных из новокрещенных националов в одной из пермских деревень: «Бедность до того их довела, что они принуждены большую часть своего веку довольствоваться пихтовой корой, к которой они, истолокши в ступе и просеяв, примешивают малое число ржи и пекут лепешечки».^[96]

Лепехин наблюдал приписных чувашей. «Безмолвный сей народ», впадая в нужду прибегал к «помощи» заводчиков. «Заводчики в таких случаях бывали щедры», ссужали чувашей с тем, чтобы они отработали долг на заводе. «Но не знаю, — заключает академик, — могут ли они совершенно заработать свой долг, тем наипаче, что чувашанин или добывая руду, или в дровосеке зарабатываемые деньги почти износит на рукавицах, и так год от году больше наживает долгу».^[97]

Жаловаться было некому. Правительственные горные учреждения или не принимали жалоб, или клали их под сукно. Заводские же власти жестоко преследовали жалобщиков. Приказчик Сысертского завода поймал одного жалобщика в пути, связал ему руки за спину, привязал на аркан и повёл на завод. В конторе ему надели на шею цепь. Потом неоднократно били плетью, сделали полным инвалидом.

От приписных немногим отличались посессионные. Это были крестьяне, прикрепленные к предприятию, а не к владельцу, несколько ограниченному в праве владения этими людьми. Юридические ограничения, однако, очень мало применялись в быту посессионных. Заводчики расплачивались с ними часто не деньгами, а продукцией своих предприятий, не позволяли работать в собственном хозяйстве, взыскивали «выводные» деньги при выходе посессионных дочерей замуж «с великим насильством и боем», гоняли провинившихся мастеровых сквозь строй, чинили «великое разорение и всекрайнейшие обиды», производили незаконные вычеты из жалованья, которого и без того не хватало на пропитание.

Нетрудно представить себе производственную обстановку, если вспомнить, что горнозаводская работа самими властями расценивалась как каторга для провинившихся людей.

Но и в других отраслях было не лучше. На суконных фабриках «ткачи насилу и столько дневного света имели, дабы тканье свое точно высмотреть»,^[98] другие работники пряли, чесали шерсть и стригли сукно в совершенной темноте. Сквозь дырявые потолки шел снег, лил дождь, сыпался песок и сор. И здесь — те же штрафы, строгие телесные наказания, даже правительственный регламент для суконных фабрик

вынужден был признать: «Поньне очень срамно было видеть, что большее число мастеровых и работных людей так ободрано и плохо одеты находятся, что некоторые из них насилиу и целую рубаху на плечах имеют».

[{99}](#)

К моменту пугачевского восстания крепостные составляли основную массу рабочих. Особенно много крепостных жило на горнозаводском Урале.

Крепостные рабочие — еще не особый класс; тем менее общего у них с пролетариатом эпохи капитализма. Они лишены юридической свободы, которой характеризуется пролетариат. По экономическому положению они больше приближались к крестьянам, чем к рабочим. На предприятиях они чаще выполняли лишь вспомогательные работы.

Приписные рубили дрова, пережигали их в уголь, возили на завод уголь, руду, лес, добывали деготь, смолу. Выполняя заводские работы в определенный период они оставались крестьянами, для которых основным источником существования было земледелие.

Но уже тогда образовались значительные группы рабочих, для которых основой существования являлся заводской труд. Они потеряли связи с землей, приобрели квалификацию, имели возможность переходить с предприятия на предприятие, выполняя уже основные производственные функции. Из них формировались мастера, подмастерья, «работные люди». Они жили на натуральное и денежное жалование, довольно значительное у мастеров, мизерное у «работных людей». Мастерам отводились особые домики, не лишённые некоторых удобств. «Работные» обитали в душных, тесных, грязных заводских избах, в сырых, холодных землянках.

Предприниматели задерживали заработную плату. Из массы случаев приведем один типичный. Владелец Галской бумажной фабрики несколько месяцев не выдавал своим рабочим ни натурального довольствия, ни денег. Рабочие начали ходить по миру, но в неурожайный 1774 год милостыню подавали не очень щедро. Когда они обращались к хозяину с просьбой об уплате долга, он палками гнал их со двора.

Вольнонаемный труд был мало распространен на Урале. Крупнейшая металлургическая база крепостной России находилась вдалеке от основных населенных пунктов, где значительные массы людей искали применения своим рабочим рукам. Рынок вольнонаемного труда на Урале был уже, чем в центральной России. Значительная часть уральских заводов принадлежала феодалам, которые могли неограниченно эксплуатировать крепостных. К казенным предприятиям приписывались государственные крестьяне, труд которых также был невольным.

С этими особенностями состава уральских рабочих были теснейшим образом связаны и формы их борьбы. Протесты носили чисто крестьянский характер. Как крестьяне и казаки, рабочие начинали с посылок челобитья властям. В этом сказывалась отсталость их сознания, еще склонного видеть в правительств беспристрастного судью и защитника против угнетателей и насильников. Приписные крестьяне охотно принимали расширительное толкование правительственных распоряжений и непременно в свою пользу. Наоборот, подлинные указы, закрепощавшие их за заводом, они об'являли фальшивыми. Рабочая масса еще боялась выступить против царя и тешила себя мыслью, что бунты направлены против злых предпринимателей, а вовсе не против государя.

В 50-х и 60-х годах XVIII века на многих уральских заводах происходили волнения в связи с передачей их из казны в частные руки, что всегда сопровождалось ухудшением положения рабочих. Соответствующий указ о передаче заводов крестьяне считали фальшивым. В 1761 году приписные Авзяно-Петровского завода послали челобитчиков в Петербург. Через некоторое время от делегатов пришло письмо, якобы «в правительствующем сенате учинено, чтобы нас всех приписных от заводов велено отрешить и в заводские работы впредь бы не употреблять, об разорении нашем во всем накрепко следовать, на что нарочный прислан будет», а отсылать на работу велено будто бы тех, кто согласится работать на заводах. Разумеется, все это чистейший вымысел. Достаточно было указа о начале следствия по жалобам приписных к заводам Чернышева и Демидовых, чтобы крестьяне решили, что «можно отбыть от заводских работ».

Приписные не боролись за улучшение своего положения на заводе, они хотели вовсе избавиться от заводского ярма, вернуться домой, в деревню, на землю. Это желание особенно резко выступает в таких типично крестьянских проявлениях протеста, как бегство с предприятия. Люди убегали в соседние леса, бродили, прося милостыню, по окрестным деревням, забирались иногда за сотни верст от ненавистного завода. Их не останавливали ни голод, ни лишения беглой жизни, ни угроза поимки и жесточайшего наказания за побег. Чаще всего бежали приписные, временно связанные с заводом, но уходили и постоянные, жившие при заводе рабочие. В 1726 году на границах Башкирии собралось около 1500 вооруженных приписных крестьян, чтобы бежать к башкирам. В 1763 году 200 крестьян, прикрепив к шестам ножи и копья, бежали с Вознесенского завода на Урале.

При всей отсталости и темноте, вышедшие из повиновения люди

нередко показывали пример сплоченности и преданности общему делу. Делегаты, отвозившие рабочие челобитья в столицу, выступали как самоотверженные защитники интересов своих товарищей. Челобитчиков арестовывали, ссылали, пороли, избивали до смерти, истязали — на них в первую очередь обрушивалась карающая рука власти и крепостного «правосудия».

Встречались проявления коллективной солидарности, вызванной одинаковыми условиями труда, работой в одном предприятии, едиными интересами. При массовых выступлениях рабочие порой приглашали священника и присягали не выдавать друг друга и не уступать. В 1760 году начались волнения приписных Масленского острога и барневской слободы на Урале. Прибывший на место волнений капитан потребовал, чтобы масленские крестьяне собрались в свой острог, а барневские — отдельно, в свою слободу, выслушать указ. Но масленские крестьяне отвечали: «Слушать указ будем все вместе, в сборище с барневскими: у нас у всех душа за едино». В 1761 году рабочие Олонецких заводов послали своих делегатов в столицу. Челобитчиков арестовали, но на допросах они никого не выдавали. Больше того: «Я все сношу на себя а на других ничего не показываю... за весь мир принимаю нужду к лучшему», — заявил один из делегатов. Через десять лет рабочие снова послали ходатаев, их также арестовали. Один из них — Соболев бежал. Он вернулся домой, раз'езжал по селениям, призывал товарищей к стойкости. Его арестовали. Рабочие, вооруженные дубинами и рогатинами, разоружили и разогнали часовых, начальника стражи избили до полусмерти. Восставшие стали готовиться к обороне: расставили караулы, собирались днем и ночью многолюдными толпами. Решили увезти жен и детей, усилить караулы, всегда иметь при себе оружие, заготовить лыжи, чтобы легче было уйти от преследования. Олонецкое восстание было подавлено только с помощью большой военной силы. Битье кнутом, порка плетью, вырезание ноздрей, солдатчина и бессрочная ссылка в Сибирь «успокоили» движение.

Наибольшее количество восстаний приходилось на горнозаводский Урал. Здесь вооруженные столкновения восставших рабочих и приписных крестьян не прекращались. В 1760 году начались волнения крестьян, приписанных к Каслинскому и Кыштымскому заводам Никиты Демидова. Готовясь встретить правительственные войска, приписные заперлись в остроге, заготовили много ружей, камней «и прочих к супротивлению разных орудий», заперли ворота и заставили их рогатками. Осажденные выставили над башнями караул, приготовились на конях встретить неприятеля. В крепости производились военные смотры и учения. Власти

стянули к острогу тысячу с лишним казаков. Крестьяне собрались в трех пунктах; соседние деревни опустели. Казаки пошли на приступ. Крестьяне открыли стрельбу, у забора произошла жаркая схватка. Осажденные отражали нападение так энергично, что многие казаки были ранены и отступили. Осаждающие выстрелили, из пушки, в стене образовался пролом, но крестьяне не испугались и продолжали стрелять. Не помогли и бросаемые солдатами гранаты. Только введенный в действие отряд драгун, заставил осажденных сдаться. В 1761 году загорелся форменный бой между военным отрядом и несколькими сотнями вооруженных людей, приписанных к Воткинскому и Ижевскому заводам.

Подобные случаи не единичны. На Урал посылались настоящие карательные экспедиции, чтобы привести бунтовщиков, «в должное рабское послушание». В восставших приписных деревнях постоем располагались войска. Они вели себя, как в завоеванной стране. Нужно было кормить солдат, лошадей, ублажать подарками офицеров. Бесчинствам усмирителей не было предела. Особенного размаха заводские волнения достигли в 60-е годы. Волновалась вся масса крестьян, приписанных к уральским частным заводам. Некоторые волнения были чрезвычайно упорны. Так, приписных крестьян Авзяно-Петровского завода не удавалось усмирить в течение целых десяти лет: они отказывались выполнять заводские работы, посылали челобитчиков в Петербург, сопротивлялись воинским командам.

В 1767 году — новая волна протестов, челобитий, отказов от работы, побегов. Волновались приписные заводов графа Чернышева, канцлера Воронцова, Походашина. В Цыдвинском стане приписные к Петропавловскому заводу Походашина крестьяне при приближении солдат зазвонили в колокола, собрались толпой в триста человек «с огненным ружьем, копьями, дрекольем и сенометными вилами», напали на команду и ранили несколько человек. Набатный звон продолжался всю ночь. Крестьяне Цыдвинского стана ездили по всем районам, где квартировали войска, убеждали приписных не выходить на работу, грозили расправиться с усмирителями. С трудом, хитростью и силой, приписные были «успокоены».

Так жил и боролся горнозаводский Урал. Заводы воздвигались на костях их строителей — посессионных, приписных, работных людей. Заводы воздвигались и строились ценою безжалостной эксплуатации, ограбления народов Урала и Приуралья.

Но Уральский завод — это не только промышленное предприятие. Он нуждался в тысячах десятин топливного леса, пашен, сенокоса, угодий для

прокормления заводского населения. И заводчики силой отбирали леса и земли у башкир, татар и других собственников этих лесов, земель и пастбищ. Так, марийцы Кунгурского уезда жаловались на могущественного Демидова, приказчики которого захватили огромные лесные пространства, лишив маринцев звериных и птичьих промыслов. На захват лесов заводчиками жаловались служилые мурзы Казанского уезда. Граф Чернышев селил приписанных к Ашинскому заводу крестьян на землях татар Кунгурского уезда, заставлял их поставлять сено для заводских лошадей, безжалостно вырубал леса, захватывал татарские медные рудники.

Насильственный захват иногда маскировался формой покупки или аренды. Но маскировка была совсем прозрачной и никого не обманывала. Подпаивался, подкупался какой-нибудь башкирский старшина, он подписывал соответствующий акт продажи или сдачи угодья в аренду. Сидевшие на земле люди даже не знали о проделанной без их ведома операции. Они узнавали об этом, когда заводчик вырубал их леса, сгонял их с земель. Башкиры обращались в суд, но там пред'являлся оформленный по всем правилам акт, и истцы проигрывали дело. Авзяно-Петровский завод «заарендовал на вечные времена» 180 тысяч десятин за 20 рублей арендной платы в год. Белорецкий завод «купил» 400 тысяч десятин земли и 300 тысяч десятин лесу за несколько сот рублей. Заводчики навели ужас на население Урала и Приуралья. Недаром народы Урала, и башкиры в первую очередь, относились так враждебно к заводам, ко всему заводскому населению. Недаром уральские заводы строились, как настоящие крепости, — с башнями, бойницами, пушками, запасами пороха, огнестрельным оружием, с вооруженной стражей.

От заводчика не отставал помещик. Об'ектом колониального грабежа был не только Урал. Мордва и чуваша Пензенской и Саратовской провинций поручили своему депутату в Уложенную комиссию сказать о своем насильственном разорении с приходом русских помещиков, захватывающих их земли и их имущество. Им приходилось занимать деньги, отдавая залог жен и детей, которых они часто не могли выкупить. Обращались в суд с исками против помещиков-захватчиков — «и те судьи из наших жительство забирают много людей, человек по десяти и по двадцати и по тридцати и сажают нас в приказ и в тюрьму, и бьют немилостиво, и морят нас бедных месяца по два и по три и по году и приневоливав безвинно мириться».^{100}

Чуваши Кинярской волости, Чебоксарского уезда, писали в ту же комиссию: «Илья Яковлев сын Сергеев чинит нам великие разорения и

обиды. Во-первых похваляется нашей деревни Мурзановой все дворы сжечь». Затем Сергеев захватил чувашскую землю и мельницу, его дворовые люди скосили чувашские покосы. Чувашское население волости было полностью разорено. Жалобы на помещичьи захваты шли от ясашных крестьян Симбирского и Сызранского уездов, от татар Пензенского и Саранского уездов. Татары Казанского уезда писали — помещики «чинят неописанные и изнурительные разорения так бесчеловечно, что многие наши служилые мурзы и татары... принуждены уже дворишек своих лишиться и оставить жалованную землю и выйти в другие места». [101](#)

Рука об руку с заводчиком и помещиком шло правительство, с его хищными, неистощимыми на грабительские выдумки чиновниками. Жители татарских, башкирских, чувашских, марийских деревень должны были содержать военных и штатских служителей, предоставлять подводы и проводников. Все это бесплатно, «а если кто из нас за оные подводы и за с'естные припасы и конские корма будет требовать платы, то за то бьют немилостиво».

Темных и забитых людей таскали по судам, ни за что ни про что держали подолгу под караулом, отрывали для судебной волокиты от полевых работ, обременяли рекрутчиной и податями. Взятничество, парившее в российских судах, незнание русского языка, законов и судебных порядков делало коренное население совершенно беспомощным.

Рядом с помещиком шел православный поп. Иногда он даже прокладывал дорогу первому. Дело в том, что по закону запрещалась или чрезвычайно затруднялась покупка православным земли у «иноверца».

Приобщая не-русские народы к свету «веры христовой», поп открывал дорогу для «покупки», грабежа «иноверческих» земель. Крещеным давались податные льготы, зато некрещеные должны были платить подати не только за себя, но и за новокрещенных.

Миссионеры ездили по деревням, требовали денег, провизию, пушнину. Они требовали от «обращенных», не владевших русским языком, знания молитв наизусть; те не могли выполнить такого требования, тогда попы запугивали «их новокрещен, якобы за непонятие и особое упрямство взятием и содержанием в городе для оногo обучения под караулом». Впрочем от миссионерской тюремной педагогики можно было откупиться достаточной мздой. Перед поездкой по новокрещенным селениям проповедники намечали себе предварительно жертвы из состоятельных людей, заходили к ним в дома и, улучив минуту, перевертывали висевшие в передних углах иконы вниз головой, в постные дни клали тайком в пищу мясо, «а после зделая привязку, якобы они

новокрещены законопреступники», угрожали арестом. Дело кончалось взятками деньгами или натурой.

Правительство издало в 1740 году указ о подготовке из детей коренного населения попов и миссионеров. В Казани, в Цивильске, в Царевококшайске открыли соответствующие школы. Школьные смотрители снабжали детей гнилой мукой, протухлым мясом, вонючей рыбой. От такой недоброкачественной пищи ученики болели и часто умирали. И только взятка могла освободить от подобного обучения. Наряду с миссионерскими школами правительство открывало кое-где и светские школы. Тем и другим ставились откровенно обрусительные цели.

Те, кто не желали креститься и не имели средств, чтобы дать взятку, при известии о близком визите миссионеров разбегались в леса. Горькая участь ждала упорствующих. «Не чрез проповеди слова божия оных приводили в закон, но совершенным разорением, а именно: окна и двери рубили, печи и трубы ломали, били плетью без всякого милосердия и сему подобные дела делили, что с монашеским и священным чином нисколько не согласно». ^{102}

Только взятка могла избавить от издевательств и разорения.

Всепроникающая взятка! Без нее нельзя было хоронить покойника, жениться, крестить детей. Вымогали все: попы, монастырские служки, высшие и низшие духовные чины. Вымогали под любым предлогом, а то и без всякого предлога. Монастыри требовали, чтобы новокрещенные деревни снаряжали людей на монастырские работы. Люди побогаче откупались, люди победнее работали, их держали в монастырях под караулом и обобранных отпускали домой. Монастыри устанавливали регулярные натуральные и денежные сборы: подушную подать за монастырских служек платили «иноверцы», приобщенные к вере православной.

Судебные чиновники без взятки и шагу не делали. Брали за написание челобитной, заставляли ее многократно переписывать и каждый раз опять брали деньги, мариновали подолгу дела — «без денег не только сему бедному человеку помочь, но и говорить не хотят». ^{103} Кончалось дело тем, что челобитчики, «живучи долгое время в городе, проевши не только деньги, но и последнего платья лишившись, отступись от дела, в жительство свои возвращались». ^{104}

Колониальное хищничество угнетало бедных и богатых, но, конечно, далеко не в одинаковой степени. В своей колониальной политике царизм учитывал социальную дифференциацию в среде народов колоний, пытался

— и небезуспешно — опереться на национальные верхи, обрушивая всю тяжесть колониального гнета на бедноту. Общественное расслоение приуральских народов имело очень большое значение в ходе пугачевского восстания, определило некоторые особенности участия различных групп в борьбе.

Основным занятием башкир было скотоводство. Меньшее значение имели земледелие, охота, пчеловодство, рыболовство, разработка горных богатств Урала.

Среди башкир вполне определенно наметились различные социальные группы. Вершину общественной пирамиды занимала феодальная знать — тарханы. Они являлись полными распорядителями земельных угодий, которые формально являлись собственностью рода. Самодержавие поддерживало тарханов, утверждало и расширяло их привилегии и насаждало новых тарханов из среды богатых башкир и тех элементов, на кого можно было рассчитывать опереться при реализации колониальных планов. Тарханы освобождались от налоговых обложений, имели ряд служебных привилегий и льгот. Ниже тарханов стояли батыри. Они также принадлежали к феодальной верхушке, но не были свободны от налогов. Тарханы и батыри владели сотнями голов скота, вели значительную торговлю, имели большие капиталы, раздавали ссуды под ростовщические проценты.

Башкирские феодалы эксплуатировали крепостную и полукрепостную массу бобылей и тептярей, рекрутировавшихся либо из разорившихся башкир, либо из татар, чувашей, удмуртов, пришедших в Башкирию из заново закрепощаемых районов Поволжья и Прикамья. Бобыли и татары жили на чужой земле, платили владельцам ее оброк, несли ряд повинностей. Более свободными были мещеряки, платившие башкирам-вотчинникам определенные оброчные платежи за пользование землей.

Еще более развитые феодальные отношения наблюдались у татар. Татары-помещики владели большими площадями земель, эксплуатировали труд крепостных. Самодержавие поддерживало татарских феодалов еще больше, чем башкирских. Оно закрепляло за ними их исконные владения, жаловало им земли с сидящими на них людьми, возводило богатых землевладельцев в дворянское достоинство.

Углублению классовых противоречий содействовала довольно развитая среди народов колоний (в первую очередь среди татар) торговля. Центр российского владычества на Урале и в Зауралье — Оренбург имел важное посредническое значение в торговле России со Средней Азией. В Оренбург происходил оживленный товарооборот между русскими,

башкирскими, татарскими, среднеазиатскими и даже западно-европейскими купцами. Здесь был устроен меновой и гостиный двор с амбарами и лавками. Среднеазиатские купцы привозили драгоценные металлы, фрукты, бумажные и шелковые ткани; киргизы пригоняли в Оренбург скот, башкиры привозили различные меха, яицкие казаки доставляли рыбу, клей, икру, сайгаков; русские же купцы приезжали с хлебом, металлическими изделиями, сукнами, холстом, юфтью. Большим торговым центром была и Троицкая крепость, с ее меновым двором и таможней.

Очень видное место в торговле занимали татарские купцы. Они ездили по Казанской и Оренбургской губерниям, скупали ходкие предметы и сбывали их с большим барышом. Татарские купцы имели своих агентов — приказчиков, раз езжавших по обширному району. В Оренбурге, в Троицкой крепости, в Сеитовой слободе под Оренбургом татарские торговцы занимали лучшие лавки и успешно конкурировали с проезжими из центральных русских губернии купцами.

В степных низовьях Волги и Заволжья кочевали калмыки. Их строй был примитивнее башкирского и тем более татарского. Но и среди них существовало разделение на людей белой и черной кости калмыцкие князьки и знать — тайши и зайсанги владели большим количеством кибиток, распоряжались пастбищами, регулировали кочевья зависимых от них рядовых калмыков. Самые знатные калмыки бывали в Петербурге и Москве, представлялись высоким российским сановникам. Правительство наделяло калмыцкую знать и военно-политическими правами. Ставропольские калмыки должны были являться ежегодно на службу в Оренбург, под командой и наблюдением представителей знати — зайсангов.

Не было равенства и у киргизов. Аксакалы, баи и батыри распоряжались лучшими пастбищами, владели огромными стадами скота. От них зависели большие группы кочевников, они владели рабами. Киргизы нападали на купеческие караваны, уводили лошадей и верблюдов, забирали купеческое добро, наносили ущерб торговле России с Востоком.

Таков был пестрый конгломерат народов, обитавших в районах, которые вскоре охватит восстание Пугачева.

Помещик и заводчик, чиновник и поп шли на Волгу и на Урал, в Зауралье и Сибирь, опираясь на мощную поддержку правительства. Оно осуществляло здесь довольно сложную систему военно-колонизаторских мероприятий. Самодержавие топило в крови восстания народов колоний, устраивало крепости и форпосты, чтобы держать местное население в узде, натравливало один народ на другой, всячески играло на социальных противоречиях.

В 1741 году начальником Оренбургского края стал Неплюев. Только недавно были усмирены башкирские восстания, бушевавшие непрерывно

в течение шести лет. Тысячи башкир казнены и убиты в сражениях, тысячи сосланы на каторгу и розданы помещикам, сотни деревень сожжены. Неплюев оцепил всю Башкирию кольцом крепостей и редутов. Он основал главный пункт российской колонизации— Оренбург — почти к центру укрепленных линий, отделивших башкир от киргиз.

На запад от Оренбурга шла Самарская линия крепостей, на восток — Красногорская дистанция Верхнеяицкой линии и Уйская линия, на юг — Нижнеяицкая, на север — Самарская линия и Орская дистанция Верхнеяицкой линии. Самарская линия отделяла башкир от калмыков, кочевавших в степях между Яиком и Волгой. Нижнеяицкая линия начиналась недалеко от Оренбурга и простиралась до Каспийского моря. Самарская линия служила соединительным звеном между внутренними крепостями Башкирии и военными пунктами по рекам Яику и Самаре. Верхнеяицкая линия шла на восток от Оренбурга, от Орской крепости круто поворачивала на север и тянулась до Верхнеуральска. Уйская линия шла от Верхнеяицкой крепости до Звериноголовской крепости, за которой начиналась Сибирская линия. От Верхнеяицкой крепости шла и другая ветвь поселений по рекам Миасу, Исети. Важнейшей крепостью этой линии был Челябинск.

Сто четырнадцать укрепленных пунктов оберегали российские завоевания в Оренбургском крае. Большинство крепостей, редутов, форпостов основал, устроил и заселил Неплюев. Он пустил в ход и Другие меры устрашения и подавления. Неплюев запретил киргизам и калмыкам кочевать ближе двадцати верст от берегов Яика. Чтобы это запрещение не нарушалось, он велел выжигать осенью всю степь по левую сторону реки до самого Каспийского моря. Башкирские старшины были поставлены под надзор «русских добрых людей» и руководствовались инструкцией, нарушение которой каралось истязаниями. Ни один башкир не мог отлучиться из своего местожительства без паспорта.

Тептярей и бобылей Неплюев обложил в 1747 году податью. Они должны были выставлять людей на службу в Оренбург и на работы в крепости. Введение подати вызвало волнения. «Пущих заводчиков» нещадно наказали кнутом и сослали на вечную работу в Рогервик. Подавляя восстание, Неплюев очень ловко применил старую тактику «разделяй и властвуй». Оставшихся верными башкирских и мещерятских старшин он наградил саблями. Неплюев старался привлечь на свою сторону башкирских и тептярских старшин. За участие в подавление бунта он обещал им награды.

Ту же тактику Неплюев пустил в ход и при подавлении грозного

восстания Батырши Алеева. Поводом к восстанию послужил указ об обязательной казенной продаже соли. Башкиры лишались права свободной добычи соли, их заставляли покупать ее у казны по дорогой цене. Еще в 1754 году Батырша раз'езжал по Башкирии, готовя восстание. Он хотел поднять башкир, татар, киргиз и другие народы. Идеологически бунт оформлялся как протест магометан против порабощающей силы христианства. В своем воззвании Батырша описывал мрачное положение мусульман под русским владычеством, предлагал «россиянам никаких служб не чинить, городов, крепостей и заводов строить не допускать». [f105f](#)

«Старайтесь, старайтесь, старайтесь! — звал Батырша, — военных лошадей и оружие приготовляйте! Сабли, копья, луки, стрелы и всякие к тому принадлежности по возможности своей припасайте!.. Оных неверных россиян разорять начнемте, и их из земли своей изгоним и сгубимте».

Подготовка восстания стала известной русским властям благодаря старшине Яньшу, доставившему воззвание Батырши в уфимскую Провинциальную канцелярию. Батырша бежал и в мае 1755 года поднял восстание. Башкиры убивали русских чиновников и солдат, разоряли и жгли заводы.

Неплюев немедленно привел в боевую готовность значительные воинские силы. Одновременно он написал послание к киргизским старшинам, обещая за участие в подавлении мятежа имущество восставших и царские милости, грозя жесточайшими наказаниями киргизам, примкнувшим к башкирам. Неплюев писал также, что башкиры хотят поработить киргиз. Послание было подкреплено подарками. С особыми грамотами Неплюев обратился к башкирским тептярям и мещерякам. Он убеждал, что главная причина восстания — стремление башкир обратить мещеряков и тептярей в рабство, обещал подарки тем, кто будет бороться против повстанцев и особую премию за поимку Батырши. Киргизы выступили против башкир, отбирали у них жен, детей, скот, имущество, убивали воинов. Самого Батыршу поймал мещерятский старшина Сулейман Деваев.

Дорого стоило это восстание башкирам. Они потеряли, по неполным официальным сведениям, 16 634 человека убитыми, до 4 тысяч человек высланными в разные места, триста один человек поплатились отрезанными носами и ушами. Около семисот деревень было разрушено до основания. Земли были розданы помещикам, заводчикам, генералам.

Восстание было раздавлено. Но долго держать в узде башкир, татар, киргиз, калмыков, марийцев и вотяков не удалось. В 1773 году они поднялись уже вместе с русскими казаками, крестьянами, заводскими

людьми. Это было самое мощное антикрепостническое восстание.
Его возглавлял казак Емельян Пугачев

ВОССТАНИЕ ОРЕНБУРГ — ТАТИЩЕВА КРЕПОСТЬ

Разгорелось восстание. Пугачев стремительно двигался к Яицкому городку. С форпостов и зимовий в отряд вливались казаки с ружьями, копьями, безоружные.

Уже сейчас, в самом начале восстания, Пугачев проявил себя, как человек, лишенный черт бессмысленной жестокости: сержанта Николаева, захваченного с указами властей о поимке Пугачева, пощадили и, ценя его грамотность, определили под начальство Почиталина. Иначе поступили с казаком Скворкиным, посланным старшиной Мартемьяном Бородиным в пугачевский тыл со шпионскими заданиями. Пугачев презрительно сказал шпиону:

— Ты человек молодой и должно было тебе мне служить, а ты еще поехал против меня шпионичать, а тебе б, коли мне не хотел служить, так сидеть уже было дома, а проведать то пусть бы ехал кто постарее и посмышленее тебя.

Понуро плелся пойманный шпион в отряде. Казаки узнали Скворкина и просили Пугачева казнить его: «Отец его нам делал великие обиды, да и он, Даром што молод, но так же, как и отец, нас смертельно обижает».^[106] Пугачев приказал повесить шпиона.

В пяти верстах от Яицкого городка пугачевцы остановились. (Перед городком повстанцев ждала в полной готовности команда казаков и отряд пехоты с пушками. Желая избежать сражения, Пугачев слал казачьему командиру почиталинский манифест. Он рассчитывал, что слова манифеста, такие заманчивые, склонят казаков на его сторону. Но казачий командир передал манифест капитану Крылову (отцу баснописца), а тот положил его в карман. Враги понимали силу пугачевской агитации. Несколько казаков, в том числе Овчинников и Лысов, перешли к Пугачеву. Передался ему и окруженный повстанцами двухсотенный отряд под командой Витошнова. Среди перешедших на сторону повстанцев был умный, твердый и бывалый человек Максим Шигаев, посланный властями уговорить казаков выступить против «бунтовщиков» и ставший ближайшим помощником Пугачева. В отряде Витошнова было одиннадцать человек из партии

казацкой верхушки. Уступая просьбам своих сторонников, Пугачев распорядился повесить пленных на страх врагам.

В эти первые дни Пугачев избегал сражений: слишком мало у него людей. Но он был уверен в скором увеличении своих сил, благодаря притеку недовольных. В самом деле, в Яицком городке казаки открыто выражали сочувствие Пугачеву, поодиночке и группами пробирались в его стан, разросшийся до 500–700 человек. Но с этими силами еще невозможно итти на штурм Яицкого городка. Пугачев послал туда свой указ, чтобы казаки одумались и встретили «государя» как подобает.

Как бы в ответ раздались пушечные выстрелы.

— Что, други мои, вас терять напрасно, — обратился Пугачев к казакам, — видно они мне не рады так пойдём мимо, туда, где нас примут. [{107}](#)

Пошли вверх по Яику.

Пугачев с самого начала стремился превратить свой небольшой отряд в крепкую боевую единицу. На первом же привале он назначил командиров: Овчинников стал атаманом, Лысов — полковником, Витошнов — есаулом. Еще несколько человек получили соответствующие чины. Сержант Николаев написал присягу, Почиталин громко прочитал ее. Все единогласно закричали: «Готовы тебе, надежа государь, служить верою и правдою». [{108}](#)

Устроили военный совет и решили итти через яицкие форпосты. Пугачевцы правильно рассчитали, что гарнизоны форпостов сдадутся без сопротивления и увеличат их боевую мощь. К тому же форпосты, отлично противостоявшие набегам маленьких киргизских отрядов, вооруженных копьями и стрелами, не представляли серьезной военной угрозы пугачевцам, вооруженным огнестрельным оружием.

Читатель вспомнит, конечно, Белогорскую крепость из «Капитанской дочки» Пушкина, с окружавшим ее бревенчатым забором, со старой чугунной пушкой, в дуло которой ребята набросали тряпки, камешки, щепки и мусор всякого рода, с крытыми соломой избами, тесными и кривыми улочками. Форпосты были еще хуже. Это — сделанные из плетня шалаши, укрепленные земляным валом или бревенчатыми стенками. На форпосте — пушка, наблюдательная вышка и десятка два казаков.

Пугачев без боя взял Гниловский, Генварцовский, Кирсановский и Иртекский форпосты. Гарнизоны переходили на его сторону, сдавали пушки и боевые заряды. Серьезного боя можно было ждать у Илецкого городка, где имелся многолюдный гарнизон и несколько пушек. Волнующий слух о мятеже уже дошел до илецких казаков. Начались

разговоры о достойной встрече «императора».

Уверенный в неотразимом действии повстанческой агитации, Пугачев послал в Илецкую станицу свой манифест. Он призывал казаков сдаться и обещал наградить сдавшихся по заслугам. «И чево вы пожелаете, во всех выгодах и жалованиях отказано вам не будет, и слава ваша не истечет до веку. А жалованья, провианта, пороху и свинцу всегда достаточно от меня давано будет»...^{109} «Изменникам» манифест угрожал жестокими муками.

Двадцать первого сентября 1773 года казаки, с попами, иконами и крестами впереди, под звон колоколов вышли встречать Пугачева с хлебом-солью. Гремели приветственные пушечные и ружейные выстрелы. Торжественно выступал Пугачев. Он говорил, что мечтает добраться до Петербурга, заключить императрицу в монастырь, отобрать у дворян села и деревни — пусть живут на жалованье, — беспощадно перевешать врагов. Он говорил с такой убежденностью, что даже прослезился, когда вспомнил о предстоящей в столице встрече с наследником Павлом. Два дня прожил Пугачев в Илецкой станице в богатом доме Ивана Творогова. Творогов очень хорошо принял «царя» и получил за это чин полковника.

Первые победы давались легко, но впереди предстояли тяжелые бои. Опытный воин, Пугачев заботился о военном снаряжении. Он распорядился забрать порох, свинец, снаряды, пушки с тут же приделанными к ним лафетами. Командиром артиллерии назначил яицкого казака Федора Чумакова. Увеличилась и живая сила пугачевцев: под знамена восстания стали триста илецких казаков.

Двинулись к Рассыпной крепости. Как обычно опережая бойцов, в Рассыпную прискакал гонец с манифестом. Манифест приглашал солдат и казаков примкнуть к восстанию «с истинною верноподданническою радостью и детскостью», обещал пожаловать «вечную вольностью, реками, морями, всеми выгодами» жалованьем, провиантом, порохом, свинцом, чинами и честью, а вольность на веки получать».

Комендант крепости принял меры, чтобы манифест Пугачева не дошел до гарнизона. Повстанцы разбили ворота и ворвались в крепость. Комендант с офицерами и несколькими солдатами заперся у себя в доме и выстрелами из окон убил двух пугачевцев. Казаки хотели поджечь дом, но Пугачев запретил: он боялся, что выгорит вся крепость и пострадают люди, которых он мог привлечь на свою сторону. Пугачев приказал «оного коменданта достать так». Как это далеко от «бессмысленного» бунта! Коменданта и двух офицеров захватили и повесили.

И в беспощадности своей бунт был осмысленным. «Грабительства безвинных людей он не любил, а потому многих, в том примечавшихся,

вешал без пощады» — свидетельствовал близко знавший Пугачева Иван Почиталин.^{110}

Забрав с собою солдат, пушки, порох, снаряды, Пугачев на следующий день двинулся к Нижне-Озерной крепости. 25 сентября взял ее, встретив сопротивление лишь от коменданта крепости и офицеров; казаки перебежали к восставшим, солдаты были парализованы страхом.

Так брал Пугачев крепость за крепостью, форпост за форпостом. Его победу обеспечило не столько военное превосходство, сколько сочувствие казаков и солдат, ясно разбиравшихся, где друзья и где враги.

Легкая победа не вскружила голову Пугачеву, он понимал, что самое трудное впереди и готовился к этому: увеличил численность своих войск за счет взятых гарнизонов, разбил свой отряд на боевые единицы, заботился об артиллерии и военных припасах.

Оренбургский губернатор Рейнсдорп долго не знал о восстании, а узнав, не придавал ему серьезного значения. Казацкие возмущения — такая обычная, вещь! Уверенный, что он легко справится с бунтом Рейнсдорп отклонил предложение Нур-Алихана о помощи и направил против Пугачева незначительный отряд с напутствием командиру разбить «злодейскую толпу» и обещанием не очень высокой премии в 500 рублей за живого и 250 рублей за мертвого Пугачева. Отряд состоял из русских, башкир, калмыков и татар. Командир отряда барон Билов боялся встречи с врагом в степи и решил пойти в Татищеву крепость, где и ждать пугачевцев.

Татищеву крепость считалась важнейшим опорным пунктом Яицкой линии, в ней были значительные военные припасы и большой гарнизон. Как только Пугачев приблизился к крепости, калмыки из правительственного отряда перебежали на его сторону. Высланная из Татищевой команда частью сложила оружие, частью была перебита, а сотник Падуров вместе со своими казаками при первых же выстрелах перешел к восставшим. Но взять крепость лобовой атакой не удалось. Тут Пугачев обнаружил свою обычную сообразительность и умение использовать различные обстоятельства. У крепостной стены, стояли стога сена. Ветер дул в сторону Татищевой. Пугачев приказал зажечь сено. Огонь охватил ближайшие строения, а за ними — бревенчатую крепостную ограду и жилые дома. Солдаты бросились тушить пожар, пугачевцы ворвались в крепость и захватили ее. Пленные солдаты поклялись служить Пугачеву. Помимо людей, победителю достались деньги» продовольствие, большой склад амуниции и несколько хороших пушек.

Капитан-поручик Маврин очень удачно об'яснил причину, по которой

Пугачеву «брать... их [крепости] столь легко можно было, как грибы». «А хотя, — говорит Маврин, — в них, в каждом [городке] и были воинские команды, но только одно название, а душа, коя должна быть в том звании, давно на небесах, следственно не близко, а вселить оную надобно». Дело в том, «что все командиры в оных местах имеют свои хутора и живут помещиками, а они [казаки и солдаты] — их данники. Крепости же одно только название имеют, а чем были ограждены, давно сгнило и в развалинах».^{111}

Маврин прав. Однако он не учитывает того важного обстоятельства, что правительственные командиры действовали в первые месяцы восстания бездарно и трусливо, тогда как стоявший во главе бунта простой казак показал себя опытным военачальником, стремительным и энергичным, знающим слабые стороны противника, отлично распознающим друзей в стане врагов, умеющим привлечь первых и беспощадно расправиться с последними.

Из Татищевой крепости можно было идти либо на Казань, а оттуда к центрам империи, либо через Чернореченскую крепость на Оренбург. Власти больше всего боялись первого. Рейнсдорп с ужасом думал, что Пугачев пойдет в Казанскую губернию «помещичьими жительствовами, преклоняя на свою сторону крестьян и обольщая их дачею вольности». Поход на Казань в глубь России означал бы удар в самое сердце дворянской монархии. Движение на Оренбург, в лучшем случае, означало бы только удар по важному, но все же окраинному пункту.

Выбор пал на Оренбург. В этом, как и в дальнейших событиях под Оренбургом, сказалась ограниченность пугачевского движения, характерная для всех крестьянских движений крепостной эпохи. Оренбург — центр дворянского господства на востоке казался казакам основным источником зла. Из Оренбурга приезжали чиновники-лиходеи, шли указы, покушавшиеся на казацкие вольности. Оренбург давил и душил коренное население. Правда, за Оренбургом стоит еще Петербург, но столица так далеко, что существование ее представлялось довольно смутно. Главное — взять Оренбург, остальное приложится.

Пугачеву казалось, что взятие Оренбурга означает решительную победу. «Я Оренбург скоро возьму и так до Питера дойду беспрепятственно».^{112} «Погодите, детушки, трохи — уговаривал он малодушных, — вот как Оренбург сдастся! Он уже теперь на последней веточке трясется. А как Оренбург возьму, то всех вас распущу».^{113}

Позднее, когда осада Оренбурга затянулась, Пугачев хотел уйти из-под

города с верными яицкими казаками на Яик. Но башкиры не пустили. Они еще больше, чем казаки, видели в Оренбурге источник всех зол. Башкиры напомнили Пугачеву его обещание, взяв Оренбург, «сделать, чтоб губернии не быть и чтоб мы были оной неподвластны»^{114} и категорически заявили, что никуда его не пустят, пока он не исполнит своего обещания. Такого же мнения были и киргизы: «Только бы нам Оренбург взять, а прочие места все противу нас стоять не могут и все нам подрушны».^{115}

К тому же Пугачеву казалось, что если не удастся захватить Оренбург, можно будет отступить и осуществить первоначальный план побега в Турцию или Иран.

После Татищевой была взята Чернореченская крепость. Здесь Пугачева ждал тот же дружеский прием казаков с хлебом-солью. В Чернореченской Пугачев приказал повесить капитана Нечаева за жестокое обращение с дворовой девушкой. Ее не только избавили от мучителя, но определили в стряпухи к Пугачеву.

От Чернореченской до Оренбурга оставалось двадцать восемь верст. Но Пугачев не торопился. Для захвата такой грозной крепости было еще мало сил. Пугачев энергично увеличивает свою армию. Он повернул влево от Оренбурга и степью пошел к татарской Сертовской слободе. По дороге громили хутора, в том числе хутор оренбургского губернатора Рейнсдорпа. Не пощадили и церковь: образа, писанные на холсте, приспособили в качестве потников под седла, в уста распятого Христа вколотили гвоздь.

В Свитовской слободе Пугачева ждала пышная встреча. На площади был разостлан ковер и поставлено парадное кресло. Двое татар подхватили избавителя под руки и помогли ему сойти с лошади. Толпа восторженно пала на колени перед Пугачевым. Люди целовали ему руки. Овчинников и другие казаки, а также татары посоветовали Пугачеву обратиться к башкирам с манифестом.

Первого октября свитовский татарин ускакал в Башкирию с написанным по-татарски манифестом. Сколько в этом манифесте такта и знания жизни тех, к кому он обращен! Императорский титул весьма многословен и пышен. Весь стиль, торжественный и витиеватый, учитывает вкус слушателей и читателей мусульман. За верную службу «Петру Федоровичу» манифест обещал: «Отныне я вас жалую землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и морями, хлебом, верою и законам вашим, посевом, теплом, пропитанием, рубашками, жалованием, свинцом, порохом и провиантом, словом всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу. И будьте подобными степным

зверям!»^{116}

Последняя фраза особенно привлекательна для степных скотоводов и охотников. Но пугачевцы учитывали, что настроения башкирских верхов еще не определились, что они, может быть, не склонны к решительному выступлению против императрицы. Поэтому манифест рассыпается в похвалах Екатерине II и призывает служить и ей. Важно так или иначе вовлечь башкирских старшин в борьбу, не отпугнуть их с самого начала чересчур решительным воззванием.

Второго октября Пугачев направился к Самарскому городку. Максим Шигаев с отрядом в тридцать казаков поехал вперед. Он собрал народ у станичной избы, познакомил собравшихся с заранее подготовленным указом о верности «императору». Толпа отправилась за околицу встречать Пугачева. Впереди шел поп с крестом, дьячок с образом старики с хлебом-солью. Разостлали кошму, поставили на ней стол, стул. Показался Пугачев. Все сняли шапки, пали на землю. Станица встретила казака звоном церковных колоколов, молебном.

Дни протекали не только в торжественных встречах, молебнах, речах, казнях ненавистных комендантов, офицеров. Забота об увеличении и укреплении своей армии не оставляла Пугачева. Он слал коренному населению манифест за манифестом. Указы писались по-арабски, ирански, турецки, татарски. Иногда они представляли собой смесь из нескольких наречий. На местах манифест переводили на родной язык, снимали с него копии, распространяли по селениям, кочевьям. Пугачев посылал «как гостинец» поздравления «башкирской области старшинам, деревенским старикам и всем малым и большим». Он звал: «Заблудшие, изнурительные, в печали находящиеся, по мне скучившиеся, услыша мое имя ко мне итти... без всякого сумнения идите. Всех вас пребывающих на свете освобождаю и даю волю детям вашим и внучатам вечно».^{117}

Пугачев обращался к башкирам, калмыкам, ко всем магометанам. Он звал к себе старшин, но предварительно предлагал им, чтобы «содержащихся в тюрьмах и у протчих хозяев имеющихся в невольности людей всех без остатку на нынешних месяцах и днях выпускали».^{118}

Пугачевские манифесты действовали неотразимо. Калмыки покидали форпосты. Пятьсот башкир, снаряженных против Пугачева, перешли на его сторону; триста татар, посланных на повстанцев, не захотели принять боя и вернулись обратно. В Оренбурге боялись, чтобы к восстанию не примкнули находившиеся в городе польские конфедераты. Их разоружили и отправили в далекие, безопасные места, где держали под строгим надзором.

В Оренбурге приняли меры: уничтожили мосты через Сакмару, мобилизовали и вооружили все разночинное население, привели в исправность артиллерию, очистили крепостной ров, устроили в разных местах рогатки, распределили пункты обороны между частями гарнизона. Увидя, что собственными силами с восстанием не справиться, Рейнсдорп с большим опозданием сообщил о мятеже симбирскому, казанскому и астраханскому губернаторам В Оренбург уже пробрались агенты Пугачева. Они сеяли тревогу, уговаривали примкнуть к «императору».

Слухи проникли к сидевшему в Оренбургу тюрьме колоднику Афанасию Тимофеевичу Соколову-Хлопуше. Страшную жизнь прожил Хлопуша. Крепостной крестьянин тверского архиерея, затем московский извозчик, примкнувший к одной из многочисленных в городе воровских шаек, он был пойман и шесть раз прогнан через тысячный строй шпицрутенов. Хлопуша бежал. Его поймали, высекли кнутом, сослали в Оренбург. Он поселился в Бердской слободе, женился, зажил своим домком, батрачил у соседнего помещика, работал на медном заводе Шувалова... Снова арест за участие в ограблении торговцев-татар. Снова побег, и опять арест. Хлопушу высекли, вырвали ноздри, выжгли знаки на лице и отослали в Омскую крепость на каторгу. Хлопуша бежал. Его поймали, били кнутом, заковали в кандалы и бросили в Оренбургскую тюрьму.

Тут счастье неожиданно улыбнулось клейменому, поротому и битому колоднику с вырванными ноздрями. Рейнсдорп решил использовать Хлопушу для разложения восставших казаков. Если даровать каторжнику свободу, думал губернатор, то он выполнит поручение. Хлопуша смел, отважен — он доказал это многочисленными побегами, на него, казалось, можно положиться. Рейнсдорп вызвал Хлопушу, снабдил его увещательными письмами к казакам-пугачевцам, поручил агитировать против Пугачева и, если удастся, захватить его самого привезти в Оренбург.

Хлопуша не возражал. Он взял пакеты с письмами, проник к Пугачеву, отдал ему эти документы и выразил желание примкнуть к восставшим, рассказав о данном ему поручении. Призрачной свободе в стане врагов неугомонный Хлопуша предпочел борьбу за волю в армию братьев по нужде и лишениям.

Пугачев посмотрел на необычайного пришельца, прищурил глаз, и с горестной усмешкой сказал:

— Только знать у губернатора-та и дела, что людей бить и ноздри рвать. [{119}](#)

Шигаев, сидевший с Хлопушей в Оренбургской тюрьме, удостоверил,

что «это — самый бедный человек и положиться на него можно». Но Овчинников советовал не доверять: «Он плут, уйдет и што здесь увидит, тамо скажет, и притом наших людей станет подговаривать».

Пугачев стремился привлечь на свою сторону всех обездоленных. Он резонно возразил Овчинникову:

— Пусть его бежит и скажет. В этом худова нет, а одним человеком армия пуста не будет. [{120}](#)

Пугачев дал Хлопуше денег, обещал в дальнейшем снабжать его деньгами и хлебом. Вождь восстания хотел показать всем обиженным, что у него они найдут защиту и помощь.

Хлопушу оставили. Скоро он сделался одним из крупнейших руководителей восстания, выдающимся организатором и командиром. Человек, обреченный крепостническим обществом на нужду, побег, сидение в тюрьме, на каторгу, перенесший мучительнейшие наказания, потерявший, казалось, облик человеческий, зажил новой, кипучей, отважной жизнью среди тех, кто объявил войну крепостному строю.

Пугачев — в трех верстах от Оренбурга. Под его командованием около двух с половиной тысяч человек. Он растянул отряд в одну шеренгу, чтобы показать свои силы более значительными, чем они были в действительности. Он посылал в город указы, где, обещая жалование и чины и угрожая непокорным, предлагал: «Оставляя принужденное послушание к неверным командирам вашим, который вас развращают и лишают вместе с собою великой милости моей, придите ко мне с послушанием и, положа оружие свое пред знаменами моими, явите свою верноподданническую мне, великому государю, верность». [{121}](#)

Воззвания делали свое дело: в отдельных частях гарнизона замечалось «роптание, изъявляющее великую робость и страх». Были случаи ухода солдат, казаков и татар к осаждавшим. С таким ненадежным гарнизоном Рейнсдорп не мог решительно действовать против Пугачева и ждал подкреплений. Вот почему в первые недели осады происходили лишь мелкие, хотя и очень частые, стычки с переменным успехом.

С другой стороны, и Пугачев продолжал принимать меры к увеличению своей армии. Он посылал воззвания по крепостям и форпостам, по башкирским селениям-тюбам и калмыцким стоянкам, везде называя себя «больших и меньших в одном классе почитатель, скудных и богатейших государь и милостивый царь». [{122}](#)

Казаки, калмыки и башкиры убегали из правительственных частей, уходили к Пугачеву. Киргизы собирались небольшими группами, нападали

на форпосты, грабили, угоняли скот... Сотни марийцев, калмыков пришли под Оренбург и примкнули к осаждающей армии.

«Пугачевский суд»

С картины художника В. Перова

«Киргизы» времен пугачевщины

«Путешествие Палласа»

Башкир Кинзя Лрасланов писал письма на родном языке, что «от земли потерянной царь и великой государь Петр Федорович» с сыном Павлом Петровичем и семью тысячами донских казаков «уже к нам приближается». ^{123} В другом письме Кинзя выступил уже как пугачевский полковник, уговаривал примкнуть к Пугачеву, оказывающему своим сторонникам всяческие милости. Он привел под Оренбург пятьсот человек. Пугачев дал им по рублю. Сын Кинзи — Сюлавчин раз'езжал по ногайской дороге с пугачевскими письмами, призывавшими к восстанию.

Любимец Пугачева и второй в армии после него человек — Максим Шигаев отправился вверх по Яику собирать казаков. Он привел с собою сто человек. Дмитрий Лысов поехал к калмыкам. Армия росла, но артиллерии не хватало. Пугачев отправил Хлопушу на Авзяно-Петровский завод с приказом организовать там литье мортир. Хлопуша блестяще справился с ответственным поручением. Он прибыл на завод с указом, звавшим на службу к «Петру Федоровичу». Указ предлагал предоставить две мортиры с

бомбами. Заводские люди выслушали указ и закричали «рады ему государю послужить». Пятьсот человек последовали за Хлопушек вместе со скованными приказчиками, которых потом повесили.

Хлопуша захватил с собой шесть пушек, шесть пудов специально для него вылитых ядер, несколько пудов серебряной посуды, несколько сот баранов и лошадей, семь тысяч рублей денег, из которых две тысячи тут же раздал приписным.

Оставшиеся на заводе крестьяне составили мирской приговор, написанный по всем правилам и отпускавший их по домам. Их отсталая крестьянская мысль пыталась облечь свой уход на землю в «законные» формы. В приговоре говорилось, что на завод они присланы по указу императрицы Елизаветы Петровны, но теперь получен «указ его императорского величества Петра Третьего императора и тем, что *несомовольно*, в силу оных указов ехать с заводов повелено. Притом мы все, приписные крестьяне, оному повинились: ехать в свои отечества согласны». ^{124} Мы ушли с заводов, таков был смысл приговора, не по доброй воле, а повинуюсь царскому предписанию.

Отряд пугачевцев явился на Воскресенский завод Твердышева; часть заводских крестьян ушла с отрядом, часть осталась.

Пугачевцы нападали и на другие твердышевские заводы и медные рудники, забирали деньги, продовольствие, одежду, обувь, скот, пупки, порох, ружья и уходили вместе с мастеровыми и работными людьми. Башкиры сожгли Покровский медный завод.

Заводский крестьянин Матвеев появился у конторы Белорецкого завода и огласил народу пугачевский указ о воле, где предлагалось снарядить два мортира и с бомбами» и доставить их под Оренбург. На Новоникольском заводе Мосолова также получился указ, предлагавший доставить в армию Пугачева пушки и ядра, свинец и порох.

Очаги восстания запылали на большом пространстве. Группы повстанцев по собственной инициативе занимали новые крепости, редуты, форпосты. Пугачевские эмиссары сеяли во всех местах дух восстания.

В конце сентября в Новосергиевскую крепость, в верстах от Оренбурга, приехал казак Василий Новоженин. Он махал шапкой, кричал, «чтоб люди радовались и веселились», говорил, что идет от паря Петра Федоровича, раз'езды которого уже близко.

Семнадцатого октября ночью в село Ляховку за 250 верст от Оренбурга пришла толпа казаков, калмыков, чувашей. Вломились на помещичий двор, разграбили имущество, угнали скот. Ляховские крестьяне не оказали никакого сопротивления.

Из Ляховки пугачевцы раз'ехали по окрестным вотчинам, призывали крестьян к бунту против помещиков, говорили, что нынешние церкви будут сломаны и построены новые, раскольничьи, семиглавые, что тот, кто убьет помещика и разгромит его усадьбу, получит сто рублей жалованья, а кто разорит десять дворянских домов, получит тысячу рублей и генеральский чин.

В деревню Михайловку помещика Карамзина (отца историографа) приехала в конце октября группа яицких казаков. Их хорунжий заявил, что его прислал государь Петр Федорович «разорять помещичьи дома и давать крестьянам свободу».

— Смотрите-та, мужики, — строго наказывал хорунжий, — отнюдь на помещика не работайте и никаких податей ему не платите, если мы застанем вас на помещичьей работе, так всех переколем. [f125f](#)

Михайловцы послали крестьянина Травкина к Пугачеву удостовериться в справедливости волнующих казачьих речей. Пугачев спросил Травкина, зачем он приехал. Оробевший мужик ответил что явился «по приказанию вашей команды».

Пугачев применил к Травкину тот же метод воздействия, какой применил к Хлопуше, какой он обычно применял к людям из народа. Он действовал на чих не насилем, а манящим призывом к свободе. Пугачев сказал Травкину: «У меня нет никого невольников», снабдил крестьянского делегата указом о свободе от помещичьих податей и работ и отпустил его домой. Потрясенный Травкин собрал михайловских и окрестных крестьян в село Маховку слушать пугачевский манифест.

Не менее характерная история происходила в деревне Пополутовой, Оренбургского уезда. Сюда явились казаки, сняли крестьян с помещичьей работы, об'явили пугачевский манифест об освобождении господ и податей и запретили им под угрозой смертной казни оказывать господам повиновение.

Приказав крестьянам не отпускать помещицу, казаки уехали. Через несколько дней казаки явились снова. Вместе с крестьянами они высекли помещицу и хотели было уже уехать, когда крестьяне начали просить разрешения убить барыню, «сказывая, что она до них немилостива и зла». Помещицу казнили. Три ни в чем неповинные малолетние дочери ее были, «не делая им никаких побои», отданы крестьянам на воспитание, с тем, чтобы «по возрасту выдать их за крестьянина же». Помещичье имущество мужики поделили; сверх того казаки дали по пяти баранов и по теленку на тягло. Это был справедливый суд и справедливое распределение набитого крепостником имущества. Восстание уже в самом начале приносило

крестьянам ощутимую пользу.

Крестьяне все чаще отказывались поставлять рекрут, давать людей екатерининским командирам, идущим на Пугачева, отказывались платить подати. Крестьяне Утяцкой слободы, Ялutorовского уезда, сделали вид, что согласились по приказу симбирского губернатора снарядить больше двухсот человек против Пугачева. Но, получив оружие и влившись в небольшую правительственную воинскую команду, мобилизованные, раньше стоворившись о плане действия, набросились на солдат, разбили их, присоединили к себе татар, мещеряков, башкир, русских крестьян и заявили себя приверженцами Пугачева. Крестьяне Марийской слободы, того же уезда, расставили по дорогам караулы, чтобы не пропускать воинских команд.

Началось повальное бегство близких и дальних оренбургских помещиков в более безопасные места.

Движение росло и ширилось, но Оренбург не сдавался. Выпал снег, и начались морозы.

Пугачев жил в калмыцкой кибитке, его войска валялись в голой степи, укрываясь от пронзительных ветров в кустах.

Восемнадцатого октября Пугачев перешел от Ямка к реке Сакмаре и обосновался в пяти верстах от Оренбурга в Бердянской слободе. На время оренбургской осады Берда стала центром восстания. Бойцы разместились по станичным избам, по землянкам. Около слободы вырыли множество ям: в них прятались, когда защитники Оренбурга начинали стрельбу.

Пугачев поселился в одном из лучших домов станицы. На стене висел портрет наследника Павла; у портрета Пугачев разыгрывал сцены «отцовской любви» с единственной целью убедить растроганных зрителей в том, что перед ними подлинный царь.

Слезы в три ручья лились по лицу «отца», оторванного недругами от «сына», — Пугачев любил поплакать. Он глядел на портрет, любовался им и скорбел:

— Вот я оставил ево малинькова, а ныне вырос большой — уже без двух лет двадцати, авось господь, цар небесный, свет велит мне и видитца с ним.

У дверей пугачевского жилища стоял караул вернейших яицких казаков, составлявших своего рода личную гвардию. В пестрой массе, осаждавших Оренбург, яицкие казаки вообще занимали привилегированное положение. За стол с Пугачевым садились ближайшие его сподвижники — Овчинников, Лысов, Шигаев и другие командиры, в значительной части рекрутировавшиеся тоже из яицких казаков. Нередко веселились, пили;

казаки пели песню специально сочиненную в честь Пугачева, писарь Васильев «игрывал на скрипице». Впрочем «самозванец от излишнего питья воздерживался и употреблял редко». {126}

За столом шли оживленные беседы. Обсуждали дальнейшие планы. Думали о том, как взять Оренбург, куда пойти после Оренбурга. Пугачев говорил, что пойдет на Казань, на Москву, Петербург. «А дальше что?» — допытывались друзья.

Пугачев представлял себе будущее таким образом. Если императрица встретит его «без брани, с честью», то он простит ее и отпустит; если же нет, «то уже я знаю, что тогда сделать», — многозначительно прибавлял Пугачев. Расправившись с царицей, он вернет народ к раскольничьей вере, а самое главное расправится с «боярами». «Многие из бояр-та» молодые люди середовичи, бывало еще при тетушке Елизавете Петровне, да потом и при мне, годныя бы еще служить, взявши себе чин, пойдет в отставку да и живиот себе в деревне с крестьянами, разоряет их, бедных, совсем, и они себе почти завладели всем царством; так я стал, таковых принуждать в службу и хотел отнять у них деревни, чтобы они служили на одном жалованье. А судей-та, которые дела судят неправдою и притесняют народ, наказывая и смерти хотел передавать». Тогда, добавлял Пугачев, бояре свергли царя, народного радетеля.

Затем Пугачев вступал в область воспоминаний уже правдивых.

— Где, да где уж я не был, и какой нужды не потерпел! Был холоден и голоден, в тюрьмах сколько сидел, уж только одному богу вестимо!

Искренние слезы текли по лицу сурового казака.

— Да что мне уже об етом говорить много? Вам самим ето вестимо, помните, как вы меня обрели, — рубашка на мне гроша не стоила. {127}

Из Берды Пугачев часто ездил в соседнюю татарскую Сеитовскую слободу, где гостил у приятелей-татар. Одного из них — Мусу Улеева произвел в атаманы, другого — Абдрешита — в сотники.

В досужие, тихие дни в армии Пугачева устраивались скачки, стреляли в цель или смотрели на пляску двух медведей, подаренных заводскими крестьянами. Пугачев демонстрировал искусную стрельбу, пробивал набитую сеном кольчугу, или на всем скаку попадал в шапку.

За слободой у Сакмары стояла застава из двухсот человек. Казачьи раз'езды оберегали безопасность других пунктов. По ночам раз'езжали дозоры. Они перекликались словом «казаки». Не было ни пароля, ни лозунга, и вражеские лазутчики легко могли проникнуть в Берду. Пугачев знал это и, опасаясь покушений на свою жизнь, часто менял кафтаны,

чтобы его не узнал какой-нибудь подосланный убийца. На случай возможного бегства он держал также хороших скакунов.

Осаждающая Оренбург армия имела известную, довольно, впрочем, далекую от твердого порядка, боевую организацию.

Войско делилось на полки. Полковыми командира, ми были близкие Пугачеву люди: Овчинников, Творогов, Падуров, Хлопуша, Мусса Алиев, Кинзя Арсланов. Полки делились на сотни, с есаулами и хорунжими во главе. Казачий круг утверждал или отвергал кандидатов на те или иные должности. Вооружение было самое пестрое и плохое. Казаки дрались копьями, пистолетами, шпагами, ружей нехватало. Пехота имела штыки, воткнутые на палки. Солдаты пускали в ход дубины, а то и плети. Оружием башкир были луки и стрелы. Выстрелы из орудий сообщали утреннюю и вечернюю зори. Случалось, что сам Пугачев бегал под окнами казаков и вызывал в поход. Каждый полк имел знамя из желтого или красного шелка, с нашитыми на них раскольничьими крестами или изображением Христа, Николая чудотворца. Недавно еще маленький отряд верных Пугачеву людей разросся в большую армию.

Под Оренбургом стояло около 15 тысяч человек. Точной цифры восставшей армии никто не знал. Даже полковые командиры не знали, сколько подчинено им людей. Один человек не мог справиться с такой армией. Для управления завоеванным краем и для разрешения многочисленных, повседневно возникающих военных и административных вопросов Пугачев, копируя царский аппарат, учредил «военную коллегия».

Витошнов, Творогов, Шигаев, Скобычкин стали судьями «военной коллегии», Почиталин — дьяком. Горшков — секретарем. Шигаев играл в коллегии центральную роль: он распоряжался деньгами продовольствием, он был первым советчиком Пугачева. Большое значение имел и Творогов, подписывавший издаваемые коллегией указы.

Когда назначенные им судьи «военной коллегии» стали отказываться от нового звания, Пугачев приказал им не возражать.

«Военная коллегия» занималась хозяйственными и военными делами, формировала отряды, снабжала боевыми припасами и продовольствием, доносила Пугачеву о различных происшествиях, разбирала жалобы на действия пугачевцев, судила.

Из коллегии шли инструкции и приказы командирам. Особенно заботилась коллегия о том, чтобы повстанческие «поверенные» не чинили крестьянам никаких обид. Она боролась против насилий башкирских и мещерятских феодалов над русскими крестьянами, следила за сохранностью отобранного у помещика и казны добра, распоряжалась об

описи экспроприированного имущества, о выборе новых властей в восставших деревнях, «да и того наблюсти, чтоб те старшины всяк своя чести достоин был, как в расправах, так и в поступках военных... также и в защищении верноподданных рабов».^{128} Крестьян, лишенных сильными людьми собственности, коллегия восстанавливала в правах.

Разумеется, «военная коллегия» Пугачева не могла подчинить своему организующему влиянию разбушевавшуюся стихию крестьянского восстания; но показательны попытки внести порядок в пеструю, разрозненную, недисциплинированную повстанческую массу.

Пугачев зорко, хотя и не очень успешно, следил за дисциплиной. Он сурово преследовал дезертирство. Смертная казнь ждала каждого подозреваемого в намерении дезертировать.

Пугачев однажды грозился повесить Чику-Зарубина за отказ «выполнить боевое поручение» и повесил любимого своего «полковника» Дмитрия Лысова, избивавшего казаков, грабившего и топившего крестьян. Вдобавок Лысов проговорился, что знает истину о происхождении «императора». Одного солдата повесили за высказанное им сомнение в возможности взять Оренбург.

Максим Шигаев свидетельствовал, что Пугачев «над всеми без различия вел большую строгость не допускал возражений и строго следил и контролировал выполнение своих приказов. «Всякой дрожал и остерегался у Пугачева».^{129}

Берда обладала большой притягательной силой. Сюда стекались новые отряды. Пришел марийский старшина Мендей с отрядом в 500 человек. Башкирский старшина Альвей привел 600 человек, старшина ставропольских калмыков Дербетев привел 300 бойцов. Конфисковали большую партию скота, которую киргизы гнали в Оренбург. Своих сторонников Пугачев не грабил, он предложил за скот деньги, но киргизы отказались и попросили товаров. Пугачев сказал, что с товарами придется подождать. Погонщики согласились и остались в армии восстания.

Пугачев устраивался в Берде надолго. Он надеялся, что голод заставит крепость сдаться, и приступил к правильной осаде Оренбурга. «Не стану тратить людей, — рассуждал Пугачев, — а выморю город мором».

Осаждавшие не прекращали стычек с гарнизоном. По ночам тайно подвозили орудия, которые открывали по утрам огонь. Особенно сильным был штурм 2 ноября. В этот день утром устроенные под городом батареи начали по приказу Пугачева жестокую пальбу. Обстрел Оренбурга продолжался весь день. Палили пушки, казаки стреляли из ружей, башкиры

метали стрелы. Сам Пугачев во главе отряда спешившихся казаков пошел на приступ. Только картечь, которую густо извергала крепостная артиллерия, заставила его отступить.

Отвага, прекрасное знание различных сторон военного дела делали Пугачева отличным полководцем. Он работал днем и ночью, отдавал необходимые распоряжения и так умело направлял осадные операции, что Рейнсдорп сравнивал его с знаменитым французским военным инженером и выдающимся теоретиком и мастером осады Вобаном. Жившие тогда в России иностранцы проводили параллели между Пугачевым и великими военачальниками — древнего Рима Цезарем и эпохи английской революции Кромвелем. Говорили, что Пугачев получил образование за границей и развил военный талант на службе прусского короля. Помощники Пугачева не могли проводить подобных аналогий, но и они — непосредственные наблюдатели — единодушны в оценке боевого искусства своего командира.

«По неустрашимости своей, — свидетельствовал Шигаев, — всегда был наперед и подавал собою пример прочим. Также знал он [Пугачев] правильно, как палить из пушек, из других орудий, и указывал всегда сам канонерам». «Лучше всех знал правило, как в порядке артиллерию содержать, сам Пугачев», рассказывал Почиталин. О том же говорил Падуров: «Пушки и прочие орудия большею частью наводил сам самозванец».^[130] Характерно, что боевая активность осаждавших заметно спадала в те Дни, когда Пугачев отлучался из Берды и лично не Руководил военными операциями.

Блокируя и обстреливая Оренбург, Пугачев не оставлял надежды взять город, перетянув на свою сторону казаков из гарнизона, запугивая командиров. Он отправлял указы оренбургскому атаману Василию Могутову, старшине Мартемьяну Бородину, Рейнсдорпу. Указы агитировали, звали в армию повстанцев, грозили, но безрезультатно.

Пугачевцы подходили к городским укреплениям, кричали осажденным, чтобы сдавались, ибо на помощь «императору» идет «наследник» с огромным войском. Защитникам Оренбурга угрожали голодной смертью, укоряли их, что они служат женщине-царице, а не «государю». Пугачев посылал в город верных людей, чтобы поджечь его изнутри, но поджигателей арестовывали прежде, чем они успевали выполнить поручение.

Оренбургские власти тоже не бездействовали. Часто делали вылазки, но все они неизменно отражались осаждающими. Пытались разложить лагерь повстанцев, запугать колеблющихся. Оренбургский губернатор

предписал, «стараться через верных делать тем колеблющимся, а особливо в толпе его злодейской находящимся башкирцам, шкоду [вред], позволяя имущество их в добычу, а притом жен и их детей разбирать по себе». ^{131} Рейнсдорп напрасно надеялся внести разложение и в ряды казаков, действуя на них «сперва ласкательством... а потом и страхом увещевать, чтобы они от того злого предприятия всемерно отстали и находились в покое, внушая ежели они того не исполнят, то могут себя с женами и детьми их невозвратному разорению и гибели подвергнуть». ^{132}

Ни разложить, ни разбить пугачевцев не удалось. Немало соленых казацких шуток было отпущено по поводу неумелых действий оренбургского начальства, вздумавшего однажды переловить повстанцев с помощью расставленных в разных местах охотничьих капканов.

Правительство принимало свои меры для подавления «бунта».

На границах Казанской губернии расположились значительные военные силы. Казанские дворяне мобилизовали дворовых, слесаря чинили негодное оружие.

Из Москвы, Новгорода, Калуги, Сибири на Пугачева отправились военные части. Опытный боевой генерал Кар стал во главе противопугачевских сил.

Казанский губернатор отправил владетельного татарина, секунд-майора Тевкелева организовать из «надежных» башкир и татар верные правительству части. Тевкелев выступил против своего народа и бился в рядах усмирителей, пока пугачевцы не взяли его в плен.

Власти отпечатали «увещевательный» манифест для распространения в охваченных восстанием районах. Широкая огласка его запрещалась.

Попам оренбургской епархии предписывалось с церковных амвонов разоблачать Пугачева и призывать народ к спокойствию. Но казенная и церковная пропаганда не производила никакого впечатления. Илецкие казаки хотели отправить прибывшего к ним с правительственным манифестом посланца к Пугачеву, у яицких казаков чтение вызвало «зловредное отрыгновение».

Кар спешил на выручку Оренбурга. Пугачев отправил навстречу Кару лучших своих командиров — Чику-Зарубина и Овчинникова.

Овчинников получил приказ не допустить Кара к Оренбургу. К отряду Овчинникова примкнул возвращавшийся с заводов Хлопуша со своими людьми. Положение Кара было не из легких. Собранные для выступления против Пугачева калмыки взбунтовались и разбежались, среди солдат замечалась «некоторая колеблемость». Кар продвигался среди восставших

или готовых восстать селений, в атмосфере общей вражды казацко-крестьянского населения.

Восьмого ноября Овчинников и Зарубин окружили отряд Кара у деревни Юзеевой.

Гренадеры перешли к пугачевцам, солдаты сложили оружие. Пленных отвели в Берду, представили Пугачеву. «Император» прослезился, выразил удовлетворение, что кончились его двенадцатилетние странствования и объявил что жалует всех «землями, морями, лесами, крестом и бородою и всякою вольготностью».

Среди пленных был захвачен офицер Шванович. С офицерами Пугачев был беспощаден — он их вешал. Но пленные гренадеры заступились за Швановича: он относился к ним хорошо. Шванович получил чин есаула и стал служить пугачевцам. Выяснилось, что он владеет немецким и французским языками, знания эти были использованы. Шванович перевел несколько иностранных писем, шедших из вражеского лагеря и адресованных в Оренбург. Пугачевские канцеляристы попросили его показать им французскую азбуку. Пришлось выполнить неожиданную просьбу.

Случилось также, что Пугачев попросил Швановича перевести на немецкий язык один из самых распространенных своих манифестов, где объявлялось «во всенародное известие», чтобы противники «Петра III» покорились, за что они получают прощение и всякие вольности. Кар отступил к Казани. Его преследовал артиллерийский огонь пугачевцев, стрелявших очень метко, «не так как бы от мужиков ожидать должно было».

Еще позорнее кончилась операция полковника Чернышева, который спешил, подобно Кару, к Оренбургу. В четырех-пяти верстах от города его отряд был встречен огнем повстанческих пушек. Калмыки и казаки немедленно перешли к пугачевцам, солдаты почти не сопротивлялись. Весь отряд был взят в плен. Сам Чернышев нарядился в старый мужицкий кафтан, сел в сани, взял в руки вожжи, надеясь таким образом спастись. Проходивший мимо казак Давилин увидел «человека непохожего на мужика простого, а паче по рукам признал, что они не рабочие». ^{133} Он спросил у солдат, что это за человек. Те сразу назвали командира Чернышева. Пленных офицеров и калмыцкого старшину повесили. Солдат остригли по-казачьи и разместили по казачьим сотням.

Вернулись Овчинников, Зарубин. Вернулся Хлопуша с пушками, бомбами, порохом, деньгами, с заводскими людьми. Пугачев одобрил действия Хлопуши на заводах и назначил его командиром над заводскими

крестьянами.

Хлопуша отказывался под тем предлогом, что он неграмотен и управлять людьми не может. Но этот аргумент мог произвести на неграмотного Пугачева только обратное впечатление.

— У нас и дубина [вместо грамоты] служит, — ответил он и подчеркнул, что дело не в грамотности командира, а в преданности делу: — а если что крадешь, то за алтын удавлю.

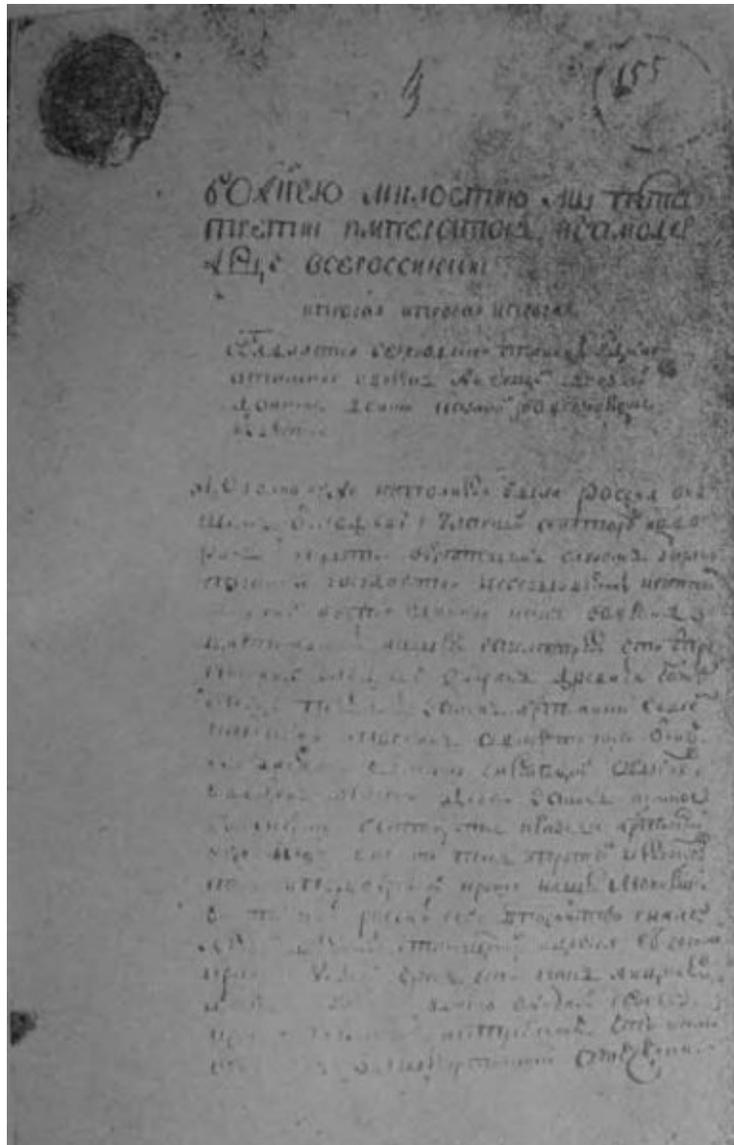
Пугачев отправил Хлопушу взять Верхнеозерную крепость. Взять ее не удалось: часть гарнизона, состоявшая из башкир и казаков, перешла к повстанцам, но польские конфедераты отразили нападение. На помощь Хлопуше из Берды выступил сам Пугачев. Верхнеозерная не сдавалась. Пугачев ударил по Ильинской крепости, которая пала под ударами повстанцев. Гарнизон крепости попал в плен. Офицеров Пугачев повесил, за исключением одного, милостивого к солдатам; солдатам остригли волосы по-казачьи, и они влились в пугачевское войско. С песнями вернулись пугачевцы в Берду.

Пылала в огне восстания и Башкирия. Еще в начале октября отряды башкир захватили ряд селений около Уфы и подошли к самой Уфе. Но для взятия города было слишком мало сил; к тому же они были плохо вооружены, распылены.

Оперировавшие в Уфимском районе башкиры, татары, марийцы и дворцовые крестьяне заключили в начале декабря договор согласно служить Пугачеву. Они просили прислать им в помощь войско и несколько пушек, так как, «когда явятца в нашу сторону какие-нибудь сопротивники вашему величеству, то нам их сократить не счем». ^{134} Приговор обязывал поставлять с каждого двора по вооруженному воину, «затем, что мы нынешнюю пятницу город Уфу разорять ехать намерение имеем».

Пугачев отправил под Уфу Чику-Зарубина, который стал во главе подступавших к городу повстанцев.

Восстание перекинулось на Волгу. Бузулук и почти вся Самарская линия находились в руках повстанцев. Здесь действовали калмыки и присланный Шигаевым отряд во главе с казаком Ручкиным и атаманом Ильей Араповым. Район Бузулука был важен пугачевцам как одна из продовольственных баз для осаждавшей Оренбург армии.

Указ Пугачева

Березовской станице Войска Донского

Автографы деятелей восстания 1773 года.

Пугачев одобрил деятельность Шигаеза, «и много тем веселился, что везде имел, хотя с малым числом воюет, великие успехи». [\[135\]](#)

Новые победы Пугачева вызвали панику среди помещиков. Дворяне Казанского и Симбирского уездов массами бежали из своих имений, «яко бешеные», пробирались вереницами в центр, проклиная Пугачева, восставших крестьян, неумелого Кара.

Казань опустела: бежали дворяне, купцы, чиновники. Но волновались

правлящие круги не только на юго-востоке России. Большое смятение охватило и удаленные от восстания северные центры, в первую очередь обе столицы. В Петербурге сенат готовил указ «о неболтании лишнего». Московский обер-полицмейстер разослал шпионов по кабакам, торговым рядам, баням и другим местам подслушивать народную молву, уверять встревоженных москвичей, что успехи Пугачева ничтожны, что в его распоряжении только не заслуживающая никакого внимания маленькая шайка.

Но правительству не удалось удержать в тайне истинное положение вещей. По московским улицам ходили дворовые и фабричные, выражая явное сочувствие Пугачеву.

Кара сместили. Усмирять Пугачева послали генерал-аншефа Бибикова, которого наделили диктаторскими полномочиями над восставшим краем.

Еще раньше в стан Пугачева отправили находившихся в Петербурге по делам яицкого войска казаков Перфильева и Герасимова уговорить пугачевцев выдать своего вождя.

Перфильев не оправдал надежды властей.

Разуверившись во время петербургской волокиты в возможности добиться чего-либо от правительства, он вызвался выполнить порученное ему черное дело, явился к Пугачеву, рассказал об истинной цели его приезда и стал деятельнейшим и непреклоннейшим пугачевским соратником.

Притягательная сила Пугачева усиливалась и благодаря тому, что восстание шло от успеха к успеху. Наперекор мерам о сохранении тайны, а, может быть благодаря им, молва о «царе» облетела огромное пространство, волнуя умы всех угнетенных дворянско-крепостническим строем. Крестьяне отказывались от повиновения помещикам, от платежа податей, голос крестьянского недовольства и протеста звучал все громче и громче.

Киргизы перекочевали через Янк, подались к Волге, нападали на хутора, громили помещиков, волжских казаков, калмыцкие кочевья. Башкиры заняли Заинек и появились в окрестностях Бирска.

Двадцать пятого декабря атаман Арапов без боя занял Самару. К нему присоединились все окружающие Самару селения. Пугачевский есаул Чулошников прибыл из Берды в Самару и по приказу «военной коллегии» вместе с Араповым собирал людей и пугачевское ополчение по норме один человек на пять душ населения. Отряды Чулошникова и Арапова громили помещичьи имения, забирали в них хлеб, скот, одежду.

В этот же день башкиры заняли Сарапуль. По дороге они брали у дворцовых крестьян деньги, провиант, фураж. В самом Сарапуле башкиры

устроили форменный погром, башкирские командиры безуспешно пытались сохранить какой-нибудь порядок.

Заняв город Осу, башкиры-сотники издали «наставление», где требовали от старосты иметь «смотрение» над казенным вином и солью, сохранять и записывать в приходо-расходную книгу вырученные от продажи соли и вина деньги, «никому напрасно обид и притеснения не чинить».

Движение перекинулось на пермские горные заводы. Приписные разбегались, разнося повсюду весть о восстании, рабочие отказывались работать. Заводы стали.

Горное начальство назначило премию в тысячу рублей за поимку Пугачева, готовилось к отпору.

Центром обороны должен был стать Юговский медеплавильный завод. Хотели перевести туда рабочих других заводов, но они открыто выражали свои симпатии Пугачеву и отказались идти на Юговский завод.

Приписные крестьяне выбрали «со всего мирского и общего согласия» сотника и старосту, чтобы «случившийся между заводскими жителями всякие ссоры и непорядочества усмирять».

Юговский сотник подчинился оперировавшему в районе Юговских заводов башкирскому полковнику Батыркаю Иткинину.

Иткинин предписал строго следить за дисциплиной, нарушителей наказывать беспощадно, учредить земскую избу — собирать деньги на мирские расходы, исправить кузницу дляковки оружия. Заводские конторы Иткинин разгромил, кабальные документы уничтожил, увез с завода деньги, одежду.

Приписные крестьяне послали Пугачеву «доношение». Они радовались, что «наше красное солнце, под землю скрыся ныне от восток восходит на всю вселенную и своею милостию хочет обогреть нас, нижаиша и сырых рабов» и заявляли, что «преклонением мы крестьяне, все единодушно свои главы до лица земли»^{136}. Крестьяне просили избавить их от «лютых и дивных зверей ядовитых, переломили бы вострые когти их, злодеев бояр и офицеров».^{137}

Волновался Ижевский завод. Надзиратель Губанов хотел оказать противодействие приближающийся пугачевцам, но рабочие набросились на него с угрозой: «Когда у тебя брюхо цело — так и противься, а нам, де, противиться нечем».^{138}

Первого января 1774 года отряд татар, башкир вотяков вступил в завод. Они об'явили населению о сложении недоимок и подушных податей,

разграбили господские дома, заводские деньги отправили сидевшему под Уфой «его высокографскому сиятельству» Чике-Зарубину, набрали в казаки больше ста человек, остальных распустили по домам.

Почти все заводы и наиболее важные центры Прикамского края оказались теперь в руках пугачевцев, представленных здесь башкирами. Они раз'езжали по краю, разглашали «императорские манифесты», закрывали, а иногда и разрушали заводы, забирали заводское имущество, конфисковали деньги, отпускали заводских рабочих или уводили их с собой.

Эти национальные отряды восставших действовали разрозненно, были плохо связаны с центром восстания — Чесноковкой (под Уфой), где укрепился Зарубин.

Силы Чики росли стремительно. Ядро его армии составляли заводские крестьяне и башкиры. Чина посылал отряды на завоевание различных пунктов-Табынского казака Ивана Кузнецова он отправил на заводы южного Урала. Кузнецов объявил новую власть на Саткинском, Златоустовском, Катав-Ивановском и других заводах.

Зарубинский штаб Чесноковка стала второй Бердой. Первоначально Чесноковка была Тесно с ней связана. Но получив от Пугачева титул «графа Чернышева», Чика стал совершенно самостоятельным командиром повстанческой армии и постепенно его связь с общим руководством восстания утратилась.

Чика назначал командиров, писал охранные листы и указы в подвластные местности о выборе новых старост и атаманов, о соблюдении порядка, о наборах в пугачевскую армию, об устройстве застав, о борьбе с разорительными набегами башкирских, татарских и отдельных казачьих отрядов, об искоренении врагов. В штабе «графа Чернышева» занимались вопросами снабжения обширного края, его административного и бытового устройства.

Чикинские манифесты проникали в Уфу. Какие-то люди по ночам расклеивали их на стенах домов, церквей, на воротах. Артиллерийской базой зарубинской армии был Воскресенский завод. Здесь отливали пушки, простые и «секретные» ядра, сдавали их в Чесноковку, в Берду. Случалось, что пушки и снаряды изготовлялись по готовым моделям, по формам, присылаемым из пугачевского главного штаба. Важными техническими и военными базами служили прикамские заводы — Ижевский, Воткинский и другие.

Зарубин назначал на заводы своих представителей из мастеровых или приписных крестьян данного завода. На их обязанности лежал набор

людей, поставка оружия, провианта, денег для армии.

В конце 1773 года выдвигается, как один из наиболее активных пугачевцев, герой башкирского народа — полковник Салават Юлаев.

О подвигах богатыря Салавата башкирский народ сложил немало песен; которые из них приписываются самому герою. Салават пел про Урал:

Родные рощи и леса.
Родные воды и поля —
Святая родина моя,
Урал, Урал мой благодатный.
Люблю я вас, любить вас буду.

Пел о том, как за свободу родины:

Оседлал коня и в сечу
Конь меня понес.
Я сразился со врагами
И врагов разил.

Салават звал:

И иди на бой ты смело
И везде врагов рази.^{139}

Сын состоятельного башкирского старшины Юлая, Салават на собственной спине почувствовал всю тяжесть российской колонизации: заводчик Твердышев отнял у семьи Юлаевых землю. Позднее Салават сжег деревни, устроенные заводчиком на отнятой у него земле.

Первоначально правительственные власти поставили Салавата во главе отряда башкир, который двинулся на пугачевцев.

Не желая воевать с повстанцами, Салават перешел на сторону Пугачева и стал упорным и деятельным бойцом и командиром. Он участвовал в осаде Оренбурга, откуда Пугачев отправил его подымать башкирские селения, вербовать людей в повстанческую армию. Салават Юлаев стал во главе значительного отряда башкирских бойцов. Он

подчинялся «главному российского и азиатского войска предводителю» — казаку Ивану Кузнецову.

В начале января 1774 года башкиры, под командованием Кансафара Усаева и Салавата Юлаева, заняли сдавшийся без сопротивления Красноуфимск.

Юлаев назначил в атаманы над Красноуфимском человека, показавшего свою верность повстанцам, «а притом и состояния доброго и трезвого». Атаману поручалось с населением «поступать добропорядочно: побор, притеснений и налог ни под каким видом никому не чинить, ко взяткам не касаться».^{140} Населению города Юлаев предписывал слушаться нового атамана.

Почти одновременно с занятием Красноуфимска Салават Юлаев и другие предводители восставших башкир подступили к Кунгуру. Город не сдавался, несмотря на многочисленные атаки. В одном из сражений Юлаев был ранен. Зарубин прислал на помощь Кузнецова, который принял командование над осаждающими Кунгур войсками.

Кузнецов повел борьбу с анархическими действиями башкир, которые, случалось, притесняли и население, сочувствовавшее пугачевскому восстанию. Новокрещенных татар и башкир, вернувшихся к магометанству, он штрафовал, заставлял выполнять предписания православной церкви и молиться за здоровье Пугачева и успехи его армии.

Кузнецов уговаривал осажденных сдаться, гарантируя им сохранение жизни и имущества. Но город упорно не сдавался. Штурм не дал нужных результатов. Осаждающим нехватало огнестрельного оружия, а от башкирских пик и стрел толку было мало. Кузнецов расположился под Кунгуром в бездействии.

Двадцать пятого января в Кунгур вступил посланный генералом Бибиковым майор Гагрин. Пугачевцы отступили и, настигнутые Гагриным в селе Ордвинском, были разбиты.

Девятнадцатого февраля Гагрин взял Красноуфимск и двинулся на освобождение осажденного Белобородовым Екатеринбургa.

На медном заводе Осокина, в родном селе Медянки (Кунгурского уезда), на пороховых заводах Петербурга Иван Наумович Белобородов испил до дна горькую чашу крепостной заводской каторги. Он решил избавиться от каторжно тяжелой жизни и притворился хромым. Его отпустили на родину «на свое пропитание».

Белобородов женился на дочери посадского человека Нениле, поселился в селе Богородском, Кунгурского уезда, завел мелкую торговлю.

В Кунгуре, на базаре, Белобородов услышал призывные слова

пугачевского манифеста. Он узнал о больших успехах Пугачева, о приближении отряда башкирского полковника Кансафара Исаева, вербующего людей в «императорскую» армию.

Уже немолодой, обзаведшийся домом, семьей, Белобородов решил бросить все и примкнуть к восставшим.

С группой односельчан он выехал навстречу башкирам.

Кансафар произвел Белобородова в сотники небольшого отряда, набранного из богородских и других крестьян. Вместе с Кансафаром Белобородов отправился по заводам: на Сергинском заводе Демидова, на Шуртанском заводе Осокина набрали людей, запаслись деньгами, оружием и двинулись дальше.

Кансафар отрядил под команду Белобородова сто человек, снабдил его пугачевским манифестом и наставлениями вешать и рубить головы врагам, жаловал вольностью и обращать в казаки друзей.

Белобородов направился к Екатеринбург. По пути ему сдавались крепости и заводы. Он захватил в них пушки и порох, сильно увеличил свой отряд. Все это делалось еще совершенно независимо от Пугачева. Несколько времени спустя Белобородов отправил к Пугачеву делегацию из заводских людей и татар с рапортом, из'ясняя «свою к нему усердную службу».

Пугачев назначил Белобородова атаманом.

Целый месяц пробыл Белобородов на Шайтанском заводе, затем поехал на Уткинский завод Демидова. Здесь он разбил многолюдный, хорошо вооруженный правительственный отряд.

Победителем шел Белобородов по заводам Урала. Он оставлял на них по небольшому отряду «для предосторожности от верных [правительству] войск». Он казнил непокорных, принимал в свой отряд всех желающих послужить крестьянскому делу.

Свой разросшийся отряд Белобородов разделил на три части: русский, состоявший преимущественно из рабочих, башкирский и марийский.

Сотники получили от него строжайшее наставление держать людей «во всякой строгости и вам послушании», нарушителей дисциплины наказывать плетью, «дабы смотря на то, каждый мог страшиться и самовольств, озорничеств, а паче противных поступков против воли его императорского величества чинить не могли». [{141}](#)

На Билимбаевском заводе Белобородов, во избежание пьянства, приказал разбить бочки и вылить вино на землю. Он не пожалел пугачевского есаула Шibaева, грабившего рабочих людей и крестьян Златоустовского завода. По жалобе златоустовцев, Белобородов послал к

ним отряд с приказом арестовать, сковать и препроводить Шибеева к Пугачеву.

Белобородов, может быть, больше, чем другие пугачевские командиры, понимал значение дисциплины для повстанческой армии. Он упрекал казачьего есаула Матвея Чигвинцева, находившегося в Красноуфимске, в недисциплинированности, пьянстве, распущенности его казаков. Он предлагал поставить главе осаждающего Кунгур войска «верного, смелого и в нужных случаях неробкого человека... а не из лесцов [льстецов], кои только одним видом и обманством свои заслуги оказывают». ^{142}

Белобородов осадил Екатеринбург. Крестьяне окрестных селений охотно везли к нему фураж, отказавшись снабжать продовольствием осажденный город.

На помощь Екатеринбургу спешил Гагрин. Он шел по опустевшим заводам и деревням, в которых остались только старики и дети, — все остальные ушли к Белобородову.

На Уткинском заводе Гагрин 26 февраля нанес поражение повстанцам. На помощь разбитым примчался Белобородов. Он атаковал Гагрину, «с превеликим криком, при пушечной пальбе», по безуспешно.

Белобородов ушел на Каслинский завод, 12 марта был снова разбит и отступил на Саткинский завод Лугинина.

Пугачевский полковник Иван Грязнов руководил осадой Челябинска. Набрав «казаков» из рабочих Златоустовского и других заводов, влив в свой отряд несколько сот башкир, произведя набор в Кундревинской слободе, он обложил Челябинск со всех сторон.

В городе царил тревога.

Исетский воевода Веревкин уверял командовавшего «Сибирским корпусом» генерала Деколонга, что «ежели... хотя один казак из злодейской толпы сюда в Челябинск ворвется, то может передаться в злодейские руки все население города, состоящее из казаков и крестьян, за ними же передастся вся провинция, а за Исецкой провинцией неизбежно — грозит сие зло и всей Сибирской губернии». ^{143}

Пятого января в Челябинске поднялось восстание казаков. Они завладели пушками, стоявшими у воеводского дома, ворвались в дом, избили воеводу Веревкина и поволокли в войсковую избу, где снова избили. С трудом удалось освободить Веревкина, усмирить восстание. Руководителя бунта атамана Уржумцева усмирители запытали до смерти.

Окружавшие город крепости и слободы были заняты повстанцами, которым жители устраивали радостные встречи.

Прошло еще несколько дней, и восстали все заводские крестьяне Исетской провинции. Собранные для обороны Челябинска крестьяне и казаки разбежались.

Грязнов посылал воззвания на имя воеводы Свербеева, на имя челябинских жителей. Он уговаривал, во избежание кровопролития, сдаться «императору», грозил беспощадной расправой с упорствующими. Другое воззвание, адресованное всем челябинцам, представляет собой один из самых выразительных пугачевских манифестов. Грязнов писал: «Господь наш Иисус Христос желает и произвести соизволяет своим святым промыслом Россию от ига работы, какой же, говорю я вам — всему свету известно... Сколько во изнурение приведена Россия, от кого же — вам самим то небезызвестно: дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе божьем и написано, чтоб оно крестьян так же содержали, как и детей но оне не только за работника, но хуже почитали псов своих, с которыми гоняли за зайцами. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что и в ссылках того никогда не бывало да и нет. А напротив того с нами и с детьми малолетними не было ли ко господу слез! И через то, услыша, яко израильтян, от ига работы избавляет».

Грязнов уверял, что дворяне изгнали законного царя только за то, что он хотел освободить крестьян. Теперь «император», после многолетних скитаний, явился народу.

«Приидите в чювство, — взывал Грязнов, — и усердно власти его императорскому величеству покоритесь. Нам кровь православных не нужна, да и мы такие ж, как и вы точно, православные веры. За что нам делать междуусобные брани?.. Вы надеюсь подумаете, что Челябинск славной по России город и каменную имеет стену и строения — отстоится. Не думайте, приятные: предел от бога положен, его же никто прейти не может. А вам наверное говорю, что стоять — не устоять. Пожалуйста, не пролейте свою кровь. Орды неверные государю покорились, а мы противотворникам».^{144}

В одном из воззваний Грязнов клеймил дворян, которые «привыкли всюю Россиею ворочать, как скотом, но и хуже почитают собак, а притом без малых жить не привыкли».^{145}

Но Челябинск держался; городские пушки отбили атаку осаждающих.

Несмотря на частичные неудачи, восстание принимало колоссальный размах. Оно стремительно разгоралось по огромному пространству от Урала до Волги. Пламя восстания охватывало Зауралье.

Казачи, приписные крестьяне, ушедшие с заводов, разносили искры восстания, поднимали на борьбу против помещиков и дворян деревни и села. «Все здешнее население в верности колеблется»^{146} — доносил Исетский воевода Веревкин. Тысячи вольнонаемных рабочих казенных винокурных заводов восставали и арестовывали заводских смотрителей. Путь между Екатеринбургом и Тюменью был перерезан приписными крестьянами. Крестьяне устраивали у больших сел засады, снаряжали вооруженные копьями караулы, захватывали слободу за слободой, расправлялись с офицерами, приводили их к присяге Петру или Павлу Петровичу: «Все русские селения преклонились самопроизвольно воровской злодейской толпе», — сокрушенно сообщал в столицу Веревкин и, вспомнив неплюевские времена, выдвинул проект натравить киргиз на крестьян. Но теперь маневр не удался: киргизы, правда, нападали на русские деревни, но и они скоро вышли из подчинения екатерининскому правительству.

Важнейшие города и крепости — Оренбург, Уфа, Челябинск — были осаждены. Поднялся весь уральский и приуральский закрепощенный, угнетенный люд. Дворянству и его правительству было от чего притти в смятение.

Бибиков приехал в Казань. Не склонный преуменьшать опасности, он верно нарисовал казанскому дворянству угрожающие перспективы пугачевского восстания.

Объятые ужасом крепостники всполошились и постановили сформировать из своих крепостных вооруженный конный корпус. Почину казанских дворян последовали помещики Симбирского, Свияжского и Пензенского уездов. Раскошелились и казанские купцы: они решили сформировать за свой счет конный эскадрон драгун. Екатерина расчувствовалась и приняла звание «казанской помещицы». Тут уж расчувствовалось казанское дворянство. Поэт Державин сочинил напыщенную речь, в которой восклицал, обращаясь к императрице: «Признаем тебя своею помещицею. Принимаем тебя в свое товарищество».

Сенат выработал указ о мерах против распространения восстания. Предписывалось в каждом селении оставить одну только дорогу для в езда и выезда, остальные — перекопать или караулить днем и ночью. На проезжей дороге поставить рогатки или ворота, через которые пропускать только тщательно опрошенных проезжающих. Предлагалось выбрать в селениях смотрителей для надзора за всеми подозрительными людьми. Предписывалось помогать правительственным войскам, сообщая о мятежных сборищах.

Сам Пугачев был неуловим, и правительство решило расправиться с его семьей.

Софья Дмитриевна Пугачева осталась после ухода мужа в Зимовейской с тремя малолетними детьми. Жить стало нечем, и Софья продала свой домик есауловскому казаку Евсееву, а сама поселилась у отца. Вырученных денег хватило не надолго, и Пугачева с детьми побиралась милостыней. По распоряжению правительства пугачевский домик отобрали у Евсеева, перевезли из станицы Есауловой обратно в Зимовейскую, сожгли и пепел развеяли по ветру. Место, где стояло пугачевское жилище, окопали рвом для «оставления на вечные времена без поселения, яко оскверненное злодейским жительством». Софью Пугачеву с детьми арестовали и отправили в Казань. Издевательски решили использовать ее как агитационное средство против мужа — заставили ходить по людным местам и разглашать, что Пугачев вовсе не император, а простой казак.

Бибиков отправил группу верных правительству татар, чтобы они агитировали среди своего народа против восстания.

Но правительство не очень верило в действенность собственной агитации. Гораздо больше надежд возлагало оно на силу оружия.

Под командой Бибикова были собраны многочисленные войска. Некоторые части были очень ненадежны. Солдаты жаловались на тяжелую службу, говорили, что под Оренбургом не беглый донской казак, а подлинный государь. Бибиков «дьявольски трусил за своих солдат, чтобы они не сделали так же, как гарнизонные, не сложили своего оружия перед мятежниками». ^{147}

Бибиков рьяно принялся за усмирение.

Двадцать девятого декабря 1773 года майор Муфель взял Самару. При этом особенно отличилась команда волжских казаков.

Поручик поэт Державин должен был расследовать, кто из самарских жителей поддерживал повстанцев. Часть их предписывалось отправить в Казань, а некоторых жестоко наказывать плетью на площади, при народе.

Под пригородом Алексеевским пугачевский атаман Арапов потерпел поражение. Пригород был взят правительственными войсками. Подозрительных в сочувствии Пугачеву людей высекли плетью в церковной ограде..

Шестнадцатого января 1774 года пал Заинек. Солдат-пугачевцев прогнали сквозь строй, жителей, приветствовавших повстанцев, высекли. Деревня за деревней поневоле приносили повинную. Некоторые селения пытались противостоят свирепому натиску карателей: у деревень выстраивали заставы, дорог-заваливались колодами. Такие селения

сжигались до основания, захваченных в плен крестьян секли или отправляли в Казань, в секретную комиссию.

Калмыки произвели удачный набег на Ставрополь, совершили несколько успешных стычек с правительственными отрядами, но в конце концов были разбиты.

Четырнадцатого февраля пал Бузулук.

А Пугачев все еще стоял под Оренбургом. Царица была отчасти довольна этим. «В несчастьи сем, — писала она, — можно почесть за счастье, что они, каналы, привязались два месяца целые к Оренбургу, а не далее куда пошли». ^{148}

Действительно, задержка повстанцев под Оренбургом позволила правительству собрать силы и начать удачные операции пока, правда, в районе, еще далеко от центра пугачевской армии.

Затянулась повстанческая операция под Яицким городком, куда «Пугачев и «военная коллегия» направили казака Толкачева. Пугачевцы рассчитывали, что кочевавший недалеко от Янка киргизский князь Дусали придет со своими людьми на помощь. Но князь не дал ни одного человека. Высланные из Яицкого городка навстречу Толкачеву казаки сложили перед повстанцами оружие и перешли к ним.

Тридцатого декабря 1773 года Толкачев вошел в городок, но крепость не сдавалась. Пугачев отправил на помощь атамана Овчинникова, а через несколько дней прибыл и сам для руководства боевыми действиям». Он решил устроить подкоп под одну из батарей противника.

Пугачев указал место для подкопа и несколько раз в сутки, днем и ночью, приходил смотреть за земляными работами, которыми руководил мордвин Кубарь. Кубарь свидетельствовал, что «во время работы приказывал он [Пугачев] мне, чтобы не шумели, работы производили бы тихо и отдушины делать почаще, — сажени три, четыре и пять одна от другой». ^{149} Так пригодились Пугачеву знакомство с подрывным делом, приобретенное во время прусского похода.

Когда все было готово, Пугачев спустился в галлерею, сам поставил зажженную свечу на бочку с порохом и удалился. Раздался взрыв. Осаждающие с остервенением пытались взобраться по лестницам на вал, но картечный и ружейный огонь заставлял их отступать. Штурмующих осыпали горячей золой, обливали кипятком, и десятичасовой штурм кончился неудачей.

Пугачев вернулся в Берду, распорядившись о новом подкопе. Перед отъездом он предложил яицким казакам выбрать атамана. Предварительно

Пугачев опросил многих о желательной кандидатуре. Остановились на казаке Никите Каргине. Пугачев познакомился с ним, собрал на площади казаков, сказал, что они вольны выбрать себе в атаманы, кого угодно, вольны и сместить атамана, если он не оправдает их доверия. В атаманы выбрали Каргина. Перфильева и Фофанова — в старшины.

Пугачев пробыл в Берде недолго. Он боялся доверить кому-либо минные работы и вернулся в Яицкий городок. Галлерею по распоряжению Пугачева рыли зигзагами — он опасался, что защитники Яицкой крепости выйдут подкопом навстречу повстанцам. Работы производились крестьянами ходившими на Яик со всех концов России искать работы. В назначенный день — 19 февраля 1774 года последовал взрыв, и все же крепость взять не удалось.

В Яицком городке Пугачев женился на дочери казака Кузнецова Устинье. Он познакомился с ней на «девичнике». Устинья понравилась ему как «девица хорошая и постоянная». Женильбу обставили по всем, как казалось Пугачеву, царским правилам: со сватами и свахой, с богатыми подарками невесте и ее родным, с торжественным венчанием в церкви при огромном стечении народа, с ружейным салютом и весельем.

Однако Устинья вышла за Пугачева неохотно, — она сомневалась в его царском происхождении. Она прямо говорила мужу: «Ты меня обманул и заел мою молодость, ибо ты — человек старой, а я молодихонька»^{150}. Пугачев обещал, что, вопреки раскольничьему обычаю, он в угоду жене сбреет бороду и будет казаться моложе. Устинья упрекала Пугачева, что он женился на ней, имея жену в Петербурге. Пугачев отвечал: «Какая она мне жена, когда с царства сверзила! Она мне злодейка... жаль только Павлушу, потому что он законный мой сын. А ее как бог допустит в Петербург, то срублю из моих рук голову»^{151}.

Пугачев скоро уехал, поместив молодую жену в лучшем доме городка и приставив к ней «придворный штат». Из Берды Пугачев посылал Устинье много подарков, писал письма, но к делам восстания не допускал.

Женильба «императора» на простой казачке, да еще при жизни «жены-императрицы», заставила многих усомниться в императорском звании Пугачева. Сомнения и колебания находили питательную почву и в том, что война явно затягивалась. Ни один крупный правительственный центр не был взят, а Берда испытывала острый недостаток в продовольствии. С Волги и Заволжья шли дурные вести, и на тамошний хлеб нельзя было больше надеяться.

Пугачевская «военная коллегия» потребовала от находившегося на

Воскресенском заводе Якова Антипова присылки провианта и отправила Хлопушу к Илецкой защите, где, по слухам, имелось много хлеба.

В начале февраля Хлопуша выступил из Берды с отрядом из заводских крестьян. Он взял Илецкую защиту, гарнизон которой перешел на его сторону, освободил арестованных и ссыльных, выдал им хлеб и одежду, «так как многие из них не имели рубах», и влил их в свой отряд. Захватив в крепости «несколько хлеба», немного денег и пять пушек, Хлопуша вернулся в Берду и доложил Пугачеву о своих действиях. Пугачев выразил недовольство тем, что Хлопуша оставил в Илецкой защите часть провианта и отряд казаков. Он допытывался — надежен ли капитан, которому Хлопуша доверил команду над крепостью, тщательно ли расспросил он жителей о нем. Хлопуша успокоил своего подозрительного к офицерам начальника. Тогда Пугачев стал беспокоиться о другом. «Не обидел ли ты его, и не отнял ли чего ис пажити? — спросил он. «Ничего не сделано», — ответил Хлопуша^{152}.

Несмотря на несомненный упадок настроения, Пугачев был уверен в победе и зло насмеялся над «увещательными» письмами Рейнсдорпа. Ответ на одно из очередных посланий оренбургского губернатора исполнен того народного красноречия, которое так восхищало Пушкина в пугачевских манифестах.

«Оренбургскому губернатору, — гласил ответ, — сатанину внуку, дьявольскому сыну! Прескверное ваше увещание здесь получено, за что вас, яко всескверного общему покою ненавистника, благодарим... Ведай, мошенник, да и по всему тебе, бестии, знать должно, — сколько ты ни пробовал своего всескверного счастья, служишь единому твоему отцу сатане. Разумей, хотя ты по действию сатанинскому во многих местах капканы расставил, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здесь хотя на ворованных не станет петель, а мы у мордвина хотя гривну дадим, да на тебя веревку свить можем». Дальше Рейнсдорпу советовали сдаться «всемиловейшему монарху», который озирает свои армии, «аки орел поднебесный». Злая издевка над голодающим Оренбургом звучит в заключительной фразе ответа — «а здесь не безызвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете!»^{153}

Пугачев не понимал, что судьба Оренбурга решалась вовсе не в Берде, что слишком затянувшаяся осада парализовала главные силы восстания, обрекла их на пассивность. Правительство со всех сторон двинуло крупные силы. 14 февраля, как отмечено, пал Бузулук. В Сорочинской крепости, между Бузулуком и Оренбургом, собралось много пугачевцев. Авангарды

повстанцев находились в Тоцкой крепости и деревне Пронкиной. Пугачев выступил на помощь своим. Майор Елагин занял Пронкину. Ночью 6 марта, в метель и бурю, после стремительного тридцатисемиверстного перехода, Пугачев обрушился на правительственные войска. Казалось, победа была уже на его стороне. Но Елагин получил подмогу, и пугачевцам пришлось отступить, оставив Пронкину деревню, Сорочинск и Тоцкую крепость.

Оставив в Берде часть своих войск под командой Шигаева, Пугачев отправился в Татищеву крепость. Эта крепость была очень важным стратегическим пунктом: она прикрывала пути в Оренбург, Илецк и Яицкий городок.

Пугачев понимал, что предстоит решительное сражение с правительственными войсками. Он придумал оригинальный способ укрепления: приказал насыпать снег у крепостных стен, облить его водой и превратить таким образом в ледяной вал. Пугачев сам расставил пушки, сам назначил к ним канониров, сам направил дула пушек туда, откуда можно было ждать вражеское войско, шедшее под командой князя Голицына. Он измерил расстояние до различных пунктов перед крепостью, и кольшками обозначил предельные поражаемые пункты.

Затем Пугачев собрал бойцов, призвал их к стойкости и мужеству, приказал соблюдать полную тишину, спрятаться и открыть артиллерийский огонь лишь тогда, когда правительственные войска подойдут на пушечный выстрел.

...В крепости все замерло. Вражеский разъезд из трех казаков приблизился к крепостным стенам. Стоявшие за воротами Пугачев, Овчинников и Арапов выслали навстречу разъезду бабу с хлебом и солью. Ей поручили сказать, что в крепости никого нет, что население ждет Голицына. Но казаки заметили за валами вооруженную толпу и ускакали. Пугачев с Овчинниковым бросились в погоню и одного казака захватили в плен.

Настал день 22 марта.

Артиллерийская перестрелка открыла сражение. Канонада продолжалась четыре часа. Голицынским пушкам отвечали тридцать пугачевских орудий.

Пугачев сделал стремительную вылазку из крепости. «Братцы-солдаты, — кричали пугачевцы, — что вы делаете? Вы идете драться и убивать свою братию...»

Повстанцы дрались отчаянно. Несколько часов с переменным успехом длился бой перед крепостью.

Пугачев не заметил обходного движения противника, стремившегося окружить город и крепость и отрезать осажденным путь к отступлению. Численное и военно-техническое превосходство правительственных войск было очевидно. Надо было спасать себя и своих сторонников от плена. Овчинников убеждал Пугачева:

— Уезжай, батюшка, шток тебя не захватили, а дорога свободна и войсками не занята.

— Хорошо, я поеду, — ответил Пугачев. Но он думал не только о себе. — Но и вы, — продолжал он, — смотрите ж, коли можно будет стоять, так стойте, а коли горячо будут войска приступать, так и вы бегите, чтоб не попасться в руки^{154}.

Пугачев взял с собой Почиталина и еще трех близких людей и уехал. Голицынские казаки погнались за ним, но безуспешно. Пугачев примчался в Берду.

Часть защитников Татищевой крепости бежала, другая продолжала защищаться с мужеством отчаяния. «Я не ожидал, — доносил князь Голицын, — таковой дерзости и распоряжения в таковых непросвещенных людях в военном ремесле, как есть сии побежденные бунтовщики»^{155}.

Убитые пугачевцы валялись в лесу, в сугробах, по дороге. Около трех с половиной тысяч попали в плен, остальные бежали бездорожной степью. Вся артиллерия Пугачева досталась победителям.

ВОССТАНИЕ ТАТИЩЕВА КРЕПОСТЬ — КАЗАНЬ

Казалось, Пугачев разгромлен окончательно. «То-то жернов с сердца свалился», — делился Бибииков радостным известием с женой. Он поздравил московского главнокомандующего Волконского «с окончанием всех беспокойств» и уверял его, что теперь «мы будем час от часу ближе к тишине и покою». Поздравления стекались в Петербург из разных мест дворянской империи. В свою очередь, Волконский утверждал, «что сие внутреннее беспокойство к концу почти пришло».

Коллегия иностранных дел сочинила для гамбургских газет статью о победе над «изменниками», иностранные посланники отправляли своим правительствам соответствующие доклады. Английский посол сэра Роберт Гуннинг сообщил в Лондон «об окончательном подавлении мятежа»^{156}. Он тоже радовался победе: восстание парализовало английскую торговлю в Оренбурге и сделало невозможным сношения английских купцов с Китаем.

Для Пугачева началась полоса неудач.

Двадцать четвертого марта подполковник Михельсон разгромил около Уфы Чика-Зарубина. Башкиры и татары — главная сила армии Зарубина, дрались геройски.

Михельсон доносил, что у башкир «злость и жестокосердие с такой яростью вкоренились, что редкий живой в полон отдавался, а которые и были захвачены, то некоторые вынимали ножи из карманов и резали людей, их ловивших»^{157}.

Видя безнадежность дальнейшего сопротивления, башкиры ушли в горы, Чика-Зарубин уехал в Табынск, где его поймали. Расправа была беспощадной. Даже Михельсон признавал, что уфимские помещики, купцы, чиновники «в окрестных деревнях, в отмщение делают важные разорения».

Некоторые башкирские и мещерятские старшины тоже спешили доказать свои верноподданнические чувства: они собирали свои отряды для расправы с повстанцами.

Пугачев понимал, конечно, значение этих поражений. Но он считал положение далеко небезнадежным и стремился продолжать борьбу. Он немедленно распорядился о мерах для защиты Берды, заменил караульных солдат и крестьян более надежными яицкими казаками. Кой-кто уже знал о

разгроме, а неожиданная смена караулов усилила паническое настроение. Все терялись в догадках. «Что за чудо, — спрашивали караульные друг друга, — что сменяют с караулу не во время и гонят почти палками в Берду?»^{158}

Хлопуша попытался в «военной коллегии» узнать, что случилось. Ему ответили, чтобы он не беспокоился и делал свое дело.

Хлопуша видел, что казаки укладывают свои вещи на телеги. Еще больше встревоженный, он спросил Творогова, что это значит. Творогов ответил, что это казаки, приехавшие в Берду за хлебом, возвращаются по домам.

Теперь, под впечатлением поражения, у некоторых пугачевских приближенных зародилась мысль спасти собственные шкуры ценою выдачи Пугачева властям.

Родственник яицкого войскового старшины Григорий Бородин отправился к Шигаеву и изложил ему свой план выдачи Пугачева. Шигаев отнесся уклончиво к провокаторскому предложению. Боясь действовать решительно против своего начальника (кто знает, может быть, дела не так уж плохи?), он одновременно считался с возможностью окончательного разгрома. Шигаев посоветовал Бородину подговорить против Пугачева достаточное число людей, чтобы верней схватить его.

Бородин согласился и вызвался поехать в Оренбург, чтобы сообщить о случившемся, но преданный Пугачеву казак Горлов открыл заговор своему начальнику. Бородину пришлось скрыться из Берды. План его не удался. Он был приведен в исполнение через несколько месяцев, когда поражение было окончательным, положение безнадежным.

Но пока Пугачев и не думал о прекращении войны. 23 марта он созвал своих ближайших помощников посоветоваться о плане дальнейших действий. По предложению Пугачева, решили двинуться на Яик. План похода был тщательно продуман. Отобрали пять тысяч доброконных бойцов, в большинстве своем казаков, а пешим солдатам, крестьянам, заводским людям и другим разрешили уйти кто куда хочет: они только затрудняли и замедляли бы марш.

Чтобы поднять настроение у отправляющихся в поход, им роздали деньги, выкатили бочки с вином. Когда пьянство грозило принять слишком большие размеры, Пугачев распорядился вылить вино на землю. По дороге в Оренбург расставили караулы, чтобы преграждать туда путь дезертирам. Не дождавшись пока приготовятся все отобранные бойцы, Пугачев с двухтысячным отрядом двинулся в поход.

В это время Пугачев лишился одного из лучших своих командиров.

Хлопуша решил отвезти свою жену и сына в Сакмару. Но занятый семейными делами, он не забывал и дел всего восстания. Хлопуша заехал в Каргалу (Сеитову слободу) и обратился к полковнику Мусе Улееву с просьбой притти на помощь Пугачеву. Однако полковник вовсе не склонен был помогать движению, потерпевшему поражение. «Видишь, брат, — сказал он, — дела ваши худо и ты убирайся куда глаза глядят, я до своего полку не пустил ни одного татарина и все они дома!» Сеитовский старшина арестовал Хлопушу и препроводил в Оренбург. Жестокая казнь ждала «славного каторжника» (Пушкин). Оренбургская секретная комиссия постановила отсечь Хлопуше голову, «для вечного зренья посадит на кол, а тело предать земле. Казнили «рабочего полковника» 18 июля 1774 года. ^{159}

Голицын старался окружить Пугачева со всех сторон, преградить ему дорогу на Яик. Снова начали совещаться, куда итти. Пугачев отвергал предложение Шигаева о движении на Каргалу — Сакмару — Яик — Гурьев городок: в Гурьевом городке мало провианта и там нельзя будет отсидеться. Учитывая, что попутные крепости заняты врагом и не пропустят восставших, а также неблагоприятные условия погоды (в степи лежал снег), он отверг также уход на Кубань, куда накануне восстания намеревались уйти казаки.

В конце концов Пугачев решил итти в Каргалу, потом в Сакмару, переждать там до весны и направиться на Воскресенский завод. Башкирский предводитель Кинзя обещал предоставить в его распоряжение «хоть десять тысяч своих башкирцев».

Пугачевцы заняли Каргалу, освободили по приказу Пугачева заключенных в погребе повстанцев-татар, перекололи старшин, сожгли их дома.

За Каргалой пал Сакмарский городок.

Со всех сторон спять начали стекаться к Пугачеву люди: армия его, наполовину башкирская, насчитывала 4–5 тысяч человек.

Однако удержать эти места Пугачеву не удалось. Вскоре правительственные войска вытеснили Пугачева из Каргалы. 10 апреля Голицын нанес ему поражение около Сакмарского городка. Друзья и помощники Пугачева, — Максим Шигаев, Иван Почиталин, Максим Горшков, Тимофей Падуров, Андрей Витошников и другие попали в плен.

С отрядом в 500 человек Пугачев ушел в глубь Башкирии. Итти к Яицкому городку было уже невозможно.

Пятнадцатого апреля генерал Мансуров разбил вышедшего навстречу Овчинникова и заставил сдаться казаков, осаждавших Яицкую крепость. Опять казалось, что восстанию пришел конец. Но это было не так. Повсюду

бродили еще отдельные повстанческие отряды. Калмыки, в числе 600 кибиток, с женами и детьми, со скотом стремились соединиться с Пугачевым. В нескольких сражениях они были разбиты. Карательные отряды тушили огни восстания, пылавшие в отдельных местах; они сжигали деревни, бросали в тюрьмы тысячи людей, забирали скот и имущество мятежных селений. «Надлежит, — инструктировал Голицын подполковника Михельсона — сей остаток искры, от большого пламя вовсе утушить»^{160}.

Но до полного «утушения пламени» было еще далеко. На Урале и в Зауралье, на Волге и в Приволжье были мощные пласты людей, еще не втянутых по-настоящему в борьбу, готовых выступить на врагов с оружием в руках.

«Злодей, конечно, не страшен своими силами, но дух так сказать всеобщего в здешнем крае замешательства, разнородной и разнообразной черни немало труда стоит успокоить»^{161}, — писал еще раньше Бибииков, полагавший, что «ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование»^{162}.

И это было верно. Но верно и другое: общее негодование выливалось в вооруженную борьбу, пока существовало ядро восстания во главе с Пугачевым.

Пугачев знал, что путь к сдаче на милость врага ему заказан. И он не складывал оружия, пока его не взяли силой. Но до этого было еще далеко. Разгромленный под Татищевой, разбитый под Сакмарой, Пугачев отступает, подымает новые тысячи и тысячи крестьян, казаков, рабочих, националов, ибо велик был порыв закрепощенных масс к воле.

Голицын предписал Михельсону преградить Пугачеву дорогу в Сибирь, не допустить соединения с Пугачевым Салават Юлаева, находившегося со своими башкирами у Симского завода, и Белобородова, расположившегося на Саткинском заводе. Это была воистину нелегкая задача! Крестьяне, мобилизованные для починки дорог, разбежались, не желая помогать карателям, они скрывали местонахождение пугачевских войск, повсюду встречавших всеобщую поддержку и сочувствие. Башкиры покидали свои селения и уходили в горы, узнавая о приближении правительственных частей. Только их старшины явились с повинною, обещая пополнить отряд Михельсона верными людьми. Недалеко от Симского завода Михельсон разбил Салавата. «Мы нашли, — доносил он, — такое сопротивление, какого не ожидали»^{163}.

Пугачев действовал стремительно. «Не можно довольно надивиться,

— писал наблюдавший события академик Рычков, — с какою скоропостижностью и удачею помянутый злодей и возмутитель... злодейские свои намерения производил в действие»^{164}. На заводы, в башкирские деревни полетели подписанные Твороговым указы о наборе вооруженных людей, о присылке фуража и хлеба. Указы находили живейший отклик. Пугачев пополнил свой отряд бойцами из башкир, из заводских крестьян, из рабочих людей Вознесенского, Авзяно-Петровского и Белорецкого заводов. На последнем Пугачев задержался. Сюда со всех сторон стекались по неведомым тропам спасавшиеся от преследований казаки, заводские крестьяне, калмыки.

Укрепившись и отправив Белобородову приказ идти на соединение с главными силами, Пугачев двинулся к Верхне-Яицкой линии. Здесь его совсем не ждали правительственные военачальники, занимавшие слабые крепости с малочисленными гарнизонами. Этот ловкий стратегический маневр давал Пугачеву возможность наступать и побеждать даже с плохо вооруженной армией.

План Голицына провалился. Препградить Пугачеву дорогу не удалось. В правительственном лагере долго терялись в догадках, где находится Пугачев.

Шестого мая Пугачев взял с бою Магнитную крепость, поплатившись за победу раной в руку.

План Голицына провалился и в другом пункте: Михельсон упустил Белобородова. Белобородов превратил Саткинский завод в центр мобилизации новых сил. В эти дни он развил бешеную энергию. Он разослал по всем заводам и деревням указы, чтобы крестьяне и заводские люди шли к нему. И люди шли. Они шли тем охотнее, что действия врага внушали ужас, отвращение и решимость бороться до конца. Комендант Верхне-Яицкой дистанции обращался к башкирам в такого рода выражениях: «Буду вас казнить, вешать за ноги и за ребра, дома, вещи, хлеб и сено подожгу и скот истреблю. Слышите ли? Если слышите, то бойтесь: я не люблю ни лгать, ни шутить»^{165}.

Он поймал башкира, отрезал ему нос и уши и отправил к своим для устрашения. Конечно, такие приемы «агитации» только укрепляли силы Пугачева.

Белобородов во главе многолюдного отряда примчался в Магнитную. За ним подоспели Овчинников и Перфильев с отрядом казаков в 300 человек.

Уйдя от преследовавшего их Мансурова, они прорвались в Башкирию,

скакали без усталости день и ночь и соединились с Пугачевым.

К Пугачеву вернулась удача. Казалось, повторяется победная осень 1773 года. Он обошел сильную Верхне-Яицкую крепость и, уничтожая за собой мосты и переправы, подошел к Карагайской крепости и занял ее. За Карагайской пали другие крепости и редуты. Опять повторялись пышные приемы верного населения, к которому Пугачев выходил в парчевой бекеше, в красных сапогах, в шапке, сделанной из церковных облачений. Благочестивые приверженцы правительства плакались, что он «храмы божие выжег, в образа святые от богоотступников стреляно, а другие ими и кашу варили». Опять начались расправы пугачевцев над комендантами, офицерами, властью имущими.

Девятнадцатого мая Пугачев овладел Троицкой крепостью.

Двадцать первого мая его настиг генерал Деколлонг. Несмотря на энергичную артиллерийскую стрельбу и стремительную атаку против Деколлонга, Пугачев был разбит. Он потерял двадцать восемь орудий, несколько тысяч человек убитыми и взятыми в плен.

Пугачеву удалось спастись, повстанцы рассеялись. Через несколько дней они снова собрались вокруг своего вождя.

Восемнадцатого мая у деревни Лягушиной произошла жаркая схватка с отрядом Михельсона. Часть пугачевцев спешила и, несмотря на большие потери, набросилась на вражеские орудия. Сам Пугачев со своей конницей налетел на левый фланг Михельсона и смял его. Дело решили отлично вооруженные, хорошо вышколенные михельсоновские гусары.

Разбитый Пугачев четыре дня простоял на реке Миасе, сжег Кундравинскую слободу, набрал бойцов на Златоустовском и Саткинском заводах, самые заводы сжег, и 3 июня неожиданно атаковал Михельсона. После горячего боя Пугачев был отбит.

Неоднократные поражения не сломили Пугачева. Так велики были сила духа и упорство этого человека! Он боролся до тех пор, пока оставалась хотя бы малейшая возможность сопротивления. Мысль о личной судьбе давно переплелась в его уме с мыслью о судьбе людей, борьбу которых за волю он возглавил. И теперь, после Татищевой, после Сакмары, после Лягушиной, еле уйдя от Михельсона, потеряв Хлопушу и Чику-Зарубина, лишившись большинства членов «военной коллегии», Пугачев снова и снова берется за сколачивание новой армии, за сплочение штаба восстания.

Его секретарем стал Иван Степанович Трофимов, фигурировавший в восстании под фамилией Дубровского. Подобно всем пугачевским приближенным, Дубровский на собственном опыте познал тяжелую жизнь

человека из низов. Сын бедного мценского купца, находившегося «во услужении у разных господ», Дубровский поступил на службу к московскому фабриканту и обер-директору Гусятникову. От Гусятникова Дубровский сбежал, прошел пешком огромное расстояние от Сызрани до Екатеринбурга, нанялся письмоводителем на винокуренные заводы полковника Тимашева. Бежал, стал рабочим Златоустовского завода. С завода его отправили на медный рудник, на самую тяжелую работу. Так жизнь Дубровского катилась все время по нисходящей линии, пока не поднялось восстание, вместе с которым поднялся и он.

Башкиры нагрянули на рудники и увели в горы много рабочих, в том числе и Дубровского.

После ряда злоключений он попал к Пугачеву в Берду. Здесь беглый купеческий приказчик, писарь, рабочий, наконец, нашел применение своему бойкому перу. Дубровский поставил его на службу казацко-крестьянскому восстанию.

Спешно были написаны указы к башкирам, к русским. Башкирских старшин Пугачев назначил кого генералом, кого бригадиром, кого полковником, роздал богатые подарки. Он говорил, что идет на Уфу, где его ждет наследник Павел во главе сорокатысячного войска. Крестьяне, заводские люди были привлечены обещанием вольности, свободы от податей, от рекрутчины, от работы на дворян.

Снова поднялись заводы и башкирские кочевья. Башкиры действовали анархически, отдельными разрозненными группами. Рассматривая заводы только как источник экспроприации, башкиры жгли и громили их безжалостно.

Портрет Е. Пугачева, написанный на холсте с портретом Екатерины II.

Рисунок неизвестного художника XVIII века

Пугачев по портрету Мальи.

Нарисован с натуры в начале 1775 года

Белобородов сколотил и отлично вооружил трехтысячный отряд из казаков и заводских крестьян. Подошел к Красноуфимску и заставил отступить правительственные части.

В жаждущем свободы народном воображении успехи Пугачева

приобрели преувеличенную и легендарную окраску. Говорили, что восстал, наконец, избавитель, не будучи в состоянии спокойно смотреть на народную нужду. Передавали, что Пугачев взял Оренбург, Уфу, построил в степи пороховые и пушечные заводы, что у него несметное войско и оружия без счета. Рассказывали, что Ново-Троицкая крепость переименована в Петербург, а Чебаркуль — в Москву, что Бибиков, увидя «государя», испугался, проглотил яд, хранившийся у него в пуговице, и умер. Как не стать под знамя такого царя-избавителя и победителя! И угнетенные люди вставали.

Наконец, Пугачев принял смелое и единственно правильное в его положении решение — прорваться к Волге. Оставаться дальше в Башкирии было бессмысленно и трудно. Край был разорен, заводы разгромлены, деревни и села сожжены, всюду рыскали правительственные команды.

Пугачев соединился с Белобородовым, взял Красноуфимск и пошел на соединение с башкирами, блокировавшими пригород Осу, чтобы отсюда направиться на Казань.

Молва о легендарных успехах Пугачева казалась столь убедительной, что разорившийся ржевский купец Долгополов решил поправить свои дела через Пугачева. В молодости Долгополов поставлял фураж для лошадей тогда еще великого князя Петра Федоровича и был с ним знаком. В разгаре восстания он отправился к Пугачеву, говоря по секрету, что едет к императору с приветом от наследника. Ловкий купец пробрался к Пугачеву под Уфу, передал ему подарки, присланные «наследником». Пугачев не преминул воспользоваться случаем для нового убеждения приближенных в своем подлинно царском достоинстве. Пообещав Долгополову различные блага, если он признает в нем «императора», Пугачев с истинно актерским мастерством разыграл следующую сцену. Он пригласил к себе Овчинникова, Перфильева и других атаманов и в их присутствии спросил Долгополова:

— Ты зачем ко мне прислан?

— Меня, ваше величество, прислал Павел Петрович посмотреть, подлинно ли вы родитель его.

— Узнал ли ты меня?

— Как не узнать! Вы жаловали меня вот этим зипуном и шапкою.

— Вы, господа казаки, — продолжал Долгополов, обращаясь к атаманам, — не сомневайтесь, он подлинно государь Петр Федорович, я точно его знаю.

Для закрепления достигнутого эффекта выпили за здоровье «великого государя», за «государыню» Устинью Петровну, за «наследника» Павла

Петровича.

Пугачев продолжал опрос:

— Здоров ли Павел Петрович? Каков он? Велик ли?

— Славу богу, он здоров и велик молодец, да его уже обручили на какой-то немецкой принцессе Наталье Алексеевне.

— Ну, славу богу, дай бог благополучно! — воскликнул довольный «отец»^{166}.

Сцена с Долгополовым получила широкую известность и укрепила в рядовой массе уверенность в царском происхождении Пугачева.

Уверенность эта еще больше усилилась, благодаря одному эпизоду, разыгранному под Осой.

Осажденные напрасно пытались пробиться из крепости. Напрасны были также попытки отбросить пугачевцев.

Пугачев предлагал защитникам крепости сдаться «истинному императору». В Осе решили удостовериться, действительно ли к городу подступил царь. Отправили старого отставного гвардейца посмотреть на главаря осаждающих войск, выяснить, похож ли он на Петра III. И тут Пугачев обнаружил такое самообладание и убеждающую силу, что казавшееся безнадежным положение было спасено.

Пугачев надел простое казацкое одеяние и стал в шеренге так же просто, как и он, одетых казаков. Вышел гвардеец. Он пошел вдоль шеренги, пристально вглядываясь в каждого стоявшего. Когда он приблизился к Пугачеву, тот, повидимому, так пронзительно посмотрел, что гвардеец немедленно остановился. Пугачев нисколько не смутился, наоборот, начал наступление.

— Што, старина? Узнал ли ты меня?

— Бог знает, — отвечал оробевший гвардеец, — как теперь признаешь? В то время был ты помоложе и без бороды, а теперь в бороде и постарее.

Пугачев продолжал натиск.

— Смотри, дедушка, хорошенько! Узнавай, коли помнишь!

Гвардеец не осмелился возражать.

— Мне кажется, што вы походите на государя.

Пугачев решил подкрепить свое сходство более убедительными доводами.

— Ну, так смотри ж, дедушка! Поди скажи, штоб не противились мне, а то я всех вас предаю смерти.

Этот довод обладал столь сокрушительной силой и для окончательно оробевшего гвардейца и для защитников крепости, что на следующий день

старик вышел из крепости и «закричал громогласно»:

— Теперь я узнаю, што ты подлинно наш надежа-государь!

— Ну, старичок, — ласково сказал ему Пугачев, — когда ты меня узнал, так поди жа, уговори своих офицеров, штоб не проливали напрасно крови и встретили бы меня с честью^[167].

Старик выполнил приказ «императора».

Двадцать первого июня Пугачев вступил в Осу. На следующий день он двинулся к Рождественскому заводу и расположился на берегу Камы.

Переправа через Каму была очень хорошо подготовлена. Пугачев осмотрел течение, отыскал место для переправы, приказал исправить дорогу вниз по Каме, построить мосты через топкие места. Крестьяне соседних деревень с большой готовностью строили суда.

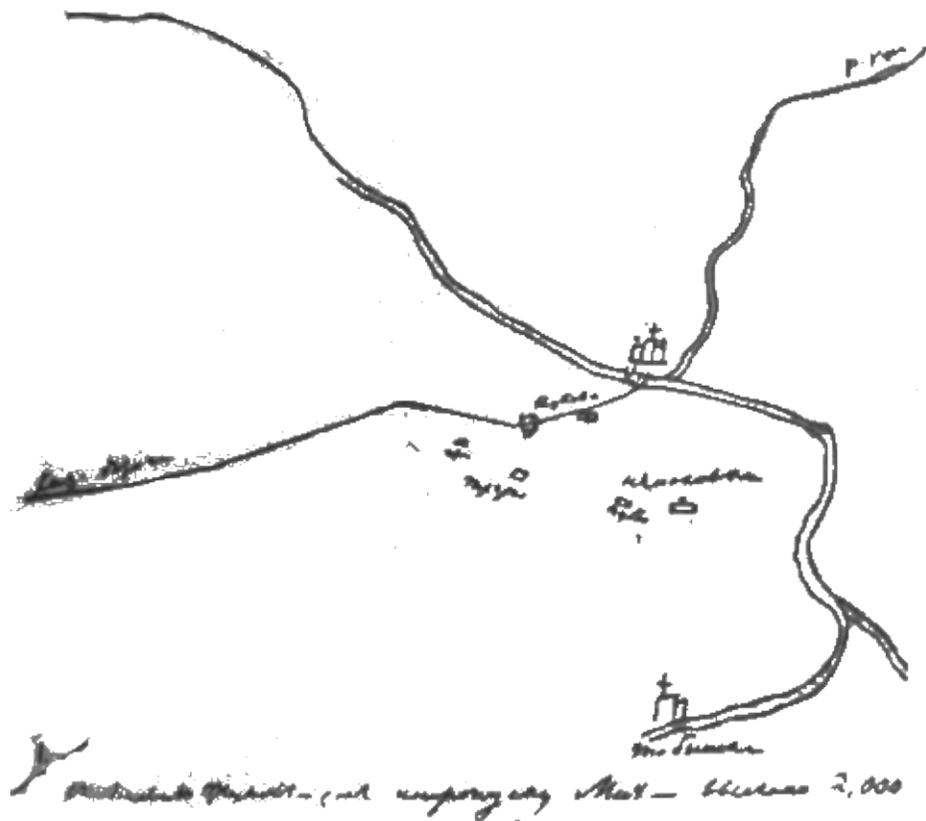
Двадцать третьего июня Пугачев переправился через Каму.

Двадцать седьмого июня он разбил наголову правительственный отряд, занял и сжег Ижевский и Воткинский заводы. Дорога на Казань была свободна.

Тщетно стремился Михельсон догнать Пугачева, разбить его на пути к Казани.

Неудержимой лавиной неслось семитысячное войско Пугачева. В пути к нему присоединялись новые толпы крестьян.

Повстанцы заняли огромное пространство по камским берегам. Отдельные отряды появились в Сарапуле, Елабуге, Заинске. Пугачев подошел к Казани.

Пушкинский план Уфимско-Чесноковского фронта гражданской даины 1774 года.

Публичная библиотека СССР имени Ленина

Как мало времени прошло с тех пор, когда он несчастным узником скитался по улицам Казани, прося милостыню! Теперь за ним идет армия, выросшая до двадцати тысяч человек, теперь его ждет, как избавителя, вся крестьянская трудовая Россия. Теперь он уже не безвестный забитый казак: перед ним трепещет сама императрица, генералы, помещики, заводчики, купцы.

Десятого июля Пугачев разбил под Казанью вышедший ему навстречу отряд Толстого. Когда манифест о добровольной сдаче не дал желательного результата, Пугачев решил взять город штурмом.

Вместе с Белобородовым он осмотрел укрепления и, разделив свою армию на четыре части, 12 июля начал бой.

Под прикрытием возов с сеном, между которыми размещены были

пушки, Белобородов занял ряд домов и оттеснил вражеский отряд. Пугачев, командовавший другой частью, взял Суконную слободу. Солдаты бросили пушки, боевые припасы и в ужасе побежали в крепость. Много солдат перешло на сторону Пугачева. Часть своей пехоты он отрядил к речке Казанке, приказав берегом подходить к предместью. Пугачев выбрал именно это направление, так как видел, что с Арского поля, открытого для вражеской артиллерии, город взять не удастся. Люди проворно перебежали от буерака к буераку, из лощины в лощину. Единственную, стрелявшую здесь по ним пушку пугачевцы отбили, забрались в губернаторский летний дом и, стреляя из-за ворот, из-за заборов, ворвались в город.

Повстанцы бросились освобождать арестованных. Вышла на свободу и Софья Пугачева с детьми. Вдруг одиннадцатилетний сын Пугачева Трофим заметил отца.

— Матушка, — крикнул он, — смотри-тка, батюшка меж казаков ездит.

Пугачев подъехал к Софье, распорядился отправить ее с детьми в лагерь, объяснив окружающим, что это жена его друга-казака Емельяна Ивановича Пугачева, замученного в тюрьме.

Но сейчас Пугачеву было не до семьи. Он поскакал к крепости, надеясь захватить ее одним ударом. Крепостные ворота были заперты, и из крепости открыли стрельбу. Зато город был взят.

Казань горела, подожженная со всех сторон.

По улицам мчались кучками и в одиночку казаки... Они жестоко расправлялись с теми, в ком подозревали врагов, убивали всех, одетых в немецкое платье и бритых, громили церкви, богатые дома. Уцелели только Суконная и Татарская слободы. Пугачев не хотел отталкивать от себя татар, тем более, что на Арском поле к нему явилась татарская делегация с подарками, а жители Татарской слободы хорошо накормили пугачевцев — башкир, чувашей, марийцев. Но нашлись и такие татары, что носили пищу в крепость для оборонявшихся от Пугачева солдат.

Казань взята. Пугачевцы ликовали. Они пели радостные песни, пили, гуляли. Пугачев благодарил бойцов. В это время к Казани подошел Михельсон.

Михельсона ждала жаркая встреча. Остановившись за глубоким рвом и тесным проходом под мельницей, пугачевцы открыли убийственный огонь. «Злодеи, — доносил Михельсон, — меня с великим криком и с такою пушечною и ружейною стрельбою картечами встретили, какой я, будучи против разных неприятелей, редко видывал и от сих варваров не ожидал»^{168}.

Пять часов длился бой, кончившийся поражением Пугачева. Дважды возвращался Пугачев к Казани, чтобы разгромить Михельсона, но безуспешно. 15 июля произошло решительное сражение. Кончилось тем, что пугачевцы потеряли всю свою артиллерию, две тысячи человек убитыми и ранеными, пять тысяч взятыми в плен. Едва не был схвачен и сам Пугачев.

Небольшие правительственные команды оперировали в различных направлениях, преследуя отдельные группы повстанцев.

Девятнадцатого июля попал в плен Белобородов. 13 августа в Казани ему дали сто ударов кнутом. 5 сентября Белобородова казнили в Москве при огромном стечении народа.

Восемнадцатого июля Пугачев переправился через Волгу и пошел на Московскую дорогу.

Пугачев идет по направлению к Москве! Это страшное известие снова повергло в панику всех власть имущих». Нижегородский губернатор Ступишин распустил Макарьевскую ярмарку, приготовил пушки, отправил войска к Арзамасу, Ядрину, Курмышу. Ступишин боялся тысяч бурлаков, приходящих на судах в Нижний и готовых по первому зову Пугачева присоединиться к восстанию.

Екатерина уверяла, что собирается переехать в Москву, поближе к театру военных действий, чтобы руководить противопугачевскими операциями. Однако это был только красивый жест совсем в духе императрицы. В Москву она не переехала именно из боязни близости фронта.

— Уф, тяжело, горько было, — вспоминала потом Екатерина свое настроение в казанские дни.

Екатерина боялась, что «Пугачев прокрадывается в Москву, чтобы как-нибудь в городе самом пакость какую ни на есть наделать, сам собою, фабришными или барскими людьми»^{169}.

Атмосфера была накалена до крайней степени. Совсем недавно, в 1771 году, над Москвой прокатился короткий, но страшный гром «чумного бунта». В Москве еще очень хорошо помнили, как во время бунта разъяренная толпа убила архиерея Амвросия и обратила в бегство солдат. Москва и подмосковные усадьбы были наполнены крепостными крестьянами, дворовыми и рабочими людьми.

«Вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги, когда не въявь, так в тайне, были сердцами своими злодею [Пугачеву] преданы и в сердцах своих все бунтовали и готовы были, при малейшей

возгоревшейся искре, произвести огонь и полымя»^{170}, — писал наблюдательный современник, помещик Болотов.

Московские власти были уверены, что Москве угрожает непосредственная опасность от Пугачева, и поспешили принять экстренные меры защиты.

Решили разделить город на части, во главе каждой поставить наделенного диктаторскими полномочиями сенатора, стянуть в Москву войска. Собирались напечь хлеба и насушить сухарей на случай возможной осады, приготовить достаточное число повозок для эвакуации, весь порох с ближайших пороховых заводов перевести в Москву. Призвали московских жителей к повиновению начальникам и к борьбе против восстания, для чего хотели снабдить москвичей, особенно «благородных», оружием. По дорогам, ведущим в Москву, расставили караулы; то же сделали в Гороховце, в Туле, Шуе, Ярославле, Кашире, Коломне, Серпухове. В последнем, внутри города, понаделали рогаток, организовали при них постоянную караульную службу, через каждые десять дворов устраивали по ночам заставы, с предписанием задерживать всех «шатающихся», «низкого состояния людей» и всех, «кто будет кричать и песни петь», следить за всеми выезжающими, проезжающими и особенно приезжающими.

В страхе перед заезжими агитаторами, «прелестны ми письмами» и «лживыми разглашениями» усилили шпионаж и тайную разведку. В разведчики выбирали людей «надежных» — из офицеров, дворян и «доброто» купечества. В ряде уездов упразднили перевозки через Оку и другие реки. Волоколамский воевода распорядился отобрать у всех крестьян охотничьи ружья и винтовки с пулями, порохом и дробью. Воеводам городов Московской губернии предписывалось свезти денежную казну в Москву «или куда удобнее будет», собрать предводителей дворянства на специальные совещания о мерах обороны от Пугачева.

Екатерина приказала дать Тульскому оружейному заводу заказ на 90 тысяч ружей. Этим заказом правительство пыталось сразу убить двух зайцев: оружие пригодится против повстанцев, а тульские мастеровые, получив работу, «года на четыре — шуметь не станут»^{171}.

Екатерина посоветовала также московскому главнокомандующему князю Волконскому предложить дворянам, «кои надежны быть могут на своих людей», вооружить их.

Помещики Московской губернии начали формировать для своей защиты отряды из крепостных, вооружать их, обучать военному строю.

Старались держать в тайне истинные причины военных приготовлений, а крепостным говорили, что их готовят против турок, против поляков. Помещики боялись, что крестьяне «первые готовы будут к нему [Пугачеву] предаться и против самих же нас обратить оружие свое»^{172}.

Но вооружаемые Болотовым люди узнали о том, куда их собираются отправить. Помещик обратился к ним с речью, чтобы дрались хорошо. «Да, — сказал один из крестьян, злодейски усмехаясь, — стал бы я бить свою братию! А разве вас бояр так готов буду десятерых посадить на копье сие»^{173}. Дворяне Коломенского уезда приступили было к набору, но крестьяне Броницкой волости отказались дать людей.

Дворяне боялись вооружать крепостных. К тому же надобность в этом миновала: 23 июля в столице узнали о заключенном две недели назад мире с Турцией. «Общее уныние» (этими словами английский посол сэра Роберт Гуннинг характеризовал столичные настроения) сменилось уверенностью и спокойствием: освобождалось многотысячное войско, которое можно было двинуть против Пугачева. Из-за Буга, из-за Дона, из Крыма навстречу Пугачеву направили целую армию. «Противу воров столько наряжено войска, что едва страшна ли таковая армия и соседям была»^{174} — писала Екатерина. Успокаивающе подействовало на дворян и назначение графа П. Панина главнокомандующим войсками, призванными ликвидировать восстание. Хотя сама Екатерина не любила Панина, но он был популярен в дворянских кругах, твердо полагавших, что именно Панин положит конец страшному восстанию.

Под влиянием всех этих событий русское дворянство заметно приободрилось: появилась перспектива покончить с опасным врагом, грозившим подорвать самые основы дворянско-крепостнической монархии.

Но наиболее успокаивающе подействовал на встревоженные дворянские умы тот оборот событий, который наметился в середине 1774 года на пугачевском фронте.

ВОССТАНИЕ КАЗАНЬ — МОСКВА

После отступления от Казани у Пугачева остался ничтожный отряд в четыреста человек. Правительственное командование легко могло бы разбить его, если бы оно не распылило своих сил и действовало более уверенно. Но беспомощно чувствовало себя не только командование, но и сама Екатерина.

Пугачев не унывал. По своему обыкновению, он прежде всего занялся организацией новой армии. Дубровский написал замечательный «манифест». Его стоит привести полностью:

«Божиею Милостию мы, Петр Трети, император и самодержец Всероссийский: и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляется во всенародное известие: жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короны и награждаем древ ним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку и освобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцов-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощением. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалое бедствие. А как ныне имя наше властью всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: как прежде были дворяне в своих поместьях и водчинах, оных противников нашей властей и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев дворян, всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет»^[175].

Печать Пугачева

«Большая государственная печать Петра III, императора и самодержца всероссийского. 1774 год»

В этом документе, полнее чем в каком-либо другом, сформулированы задачи — положительные и отрицательные — пугачевского казацко-крестьянского движения.

Мотив свободы от крепостничества, от гнета помещиков и помещичьего государства в нем выражен с наибольшей силой. С предельной ясностью здесь указывается и тот класс, к которому он обращен: это, в первую очередь, крепостное крестьянство.

Воззвание свидетельствует об огромном росте и размахе борьбы. Первые указы Пугачева формулировали, в сущности, только положительные цели восстания, они перечисляли те блага, которыми «император» жалует своих сторонников, и почти ничего не говорили о том, каким же образом добиться этих благ, у кого их надо вырвать. В приведенном документе уже ясно и точно указаны враги — «злодеи дворяне» и «градские мздоимщики судьи». Средство расправы с эксплуататорами рекомендуется самое решительное — «ловить, казнить и вешать».

Это — крестьянский «манифест». Красной нитью проходят в нем

крестьянские мотивы. Как характерно это глубокое знание настроений и нужд именно тех масс, на помощь которых Пугачев мог рассчитывать в каждый данный момент. Движение началось с кратких указов, где на первый план выдвигались специфические казацкие мотивы — обещание жалованья, пороха и свинца. Следующие указы, обращенные к коренному национальному населению, начинаются с пышного и длинного «императорского» титула, в торжественном стиле старых владетелей Востока. Умело вводится в обращениях к степным кочевникам новый мотив — «и бутте подобными степным зверям».

Грязновское обращение к жителям Челябинска было более зрелым в смысле классовой направленности. Грязнов клеймит дворян и, имея в виду интересы заводских людей, выступает против «компанейщиков». Но Грязнов еще надеется, что враг одумается, придет «в чювство» и сдастся.

После Казани, после почти целого года борьбы, после опыта побед и поражений у Пугачева и его приближенных уже не осталось никаких иллюзий. Они призывают к беспощадной расправе с эксплуататорами-дворянами, чувствуя, что здесь в Поволжье, между Волгой и центром империи, главной массой, на которую они могут рассчитывать, являются уже не столько казаки, башкиры и работные люди, сколько русское и нерусское крестьянство. Именно к нему и обращается в первую очередь Пугачев.

Несомненно, в первые дни после переправы через Волгу у руководителей восстания существовал план двигаться на Москву, опираясь на поднявшуюся деревню.

Ближайшие к Пугачеву люди уговаривали своего начальника выбрать именно это направление. Первоначально Пугачев согласился, но потом пошел со своим отрядом вниз, уклоняясь все дальше и дальше от центра.

Почему же Пугачев не пошел на Москву?

В Берде и после нее, в пору своих успехов, Пугачев постоянно говорил о намерении взять Москву и Петербург. Он даже продумал вопрос, как поступить с императрицей и ее слугами. Но в решительный момент Пугачев забывает обо всех разговорах и планах и уходит на юг, намереваясь пробраться на Дон.

Между тем поход на Москву, несомненно, поднял бы шансы восстания. Вся угнетенная крепостная масса трепетно ждала Пугачева. Как это было до сих пор в местах, охваченных восстанием, известие о приближении пугачевской армии вызвало бы новый подъем крестьянского движения. Пугачев не мог не понимать этого, учитывая опыт предшествующих месяцев борьбы. Пугачев видел возможность подъема

крестьянства, возможность попытки, опираясь на него, поразить дворянскую монархию в самое сердце, он хотел поднять крепостную деревню, — об этом наглядно свидетельствует только что цитированный крестьянский манифест. Почему же Пугачев не попытался реализовать вполне вероятную перспективу марша к важнейшим пунктам империи?

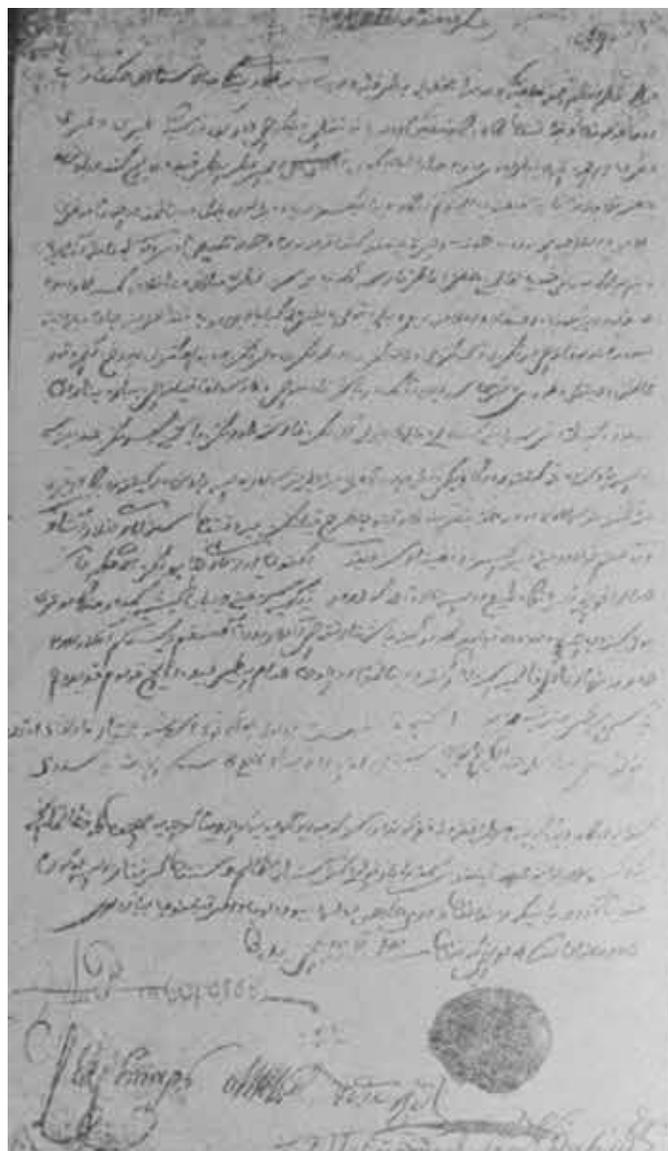
Пугачевское восстание было крестьянским движением, сочетавшим огромный размах с чертами типично крестьянской ограниченности. Пугачев — героический, умный, хитрый, решительный, отважный, закаленный, упорный вождь движения, но наделенный всеми чертами ограниченности крестьянского вождя.

Он возглавил борьбу не случайно. Пугачев не из тех деятелей, которые случайно поднимаются на гребне народной волны.

Дело началось с попытки сочетать личное стремление к воле с освобождением казаков — того социального слоя, с которым Пугачев был теснее всего связан. Само освобождение первоначально мыслилось в традиционной крестьянской форме — ухода, побега. В ходе событий побег перерос в восстание. Казацкое ядро потонуло в гигантском людском море — русских и нерусских крестьян, заводских людей. Первоначальный план пассивного бегства был смыт поднявшимся с неслыханной силой восстанием. Когда Пугачев брал крепость за крепостью, когда его армия росла не по дням, а по часам, когда слава о нем гремела по всей России и за ее пределами, он совсем забыл о своем первоначальном плане — таком убогом и мелком в свете развернувшихся грандиозных событий. Вождю нарастающего, побеждающего восстания возможность захвата столиц казалась вполне осуществимой. Но вот — разгром под Казанью, от всей армии осталось только четыреста человек. Тут после некоторых колебаний обнажается основа восстания, появляется первоначальный план *побега* на Кубань, в Турцию. Речь идет снова, как и в самом начале, не о том, чтобы *свергнуть* крепостническую кабалу, но о том, чтобы *бежать* от нее.

Дом в г. Уральске, в котором жил Пугачев

Указ Е. Пугачева на татарском языке

На уговоры друзей итти на Москву Пугачев отвечал: «Нет, детушки, нельзя! Потерпите! Не пришло еще мое время! А когда будет, так я и сам без вашего зова пойду. Но я теперь намерен итти на Дон, — меня тамо некоторые знают и примут с радостью»^[176].

Сам Пугачев вовсе не расценивает свой план ухода на Дон как побег. Наоборот, донское направление он представляет как продолжение борьбы в

новых условиях. Пугачеву дело рисовалось так. Он уйдет на Дон, подымет донских казаков и с новыми, свежими силами двинется к центру империи.

Путь Пугачева в конце июля и в августе 1774 года сочетал обе возможности: если бежать на Кубань, то через Дон, если подымать новое восстание, то тоже через Дон. Если последнее не удастся, останется начальное — Пугачев и его соратники будут спасены, уйдут от злой мести правительства.

Вероятнее всего, в эти дни Пугачев связывал с Доном планы побега больше, чем планы нового восстания. Он отлично видел, что борьба с правительством очень трудна — наносились неоднократные поражения, царское командование осмеливалось на принятие все более решительных мер для подавления восстания. Пугачев не мог не учитывать, что, пока он доберется до Дона, пока Дон восстанет, Екатерина успеет мобилизовать такие силы, против которых устоять будет неизмеримо трудно.

Самая возможность восстания на Дону оказывалась гораздо сложнее, чем это было раньше на Яике. Тогда (в сентябре 1773 года) Пугачев возглавил борьбу на Яике, застав этот район, в сущности, уже в состоянии восстания. Дон 1774 года сохранял повиновение властям, бдительно следившим за его настроениями и принимавшим все меры к тому, чтобы сохранить эту покорность.

Были, впрочем, и другие, совершенно конкретные обстоятельства, толкавшие Пугачева не к центру, а вниз, на юг.

Лишившись башкир, ушедших от него после казанского разгрома, утратив связь с заводами Урала, отрезанный от хлебного Вятско-Камского района, Пугачев не мог углубляться во внутренние губернии, которым, из-за неурожая, явно грозил голод.

На решение Пугачева уйти на Дон повлияло и принесенное встречными чувашами известие, что Нижний сильно укреплен, в городе много войска, а из Свияжска на Цивильск двигается правительственный отряд.

*

Начинается последняя часть пугачевской эпопеи.

Переправа через Волгу вселила страх и ужас в сердца крепостников, возродила надежды и ожидания в сердцах крепостных. Толпы дворян с семьями, с добром в панике бросились бежать в уездные города, в отдаленные провинции, в Москву. Бежали не столько от наступающего

Пугачева, сколько от собственных крестьян.

Восстали, вооружившись кольями, дубинами, топорами, крестьяне Тамбовского, Воронежского, Пензенского, Саратовского, Нижегородского районов. Подымались вотчина за вотчиной, деревня за деревней. Подымались помещичьи и государственные крестьяне, дворовые люди и однодворцы, русские, татары, чуваша, мордовцы, мотяки. Местами подымались самостоятельно, иногда по инициативе какого-нибудь пугачевского отряда. Расправившись с помещиками, приказчиками, управителями, уходили к Пугачеву или посылали к нему делегатов. Уходили далеко не все. Чаще крестьяне оставались дома и после расправы со своим помещиком и раздела имущества считали задачу выполненной.

Восставали отдельные деревни, без связи друг с другом, без связи с Пугачевым. Только иногда какое-нибудь село превращалось в центр восстания для нескольких деревень. Лишь иногда, снабдив выбранного крестьянина деньгами, посылали его к «императору». Туда же, по требованию пугачевцев, посылали понятых и подводчиков.

В Пугачеве крестьяне видели законную власть. Поэтому они не всегда расправлялись с помещиками и управителями на месте, иногда скованными отправляли их на суд «Петра III», либо арестовывали и не выпускали до приезда какой-нибудь пугачевской «партии».

Ненависть повстанцев распространялась иногда и на деревенских богатеев из крестьян. В деревне Ключи (Пензенского уезда) и в других местах начальник пришедшего пугачевского отряда, сидя на лошади, спрашивал у крестьян: «Нет ли у вас каштанов, мироедов и других каких съедуг, коих тотчас велю под застрехом повесить»^{177}.

Случалось, хотя и редко, что крестьяне миловали не слишком безжалостных помещиков, но чаще ненависть к мучителям превозмогала жалость. Убивали без долгих проволочек, но нередко судьбу дворянина решал сход. Приказчика Марецкого, управлявшего вотчиной в Саранском уезде, заковали и собрались везти в Саранск, к Пугачеву.

Приказчик взмолился к сходу:

— Помилуйте! За что меня безвинно сковали? В чем я пред вами виноват?

— Как же ты не виноват, что ты на господской работе крестьян всех помучил?.. Самолично мирских наших сенных покосов по два года отдавал помещице Авдотье Шедринской и за каждый год брал по 60 рублей... нет тебе прощения».

Повезли приказчика в Саранск, куда со всей округи свозили дворян на суд. Встречные казаки убили его по дороге. А в вотчине начался раздел

денег, полученных приказчиком за крестьянские покосы. Это был обоснованный раздел. «Панка Кожинок взял шесть рублей за свои побои, когда был пойман с казенной соломою, четырьмя возами, за что и сечен... Яковым Пряхиным взято 10 руб. за побои в бытности в старостах в 772 году» и т. д.^[178].

В Пугачеве видели не только судью, к нему обращались порой за распоряжениями о помещичьем имуществе, его просили уладить возникавшие между крестьянами недоразумения, у него ходатайствовали о разрешении взять господский хлеб на пропитание и обсеменение. «Пугачев с его сообщниками нам, черни, был ни злодей, а приятель и наш заступник»^[179], — таково было мнение народа.

Но связи Пугачева с восставшим крестьянством в последний период борьбы очень ослабели. Можно даже думать, что сам Пугачев и не искал укрепления этих связей. Он как будто стремился к одному — уйти возможно дальше и возможно скорее на юг. Пугачев двигается исключительно быстро. Не встречая сопротивления, далеко опережая правительственные отряды, он делал по восемьдесят верст в сутки.

Двадцатого июля 1774 года Пугачев, встреченный хлебом-солью, вошел в Курмыш. Он роздал бесплатно соль русским и чувашским крестьянам, повесил нескольких офицеров, захватил оружие и записал к себе в казаки несколько десятков горожан.

Двадцать третьего июля Пугачев подошел к Алатырю. Власти бежали. Население встретило его с колокольным звоном, с хлебом-солью. Под Алатырем пугачевцы простояли два дня — это была первая после Казани остановка. Пугачев освободил колодников, предупредил пьянство казаков, выпустив вино на землю, распорядился о прекращении грабежей, роздал казакам и жителям по три фунта соли, мобилизовал годных на военную службу горожан и, приказав местным серебряникам приделать ушки к рублевикам Петра I, наградил ими своих приближенных. Крестьяне приводили к Пугачеву под Алатырь помещиков; двенадцать дворян он приказал повесить. Приходили крестьяне проситься к нему на службу: конных он оставлял, пеших отпускал.

В уезде тоже оперировали, без связи с центром, восставшие крестьяне. В селе Большое Талызино стоял «полковник», донской казак Александр Егоров. Окрестные деревни посылали к нему выделенных на сходах людей. Из Талызина выезжали группы повстанцев, нападали на помещичьи усадьбы. «Не могу вашему сиятельству довольно изъяснить, сколь великое зло вкоренилось в сердцах здешнего народа, — писал Михельсон новому

главнокомандующему графу П. Панину, — все сделанные варварствы в здешних местах дворянству и прочим честным людям учинены единственно помощью крестьян, которые, стараясь всячески, скрывающих своих в лесах господ и прикащиков ловили и отвозили к Пугачеву, а другие и сами вешали»^{180}. Михельсон с сокрушением констатировал: «Нет почти той деревни, в которой бы обыватели не бунтовали и крестьяне не старались бы сыскивать своих господ или других помещиков или прикащиков к лишению их бесчеловечным образом жизни»^{181}.

Двадцать седьмого июля Пугачев вступил в Саранск. Воевода, помещики, приказные служители, купцы и дворяне бежали. Пугачев действовал здесь так же, как и повсюду: выпустил колодников, повесил приведенных крестьянами помещиков, захватил несколько пушек, порох, ядра, деньги, набрал людей в свою армию, назначил нового, верного повстанцам воеводу и двинулся к Пензе.

Первого августа Пугачев вошел в Пензу, где тоже не встретил никакого сопротивления. Запуганное купечество даже устроило ему торжественную встречу. На обеде в честь Пугачева купцы разносили кушанья ему и его свите. «Император» обещал освободить население от рекрутчины и подушной подати, разрешить свободную торговлю солью. Забрав большое количество оружия, раздав народу захваченные в городе деньги и назначив новых городских властителей, Пугачев выступил из Пензы, пополнив свое войско мобилизацией людей из всех городских сословий.

Отдельные группы пугачевцев ездили по округе, нападали на помещичьи усадьбы, призывали на борьбу с дворянами.

Весь Пензенский уезд восстал. Деревни опустели. Невзирая на страдную пору, все боеспособные крестьяне ушли к Пугачеву, вооружившись чем попало. Уцелевшие от народной расправы дворяне бежали.

Выделялись крестьянские вожди, собиравшие вокруг себя значительные отряды, действовавшие от имени «Петра Федоровича». Крепостной человек княгини Голицыной Иван Иванов собрал трехтысячный отряд из крестьян и дворовых людей, русских и татар, и громил помещиков Пензенского уезда. Иванов ездил по радостно встречавшим его деревням, раздавал крестьянам помещичий хлеб, обещал волю и жестоко расправлялся с теми помещиками и приказчиками, на которых поступали жалобы от крестьян.

Без всякой связи с Пугачевым, но очень энергично, действовал другой крестьянский предводитель, беглый дворовый Петр Евстифеев. Став во

главе отряда крестьян-однодворцев, новокрещенцев из дворцовых сел, Евстифеев захватил Инсар, Троицк, Наровчат, Краснослободск, Темников. Около Керенска он был разбит.

Литейщик Инсарского железного завода Савелий Мартынов, возглавлявший отряд из рабочих, русских и мордовских крестьян, разгромил Сивинский, Рябукинский, Виндреевский заводы и Троицкий винокурный завод.

По всем уездам губернии оперировало множество больших и малых крестьянских отрядов. Беспорядочными толпами ходили крестьяне по всем дорогам, казнили помещиков, приказчиков, воевод, чиновников, забирали дворянское имущество. Дворянских «недорослей» раздавали по деревням на содержание. Если правительственные отряды разбивали восставших крестьян, они уходили все дальше на юг, на Дон, по старым, проторенным беглым дорогам.

Четвертого августа сдался Пугачеву Петровск. Высланные против него донские казаки перешли на сторону повстанцев. Это показалось Пугачеву счастливым предзнаменованием. Он рассчитывал, что все донское войско примкнет к нему, и старался всячески задобрить донцов: дал им денег, хорунжих награждал медалями.

Пугачев подошел к Саратову. В пяти верстах от города к нему перешел правительственный отряд из четырехсот солдат, волжских и донских казаков. 6 августа Пугачев начал обстрел саратовских укреплений. Сопrotивление было очень слабым. После первых же выстрелов солдаты и призванные защищать город вооруженные жители перебежали к Пугачеву. Перебежали и сто бурлаков. Повстанцы ворвались в Саратов. Они захватили много военного снаряжения, провианта, фуража, денег, лошадей.

В Саратове произошло два случая, мелких, но дополняющих образ вождя восстания. Он пощадил жизнь шести дворянских жен, мужа которых были убиты, и приказал, чтобы никто их не обижал. Здесь же к Пугачеву явился саратовский купец Уфимцев и напомнил о трехстах лошадях, забранных у него Пугачевым, когда пугачевцы еще двигались к Оренбургу. Купец напомнил, что Пугачев, не имея денег, обещал расплатиться в Саратове. Вряд ли кто-либо из них рассчитывал снова встретиться в Саратове. Но вот казавшееся несбыточным сбылось: Пугачев в Саратове. Разумеется, купец получил долг сполна.

Эти эпизоды подводят нас к одной характерной особенности Пугачева — представителей враждебных классов он вовсе не мерил на один аршин. Он щадил тех дворян, которые сносно обращались с подчиненными. Он охотно привлекал к себе на службу заявлявших о своей лояльности попов,

офицеров, купцов: они выполняли у него обязанности писцов. Правительственных командиров, перешедших на его сторону, Пугачев ставил воеводами городов, попов заставлял молиться за «государя Петра Федоровича, государыню Устинью Петровну, наследника Павла Петровича». Иногда подобная тактика вызывала недовольство среди ближайших помощников Пугачева. Он пощадил как-то одну помещицу; несмотря на это, Овчинников засек ее плетьюми на смерть и в ответ на упреки Пугачева резко ответил: «Мы не хотим на свете жить, чтоб ты наших злодеев, кои нас разоряли, с собою возил, ин де мы тебе служить не будем»^{182}.

Намечались и более опасные по последствиям и более глубокие по своим мотивам размолвки между Пугачевым и его сподвижниками. Внешне все обстояло как будто благополучно. Пугачев снова шел от успеха к успеху, брал город за городом, стремительно увеличивал свою армию. После Казани у него было четыреста человек, к Саранску он подошел с отрядом в восемьсот человек и выступил из города, удвоив свой отряд. В Пензе у него уже две, а в Саратове восемь тысяч бойцов. Этим повстанческие силы не исчерпывались: к ним нужно прибавить и разрозненные, неустойчивые, плохо вооруженные, не связанные с Пугачевым большие и малые крестьянские отряды, действовавшие на огромном пространстве Поволжья.

И тем не менее именно в эту пору больших успехов восстание вступило в тяжелую полосу. Оно, правда, охватило территорию более значительную, чем до сих пор, на борьбу поднялись новые массы людей, но, покинув Урал, Пугачев лишился стремительных кавалеристов-башкир, не пошедших за ним в Поволжье. Лишился Пугачев и уральских рабочих и такой важной военно-технической, артиллерийской базы, какой являлись уральские заводы. За ним шла теперь многолюдная армия, но казаки составляли в ней только очень немногочисленное центральное ядро. Подавляющее большинство повстанцев состояло из однодворцев, помещичьих русских и нерусских казенных и церковных крестьян, дворовых людей, колодников, вооруженных чем попало, а то и вовсе безоружных. Даже внешний облик армии изменился: только казаки сохранили военную выправку, остальные представляли собой довольно беспорядочную крестьянскую толпу. В обозе шли телеги, коляски, повозки с помещичьим добром, с женами и детьми ушедших с Пугачевым крестьян.

После поворота от Казани на юг, после отказа Пугачева идти на Москву, конечная цель движения чрезвычайно затуманилась. Раньше все было ясно: взять Оренбург, потом двинуться на Казань, Москву. Но Пугачев

не выполнил этого плана. Он берет город за городом, но чем все это кончится? Если даже он прорвется на Дон, то еще неизвестно, как его там встретит казачество. Во всяком случае, с Дона будет слишком далеко и трудно снова подняться к центру, как обещал Пугачев. К тому же по следам повстанцев движутся неприятельские отряды, с турецкого фронта идут новые войска, приближается решительная схватка с регулярной правительственной армией — в конце концов Пугачев будет разбит. Подобные мысли не могли не тревожить членов пугачевского штаба. Неслучайно именно в эти дни, где-то на пути в Саратов, Творогов делится с Чумаковым подозрениями насчет того, что их начальник вовсе не император, а самозванец, которого необходимо арестовать, чтобы спасти собственную жизнь. На этот раз, как и раньше под Оренбургом, план выдачи Пугачева не мог быть выполнен по той простой причине, что трудно было арестовать человека, возглавлявшего побеждающую и доверяющую своему командиру армию — «в рассуждении чего, — показывал впоследствии Творогов, — и условились мы таить сие до удобного случая»^{183}.

Только один Пугачев сохранил решимость бороться до конца. Его личная судьба была неразрывно связана с судьбой восстания. Ему некуда было дезертировать, на милость правительства не мог он рассчитывать ни при каких условиях. Да и вообще Пугачев не принадлежал к числу легко отступающих людей, к числу тех, кого неудачи и трудности могут сразу привести в уныние и сломить, тем более, что говорить о крахе было еще рано. Наоборот, в этот период удача снова сопутствовала Пугачеву. Это была высшая точка восстания.

Одиннадцатого августа Пугачев взял Камышин, где к нему присоединилось шестьсот украинских казаков. Приближаясь к Дону, он приложил всю энергию, чтобы привлечь к себе донское и волжское казачье войско. Заботясь о привлечении донского войска, Пугачев продумал и мелочи. Он вызвал к себе жену Софью Дмитриевну и строго наказал ей не выдавать его, не называть Пугачевым при возможных встречах со знакомыми в родных донских местах. Дубровский написал несколько обращений, призывавших казачество на службу Пугачеву для искоренения «противников, разорителей и возмутителей империи — дворян, которые, не насытившись Россией, но и природные казачьи войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род»^{184}.

Замечателен «указ» Березовской станице и всему донскому войску. В противоположность нудным, сухим, стандартным правительственным

указам, этот, написанный Дубровским, пугачевский манифест выдержан в стиле почти изысканном и витиеватом. С большой ненавистью и силой манифест говорит о «злодеях дворянах», которые ввели в России немецкие обычаи «и повергнули... всю Россию себе в подданство, с наложением великих отягощений», об успехах «императора», которому подчинились «живущей Оренбургской, Казанской губерний с приписными городами и уездами народ, також Башкирская, калмытская орды», о его намерении «учинить во всей России вольность»^{185}. Эти антинемецкие мотивы манифеста не случайны. Пугачев отлично знал, что во главе правительственных войск стояли немцы: Рейнсдорп, Брандт, Кар, Грейман, Корф, Валленштерн Биллов, Михельсон, Муфель, Мелли, Диц и многие другие.

Свои воззвания Пугачев подкрепил военными действиями. Он намеревался с основной частью своего войска пойти на Дон через Дубовку и Царицын. Но уже при выступлении из Камышина три повстанческих отряда ворвались в пределы войска донского и захватили несколько станиц.

Настроение на Дону было очень тревожное.

Князь Голицын доносил Панину, что он совсем не уверен в настроении донских казаков, что он имеет «предварительно довольные причины об них сомневаться», что «генерально на всех их положиться нельзя, а надобно думать, что часть из них присоединится к злодею»^{186}.

«Донцы худые мысли имеют, и некоторой подлой народ охотно бунтовщика Пугачева ожидает»^{187}, — доносил бригадир Брынк. Казачьи полковники Янов и Вуколов боялись итти на пугачевцев, «не имея за неспособностью надежности в людях». Ряд станиц отказался дать людей в правительственные части. Походному атаману Луковкину пришлось целый день уговаривать казаков выступить против пугачевских отрядов. Несколько казачьих станиц присоединилось к восстанию.

Страх перед возможным присоединением Дона к Пугачеву продиктовал правительству целую систему предупредительных мер. Для того, чтобы не пропустить Пугачева на Дон, был выделен особый отряд. Голицын повел агитацию среди казачьих старшин и атаманов, призывая их к верности престолу, убеждая в безнадежности пугачевского дела, так как на повстанцев идут закончившие войну с Турцией войска и несколько полков из Москвы. Было сформировано и приведено в боевую готовность несколько казачьих полков. Позаботились и о том, чтобы в виду неурожая и голода, снабдить «обывателей» хлебом, «а через сие самое можно некоторым образом и прилепляющуюся к самозванцу чернь от того

воздержать; в противном же случае, когда они лишены будут при сих нужных обстоятельствах к пропитанию своему надежды, то, отчаянность может их довести до самой верхней степени самовольств и продерзостей»^{188}.

Эти меры сделали свое дело. Немало отрядов донских казаков выступило против Пугачева. Особенно отличились в ревностной службе правительству казачьи командиры Илья Денисов, тяжелую руку которого Пугачев некогда испытал во время прусских походов, и Кутейников, в чьей команде Пугачев служил в турецкую кампанию.

Шестнадцатого августа на реке Пролейке Пугачев разбил наголову правительственный отряд. Находившиеся в отряде калмыки перешли на пугачевскую сторону. 17 августа сдалась без боя Дубовка — центр волжского казачьего войска. Здесь к восстанию примкнули три тысячи калмыков, щедро награжденных Пугачевым. Упоенный успехами Пугачев хвастал: «Царь Иван Васильевич под Казанью семь лет стоял, а у меня в три часа она пеплом покрылась». Он грозил, что возьмет столицу и так расправится с дворянами, «чтобы они в роды родов помнили»^{189}.

Двадцатого августа Пугачев снова разбил на реке Мечетной большой правительственный отряд. Находившиеся в отряде донские казаки перешли к повстанцам.

Двадцать первого августа Пугачев подошел к Царицыну. Напрасно пытался он сначала уговорить защищавших город казаков примкнуть к нему: нападения пугачевцев-калмыков на станицы, угон ими скота, грабежи и разорения отпугнули казаков, и они, за исключением небольшой группы, не поддались на уговоры. Тогда Пугачев обстрелял город из пушек. Настроение в гарнизоне было неустойчивое; боевой дух солдат поддерживался щедрой раздачей вина и обещанием полугодового жалованья.

Пугачев узнал, что на помощь Царицыну идут новые войска. Вступить с ними в бой он не решался: яицких казаков, пользовавшихся наибольшим его доверием и составлявших самую боеспособную часть армии, осталось уже мало, а с плохо вооруженными и необученными военному делу крестьянами выступить против регулярных правительственных частей казалось ему опасным. Пугачев оставил Царицын в стороне и пошел на Черный Яр, чтобы оттуда пробраться в Яицкий городок и там зазимовать. О том, что будет дальше, Пугачев не думал, «по пришествии же зимы куда иттить был намерен и какое еще зло делать о том никакого размышления на скверное его сердце не приходило»^{190}.

Приближалась развязка: Дон не поддержал восстания, сзади нагоняли правительственные отряды, а тут еще неудача под Царицыным. Боевой дух пугачевцев ослабел. Снова среди приближенных Пугачева пошли разговоры о том, что, может быть, их ведет вовсе не император.

Донцы просто ушли от Пугачева, подпилив колеса в лафетах и заклепав пушки. Среди оставшихся усилились сомнения. Рассуждали о том, что донцы отстали, потому что узнали в командире своего земляка, простого казака. Кто-то рассказал, как во время переговоров Пугачева с сидевшими в Царицыне казаками один из них крикнул: «Емельян Иванович, здорово!» «Сии переговоры, — показывал Творогов, — привели нас в такое замешательство, что руки у всех опустились и не знали, за што приняться»^{191}.

С разных сторон к Царицыну сходились правительственные отряды. Пугачев быстро уходил от них, но Михельсон настигал его. Он разбил плавшие по Волге суда, наполненные повстанцами, в большинстве рабочими.

Двадцать третьего августа Пугачев вступил в немецкую колонию Сарепту. Немцы-колонисты бежали еще раньше.

Желая поднять настроение своих приближенных, Пугачев наградил их высокими чинами: Овчинникова чином генерал-фельдмаршала, Перфильева — генерал-аншефа, Творогова — генерал-поручика, Дубровского — обер-секретаря военной коллегии и т. д. Но все это было бесполезно. Боевая энергия повстанцев пала, 24 августа Михельсон настиг Пугачева у Сальникова завода. Пугачевцы отстреливались из пушек, но их смяла вражеская кавалерия и пехота. В донесении об этом сражении Михельсон с благодарностью отметил действия донских и волжских казачьих атаманов, мецерьятских и башкирских старшин. Пугачевцы отступили. Напрасно старался Пугачев остановить бегущих, напрасно метался он в толпе и кричал: «стой, стой!..» Поражение было полное и решительное: две тысячи пугачевцев было убито, шесть тысяч взято в плен, остальные разбежались, многие утонули в Волге. Сам Пугачев с группой сподвижников, с несколькими сотнями бойцов спасся бегством.

Положение было безвыходным. Со всех сторон Пугачева окружали правительственные части. Руководство передовыми отрядами принял генерал-поручик Суворов, тогда только начинавший свою карьеру, но уже получивший славу выдающегося военачальника в войнах с Турцией и Польшей. Целая армия с лучшими полководцами выступила против Пугачева, сжимая его все более суживающимся кольцом.

Вид Казани конца XVIII столетия.

С гравюры того времени Н. Саблина

Пугачев бежал к Черному Яру. В дороге посоветовались, и Пугачев решил пробраться на Яик, оттуда в Иран. Ряды пугачевцев таяли: на луговую сторону Волги Пугачев переправился с небольшим отрядом. Несколько десятков казаков, среди них Перфильев и Трофимов-Дубровский, не могли переправиться из-за усталости лошадей.

Пугачев и его спутники поняли, что подошел конец. О продолжении борьбы нечего было и думать. Надо спасаться. Но как? Для Пугачева был только один путь спасения: бежать из России. Для пугачевских командиров более реальной и верной представлялась другая перспектива: купить прощение правительства, предав Пугачева.

Предательство сулило немалые выгоды. Панин обещал десять тысяч рублей тому, кто доставит правительству живого Пугачева и пять тысяч за мертвого. За выдачу Пугачева обещано было, кроме денежной награды, освобождение от всяких государственных податей, поборов, рекрутчины. Как удержаться от таких соблазнов? С этого момента боевыми помощниками Пугачева овладела одна мысль: как выдать вождя восстания? Главным предателем стал Творогов. Он нашептывал Федулову, Чумакову, Железнову и другим, что их командир вовсе не император, что он

неграмотен, что донцы узнали в нем своего земляка, что нужно его захватить, связать и отдать законным властям. Хотя предатели не показывали вида, но Пугачев понял, что творится неладное. Он выдвинул план ухода к запорожским казакам и натолкнулся на отказ. «Нет, ваше величество! Воля ваша, хоть головы руби, мы не пойдем в чужую землю! Што нам там делать! Тогда Пугачев высказался в пользу ухода в Сибирь или к калмыкам. Опять отказ: «Нет, батюшка, мы и туда не ходоки с вами! Куда нам в такую даль забиваться?

У нас есть жены и дети»^[192].

Емельян Пугачев.

Один из последних портретов

Странной казалась эта неожиданная приверженность к родному очагу у людей, вот уже столько месяцев порвавших с семьями, с привычным бытом, ежеминутно рисковавших жизнью. Пугачев разгневался и вскричал: «Ну, дак куда ж вы советуете?» Казаки сказали, что надо пойти вверх по Волге. Это была совершенно невероятная идея: бежать в голодные места, где рыскают правительственные отряды. Пугачев сперва возражал, но поневоле согласился. В сущности, он находился в плену у тех людей, над которыми раньше властвовал. Он знал, что они его не отпустят от себя, и вынужден был следовать туда, куда ему прикажут. Пугачев почувствовал, что его толкают в пропасть, но выбора не было и где-то в глубине души еще тлела искра надежды — авось удастся уйти.

По дороге к казакам хотело пристать много разных людей. Может быть, если бы инициатива руководства еще находилась в руках Пугачева, он воспользовался бы этим, и пламя восстания разгорелось бы снова. Но предатели гнали прочь всех посторонних.

Несколько томительных дней скитались казаки по степи, голодные и усталые. Изменники не отпускали Пугачева ни на шаг. Он ехал молчаливый и грустный. Добрались до маленьких степных речек — узеней. В последний раз Пугачев попробовал отстоять свой план действий. Волнуясь и спеша, краснея и бледнея, он предложил поехать за Каспийское море, поднять там новое восстание; он горячо возражал против губительного намерения вернуться в Яицкий городок, он уговаривал идти назад, на Москву, он предлагал различные пути. Казаки не соглашались, Пугачев окончательно понял, что он в плену.

Улучив минуту, когда около Пугачева были только люди, посвященные в предательство, казаки бросились разоружать его.

— Што это? Што вы вздумали? На кого вы руки подымаите? — смертельно побледнев, прерывающимся голосом проговорил Пугачев и начал уговаривать: — Ай, робята! Што вы ето вздумали надо мною злодействовать! Вить вы только меня погубите, а то и сами не воскреснете. Полно, не можно ли, детушки, етова отменить! Напрасно вы меня губите»^{193}.

Уговоры не помогли. Но и в этом состоянии упадка духа, ощущения близкого конца Пугачев не потерял чувства личного достоинства: шашку, нож и патронницу он согласился отдать не рядовому казаку Дурнову, а «полковнику» Федулову.

У Пугачева еще тлела надежда найти в Творогове защитника, он уговаривал его «кинуть это дело» — не помогло. Тогда он пустился бежать,

его нагнали. Поехали дальше. Пугачев не оставлял мысли о спасении. На привале, воспользовавшись оплошностью казака, он схватил лежавшие на земле пистолет и шашку и напал на предателей; его обезоружили, связали и бросили в телегу, где сидели горько рыдавшие жена Устинья и сын.

В ночь с 14 на 15 сентября 1774 года Пугачева доставили в Яицкий городок и сдали властям. Он поражал всех бодростью духа и неустрашимостью. На допросе гордо заявил, что мечтал «умереть славно», и думал, что если не удастся стать царем, то «умереть на сражении: ведь все же я смерть заслужил, так похвальней быть со славою убиту»^{194}. Его заковали в ножные и ручные кандалы, посадили в клетку и поволокли в Москву, с предписанием содержать строго «и с поруганием».

Тринадцатого сентября в Яицкий городок пришел в качестве пленника отставший от Пугачева на Волге Афанасий Перфильев.

Долго скитался по приволжским степям отбившийся от пугачевцев Дубровский. Голодный и оборванный, он хотел «прилепиться к добрым людям». Его поймали, отправили в Астрахань, пытали в Царицыне, пытали в Саратове. Правительство ждало, что Дубровский даст важные показания потому что считало его «всех умнее». Дубровский не оправдал ожиданий: не выдержав пыток, он умер в Саратове. Так кончили многие. Власти признавались, что «некоторые приличившиеся в важных преступлениях колодники от изнурительного их содержания умирают»^{195}.

Все крупнейшие руководители восстания теперь находились в руках правительства. Но главное — Пугачев в плену! В Оренбурге дворяне и купцы, офицеры и чиновники передавали друг другу радостную весть, целовались и веселились, как в большой праздник. «Русский Расин» А. Сумароков сочинил по этому поводу специальную оду. Поэт жаждал небывалой мести:

Отбросил ты, разбойник, меч
И в наши предан ныне руки,
То мало, чтоб тебя сожечь
К отмщению невинных муки.
Но можно ль то вообразить,
Какою мукою разить,
Достойного мученья вечно!

Восстание кончилось. Еще бродили по Поволжью, по Воронежскому и Тамбовскому районам крестьянские отряды, еще пылали помещичьи

усадыбы, еще волновались киргизы и башкиры, еще шла молва о том, что Пугачев пойман, но на его место встал грозный Заметайло или Метлин, который решительно выметет дворян, приказных, воевод и судей неправедных.

Неугомонный Салават и отец его Юлай с прежней энергией продолжали борьбу на территории Уфимской провинции. Но положение было безнадежным. Правительственные войска теснили башкир. Салават задумал бежать в киргизские степи. Один, на лыжах, таясь от людей, он уходил лесами от настигавших врагов. В лесу, около деревни Каратавли, его поймали солдаты. Поймали и Юлая. Отца и сына последовательно наказывали в тех местах, где они оперировали. Юлая дали 45 ударов кнутом на Симском, 45 — на Катавском, 45 — на Усть-Катавском заводах и 40 ударов в деревне Орловке; Салавату — 25 ударов на Симском заводе, 25 — в деревне Юлаевой, 25 — в деревне Лак, 25 — в Красноуфимске, 25 — в Кунгуре, 25 — в Осе, 25 — в деревне Нурхиной. Затем обоим вырвали ноздри, выжгли знаки «вор и убийца» и отправили на каторгу.

Восстание потерпело поражение. Иначе и не могло быть. «Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»^{196}.

В эпоху пугачевского восстания еще не было пролетариата. Принявшие столь решительное участие в борьбе уральские рабочие не были пролетариатом: они не обладали личной свободой и ничем не отличались от крестьянства, частью которого они в сущности являлись.

Восстание было стихийным и очень плохо организованным: восставшие боролись беззаветно, храбро, ими двигала огромная ненависть к эксплуататорам, но отсутствовал твердый, единый направляющий центр. «Военная коллегия» Пугачева, отдельные пугачевские командиры пытались ввести некоторый порядок и дисциплину, но не могли направить разлившуюся реку народного гнева в определенное русло.

Восстание было раздробленным. Имелась связь между Пугачевым под Оренбургом, Зарубиным под Уфой, Белобородовым под Екатеринбургом, но связь очень слабая, и пугачевские командиры действовали самостоятельно, на свой страх и риск. Эта раздробленность видна особенно отчетливо в последний, послеказанский период борьбы, достигшей в это время высшего напряжения и размаха. Боролись отдельные крестьянские отряды, восставали отдельные деревни при полном отсутствии единого руководящего центра. Отсюда и разногласия в лагере восставших.

Это было *крестьянское* восстание небывалого размаха, но со всеми чертами *крестьянской* ограниченности, обусловившей и многие военные ошибки Пугачева. Он долго, слишком долго сидел под Оренбургом и этим позволил правительству собраться с силами. После Казани Пугачев двинулся вниз, а не на Москву, хотя дорога в центр империи была плохо защищена, хотя крестьянские массы центральных губерний готовы были восстать по первому зову.

Восстание не имело постоянной армии. Более или менее твердым ядром являлись только яицкие казаки. Но их было немного. Преобладала текучая масса, обновлявшая свой состав после больших поражений, после Татищевой, после Троицкой, после Казани. Восстание началось с выступлений казаков и нерусской бедноты, немного позже едва ли не важнейшую роль играли в нем приписные крестьяне и работные люди уральских заводов. После Казани Пугачев лишился башкир, не пошедших за ним в Поволжье, остался без заводских людей. На смену пришли помещицьи крепостные, однодворцы, государственные и церковные крестьяне, крестьяне других национальностей Приволжья. Текучесть повстанческой армии в этот последний период выступила еще резче.

Возможность каждый раз обновлять свою армию — источник огромной силы Пугачева; но в этом вынужденном обновлении заключался и источник его слабости. Текучую армию невозможно дисциплинировать и организовать.

На стороне правительства было превосходство постоянной регулярной армии. Правительственные войска были неизмеримо лучше вооружены, чем пугачевские. Огнестрельного оружия — пушек и ружей Пугачеву не хватало. Башкирские луки и стрелы, крестьянские дубины, косы, заостренные колья, а то и вовсе безоружные крестьянские руки не могли противостоять огню правительственных частей.

Подавив восстание, правительство приступило к расправе. Станица Зимовейская — родина Пугачева была переименована в Тетвинскую, река Яик — колыбель восстания — в Урал, Яицкий городок — в Уральск, а мятежное Яицкое казачье войско должно было отныне называться Уральским. Наряду с этими агитационными мероприятиями правительственные органы занялись и наиболее действенными средствами расправы.

Карательные команды хватали людей по дорогам, отправляли в ближайшие города, битком набивали ими тюрьмы и подвалы казенных зданий. Кровавая инструкция Панина предписывала ловить повстанцев и казнить их «по христианскому закону... отрублением сперва руки и ноги, а потом головы, и тела класть на колоды у проезжих дорог».

Жители мятежных селений обязывались выдавать зачинщиков, в противном случае каждому третьему угрожала смертная казнь. В восставших деревнях ставились виселицы, колеса, глаголи. На виселицах за шею, на глаголях за ребро вздергивали «возмутителей и зачинщиков», под виселицами и глаголями пороли сотни и тысячи крестьян.

Захваченных пугачевцев Панин разбил на группы. Он приказал пугачевских командиров казнить «и проклятые их тела положить по всем проезжим дорогам, затем оставших всех без изъятия пересечь жестоко плетью и у пахарей, негодных в военную службу, на всегдашнюю память злодейского их преступления урезать по нескольку у одного уха», дворовых же людей, «яко не привязанных землею к собственным домам», отправлять на каторгу.

Колесование.

С редкой гравюры конца XVII! столетия

Инструкция выполнялась строго. В местах, охваченных восстанием, действовали отряды карателей. Они устраивались у крестьян на постой, грабили, насильничали, вымогали взятки, пороли, вешали. Правительство опасалось даже, что в результате такого усмирения крестьяне окажутся не в состоянии платить подати. По всем околицам сотен селений стояли виселицы, колеса, глаголи; на них «значились долгое время» тела казненных. Казнили и пороли на Урале и в Приуралье, на Волге и в Поволжье, в Оренбурге и Екатеринбурге, в Самаре, в Пензе и в Казани, в Симбирске, Саратове и Царицыне, во всех населенных местах и по

дорогам.

Пугачева казнили в Москве.

От Яицкого городка всю дорогу его конвоировал Суворов с двумя ротами пехоты, двумя сотнями казаков, при двух пушках. В Симбирске Пугачева встречал Панин. Вождь восстания отвечал на вопросы усмирителя «очень смело и дерзновенно».

Пушкин привел замечательный диалог между двумя главнокомандующими — правительственным и повстанческим.

— Кто ты таков? — спросил он (Панин) у самозванца.

— Емельян Иванов Пугачев, — отвечал тот.

— Как же смел ты, вор, называться государем?

— Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает^{197}.

Вряд ли подобный диалог имел место в действительности, но предание это хорошо передает пугачевский характер — независимый и смелый.

Не менее выразительно звучит разговор Панина с Пугачевым в народном предании:

Судил тут граф Панин вора Пугачева:

«Скажи, скажи, Пугаченька, Емельян Иваныч,
Много ли перевешал князей и боярей?»

«Перевешал вашей братьи семьсот семи тысяч.

Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:

Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил

На твою бы на шею варовинны вожжи

За твою-то бу услугу повыше подвесил»^{198}.

Сиятельный, изящно воспитанный граф отпустил безграмотному казаку несколько вульгарных пощечин и кинул его в тюрьму. Там он сидел со скованными руками и ногами, прикованный железным обручем к стене. Но даже в таком беззащитном виде Пугачев был страшен правительству. В камере безотлучно находились трое караульных без ружей и с необнаженными шпагами: боялись, что Пугачев может выхватить ружье и перебить охрану.

Арестованного кормили пищей, «подлым человеком употребляемую», и снабдили такой же одеждой. Чиновным и богатым людям

демонстрировали пленника в натуре, простому же народу показывали портрет Пугачева, который был потом сожжен под виселицей, на эшафоте.

Из Симбирска поехали дальше. Пугачева все еще боялись. Зная о его популярности в массах, боялись, что по дороге его вырвут от конвоя и освободят. «К провозу его требуется теперь обезопасить московскую дорогу», — писал Панин и распорядился разместить солдат во всех селениях, где будут остановки.

Утром 4 ноября Пугачева привезли в Москву и посадили в специально отделанный дом на Монетном дворе, в Охотном ряду. Толпы народа собрались у тюрьмы. Жаждали посмотреть на человека, державшего в страхе дворянскую империю.

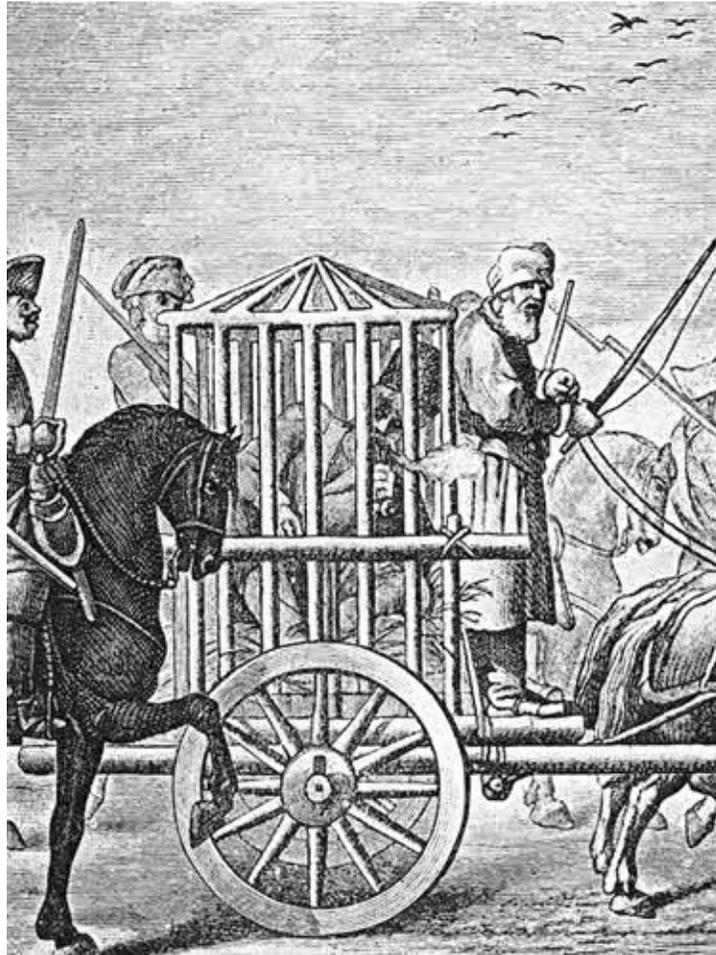
Есть удивительное по затаенному в нем глубокому смыслу народное предание о жестокой помещице Салтычихе, пожелавшей увидеть Пугачева.

«Молва уже шла, что когда к клетке подходил простой народ, то Пугачев ничего не разговаривал, а если подходили бары, то сердился и ругался... Подошла Салтычиха к клетке; лакеишки ее раздвинули толпу. «Что попался, разбойник?» — спросила она. Пугачев в ту пору задумавшись сидел, да как обернется на зычный голос этой злодейки, и, — богу одному известно, слышал ли он про нее, видел ли, или просто-напросто не понравилась она ему зверским выражением лица и своей тушей, — да как гаркнет на нее; застучал руками и ногами, индо кандалы загремели; глаза кровью налились: ну, скажи, зверь, а не человек. Обмерла Салтычиха, насилу успели живую домой отвезти..., а вскоре Салтычиха и душу грешную богу отдала. Прилетели в это время на хоромы ее два черные ворона»^{199}. Народ верил, что даже из клетки своей Пугачев наводил трепет на врагов.

На самом же деле Пугачева никому не показывали. Он был закован в кандалы, прикован цепью к стене и сидел изможденный, усталый физически и морально, ослабевший от мучений и побоев, перенесенных на скорбном пути между Яицким городком и Москвой. Власти боялись, что он умрет, не успев дать подробных показаний, лишив победителей возможности насладиться казнью человека, причинившего им столько страхов, и торопились допросить его.

Четвертого ноября, в первый же день приезда Пугачева в Москву, начался допрос. Его допрашивали еще до Москвы. 16 сентября Пугачев давал показания в Яицком городке. Четыре дня, с 3 по 6 октября, длился допрос в Симбирске в присутствии графа Панина. Но самым мучительным и долгим был московский допрос, занявший почти десять дней. Если в Симбирске и Яицке Пугачев смело смотрел врагам в глаза, то в Москве его

довели до такого состояния, что у него появились припадки.

Пугачева везут в клетке на допрос к Панину.

С гравюры на дереве Ю. Шюблер.

Государственный Исторический музей

Допрос вел обер-секретарь сената Шешковский. Этот известный кнутабойных дел мастер, заслуживший особое доверие Екатерины, сочетал физическое истязание жертвы с моральными пытками. Он имел обыкновение допрашивать в уставленной иконами комнате и читал акафист

под душераздирающие крики и стоны допрашиваемых. Кроме основного допросу, Пугачева заставляли давать дополнительные показания об отдельных деятелях и эпизодах восстания, водили на бесчисленные очные ставки.

В результате следователи добились, что Пугачев дал подробные показания. Скрывать своих помощников было бесполезно. Они все находились в руках правительства — Пугачев их и не скрывал. Он рассказал всю свою жизнь с яркими деталями о многочисленных побегах, встречах, скитаниях, с описанием подробностей восстания, с перечислением взятых городов, крепостей, форпостов, редутов, передал разговоры, какие он имел со встречными казаками, купцами, крестьянами, раскольниками, офицерами, солдатами.

Измученный до крайней степени, Пугачев и на пороге виселицы не потерял чувства собственного достоинства, не забыл о величии того народного дела, которое он возглавлял. Он вспоминал об офицерах и помещиках, казненных по его распоряжению, и каждый раз мотивировал казнь, хотя следователи меньше всего интересовались мотивировкой действий, которые с их точки зрения были преступны сами по себе. Это были то офицер, плохо обращавшийся с солдатами, то помещик, истязавший своих крестьян, то правительственный агент, захваченный с противопугачевскими документами. Пугачев несколько раз подчеркивал, как он удерживал повстанцев от пьянства и грабежей. Из его показаний встает картина осмысленной расправы, казней, оправданных с точки зрения народных интересов.

Емельян Пугачев перед судом

Пугачев не потерял и жажды жизни. Он не ждал пощады, но — многоопытный беглец — рассчитывал уйти и на этот раз. С этой целью он, стремясь во что бы то ни стало оттянуть смертный час, выиграть время, излагал такие эпизоды, которые нуждались в проверке, брал свои показания назад, путал, заметал следы. С этой же целью — выиграть время — он ввел в свои показания рассказанную с такими же правдоподобными деталями историю о двух сибирских рабочих, открывших золото на Дону. Пугачев надеялся, что власти повезут его на Дон, туда, где находится мифический клад. При тогдашних условиях транспорта это означало отсрочку казни на довольно длительный срок. Пугачев не исключал и возможности побега с дороги. Но о побеге нечего было и думать. Никто не поверил в басню о

золоте.

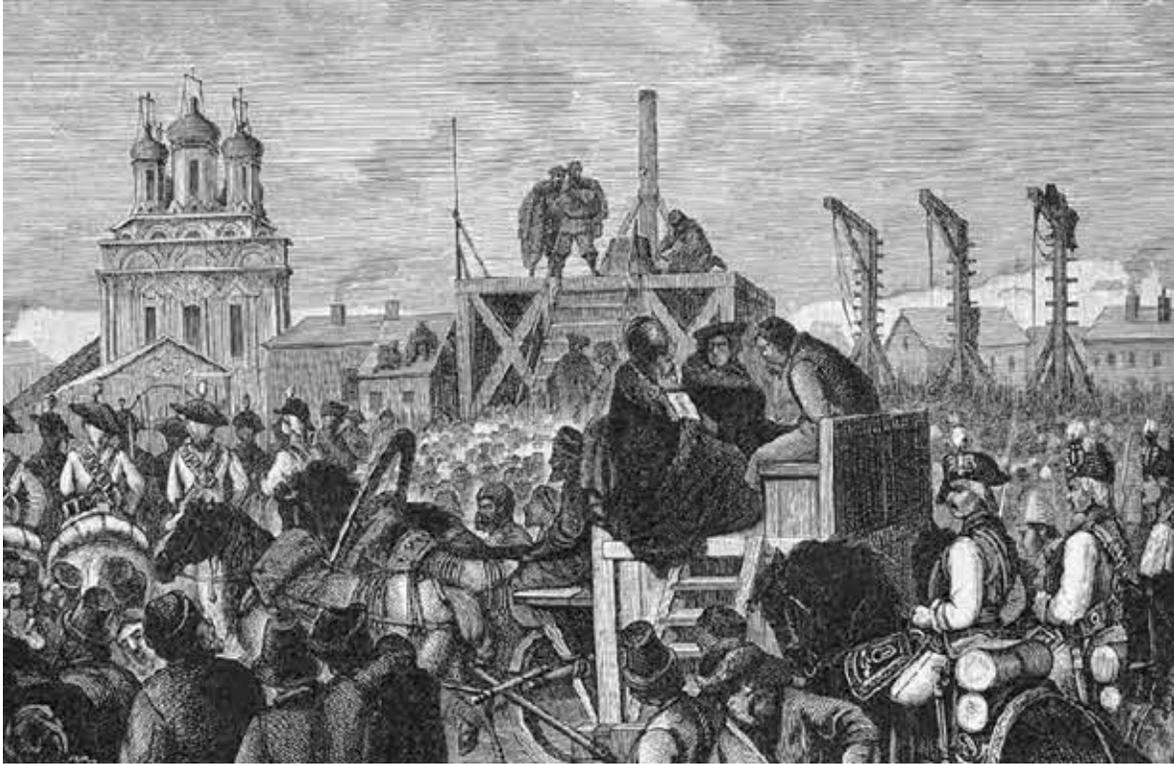
Тридцатого декабря в 9 часов утра, в Москве, в Кремлевском дворце начался суд. Судьями были члены сената, синода, президенты коллегий, десять генералов, два тайных советника. Судили те, чью власть хотел свергнуть Пугачев. На первом заседании суда Пугачев не присутствовал. «Чтобы не произвести в народе излишних разговоров», его привезли во дворец на рассвете следующего дня и поместили в особой комнате, возле присутствия. Товарищей же Пугачева решили вовсе не вывозить из тюрьмы.

Тридцать первого декабря он предстал пред судилищем. Предварительно его подвергли освидетельствованию; боялись, чтобы «вдруг в собрание не сделалось ему припадка», так как подсудимый был вконец измучен допросами и пытками. На предъявленные ему обвинения Пугачев отвечал утвердительно. Суд был, разумеется, простой комедией. Казнь была предрешена. 9 января в 9 часов утра судьи подписали приговор.

Поимка Пугачева в г. Уральске.

С гравюры Гейзер, сделанной с рисунка художника Шубе

Казнь Пугачева в Москве 10 января 1775 года.

С рисунка художника Шарлеманя

«За все учиненные злодеяния бунтовщику и самозванцу Емельке Пугачеву в силу прописанных божеских и гражданских законов учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь»^{200}.

Императрица боялась, что зрелище мучительной казни — четвертования — усилит сочувствие масс к вождю народного восстания и распорядилась отрубить ему сразу голову и, уже у мертвого, отрубить руки и ноги.

Ни в чем неповинных Софью Пугачеву, ее троих детей и Устинью Кузнецову суд приговорил к заключению в крепость Афанасия Перфильева «за его упорство и ожесточение в своих злодеяниях... и до самой последней минуты жизни своей в своем окаменении пребывшего»

постановили тоже четвертовать; Максима Шигаева, Падурова, Василия Торнова — повесить в Москве, Ивана Чику-Зарубина отвезти в Уфу, где «все его богомерзкие дела производимы были», там «отсесть голову и взоткнуть ее на кол для всенародного зрелища, а труп его сжечь со эшафотом купно»^{201}.

Чика прожил героем и жизнь свою кончил геройски.

«Я никогда, — писал Потемкин Екатерине, — не мог вообразить столь злого сотворения быть в природе. Через три дня, находясь в покаянной, нарочно мной сделанной, где в страшной темноте ничего не видать, кроме единого образа, перед которым горящая находится лампада, увещевал я его [Чика] всеми образами убеждения и совести, но ничего истинного найти не мог»^{202}.

Восемнадцать человек приговорены были к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и отправке на каторгу. Девять предателей, выдавших Пугачева, получили прощение.

Настал день казни — 10 января 1775 года. Вся площадь на Болоте, все близлежащие улицы и переулки кишели народом. Вот появились окруженные многочисленным конвоем сани с высоким помостом, на котором стояли Пугачев и Перфильев. Пугачев держал в руках две толстые, горящие восковые свечи. Свечи оплывали, залепляли руки. Сохранивший полное присутствие духа, Пугачев безмолвно кланялся на все стороны народу.

Высокий эшафот с помостом оцепили войска, на помосте стоял столб, с воздетым на него колесом, с железной острой спицей. У эшафота стояли виселицы, лежали плахи с топорами, валялись скованные, ждавшие казни пугачевцы. Дворян и вельмож подпускали к эшафоту, простолюдинов отгоняли прочь.

Пугачев вошел на эшафот. Цельный час продолжалось чтение приговора. Пугачев слушал с видом отсутствующим и безразличным. Он только крестился и шевелил губами. Чтение приговора кончилось. Пугачев стал прощаться с народом. Палачи набросились на него, сорвали белый, бараний тулуп, разодрали рукава шелкового, малинового кафтана. Пугачев сам помогал палачам раздеть его. Потом он всплеснул руками, склонился к плахе, палач взмахнул топором — и все кончилось.

---

notes

Примечания

1

По другим данным — в 1773 г.

В своих показаниях Пугачев рассказал другую историю побега. Движимый чувством бескорыстной жалости к попавшему в беду другу, Худяков выпросил у атамана разрешение взять арестанта на поруки и отвезти его в Черкасск. Атаман согласился. Поручитель повел Пугачева к себе домой и здесь будто бы произнес такую человеколюбивую фразу: «О, Пугачев, жаль мне отца твоего хлеба-соли, погиб ты, а хочетца мне тебя спасти, вот как я пошлю с тобою своего сына и велью, от'ехавши отсюда несколько, тебя отпустить».

— Чем мне твою любовь платить? — ответил растроганный Пугачев.

На следующий день Худяков дал попавшему в беду приятелю лошадь, саблю и синий кафтан, «чтоб не признали его за беглеца», и отправил с малолетним сыном в дорогу.

Провожая сына, отец шепнул ему, чтобы он отпустил Пугачева. Послушный сын так и сделал. («Красный Архив», том 69–70, стр. 170; «Чтения в об-ве истории и древностей Российских», 1858, кн. II, стр. 5).

Вся история — плод богатой пугачевской фантазии, естественное стремление приписать себе перед следователями максимально пассивную роль в побеге.

Пугачев показывал следственной комиссии, что сын Коровки изготовил фальшивый паспорт, где Пугачев значился станичным атаманом, а Антон Коровка — сыном Пугачева (Красный Архив, том 69–70, стр. 171). Изложенная нами по показаниям Коровки представляется более правдивой. Коровке было проще и легче отдать Пугачеву свой паспорт, чем изготовить фальшивый.

---

comments

Комментарии

1

Бильбасов, В.А. — История Екатерины II, СПб, 1891. т. II, стр. 114–118.

Красный Архив, т. 69–70, стр. 163.

3

Там же, стр. 164.

Масловский — Русская армия в Семилетнюю войну, вып. 1. М., 1886, стр. 203.

Там же, стр. 69–70.

Записки А.Т. Болотова, т. II, стр. 106.

Пугачевщина, (Центроархив), т. II, стр. 235.

Абрамов, И. — Старообрядцы на Ветке («Живая старина», 1907 г. вып. III, стр. 117).

Там же, стр. 120–121.

Граф Ланжерон — Русская армия в год смерти Екатерины II («Русская старина», 1895 г. апрель, стр. 148).

О русской армии во второй половине Екатерининского царствования («Русский архив», 1879, № 3, стр. 359–360).

Там же, стр. 360.

Солдатские стихи XVIII века («Литературное наследство» № 9—10, стр. 125—127).

Там же, стр. 143–144.

Соловьев, С. — История России, изд. «Общественная польза», т. 28, стр. 649.

Красный Архив, т. 69–70 (Допрос Пугачева), стр. 165.

О русской армии во второй половине Екатерининского царствования («Русский архив», 1879, № 3, стр. 358).

Дубровин, Н. — Пугачев и его сообщники, т. I, стр. 113.

Чтения в о-ве истории и древностей российских, 1858, кн. II, стр. 3.

Красный Архив, т. 69–70 (Допрос Пугачева), стр. 165.

Дубровин, Н. — цит. соч., стр. 114.

Там же, стр. 115.

Там же, стр. 117.

Чтения в о-ве истории и древностей российских, 1858, кн. II, отд. 2, стр. 166.

Красный Архив — цит. том, стр. 166.

Чтения в о-ве истории и древностей российских — цит. том, стр. 3.

Красный Архив — цит. том, стр. 166.

Там же, стр. 166–167.

Чтения, цит. том, стр. 4.

Красный Архив — цит. том, стр. 167.

Там же, стр. 167.

Там же, стр. 166.

Там же, стр. 168.

Там же.

Там же.

Там же, стр. 169.

Пугачевщина, т. II, стр. 184–185.

Красный Архив, цит. том, стр. 170.

Там же, стр. 171.

Там же.

Там же, стр. 172.

Там же.

Там же.

Там же, стр. 225.

Там же.

Там же, стр. 226.

Дубровин, Н. — Пугачев и его сообщники, т. I, стр. 107.

Там же, стр. 108.

Там же.

Там же, стр. 109.

Там же.

Там же, стр. 110.

Красный архив — цит. том, стр. 226.

Там же, стр. 176.

Дубровин, Н. — цит. соч., т. I, стр. 36–37.

Там же, стр. 51.

Пугачевщина, т. II, стр. 116.

Красный Архив — цит. том, стр. 117.

Там же, стр. 159.

Чтения — цит. том, стр. 7.

Красный Архив — цит. том, стр. 227.

Там же, стр. 179–180.

Там же, стр. 181.

Там же.

Там же, стр. 183.

Там же, стр. 227.

Дубровин, Н. — цит. соч., т. I, стр. 189.

Пугачевщина, т. II, стр. 130.

Там же, стр. 131.

Красный Архив — цит. том, стр. 189.

Пугачевщина, т. I, стр. 25.

Флоровский — Из истории Екатерининской законодательной комиссии
1767 г., стр. V.

Полное собрание законов, № 11204, 12966.

Ходнев, А. — История императорского вольно-экономического о-ва, СПб, 1865, стр. 20.

Сборник русского исторического о-ва, т. XXXII, стр. 514–515.

Семевский, В. — Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, стр. 70.

Дубровин — цит. соч., стр. 345.

Семевский, В. — Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, стр. XXI.

Там же, стр. 198.

Семевский — цит. соч., стр. 205.

Там же, стр. 207–208.

Там же, стр. 187.

Сборник Русского исторического о-ва, т. X, стр. 86.

Семевский — цит. соч., стр. 413.

Полное собрание законов, № 11, стр. 593.

Сборник Русского исторического о-ва, т. 115, стр. 102.

Болотов — цит. соч., т. 3, стр. 79–80.

Сборник Русского исторического о-ва, т. 36, стр. 164.

Там же, стр. 106.

Там же, т. 4, стр. 413.

Там же, т. 68, стр. 419.

Лепехин, И. — Дневные записки путешествия, СПб, 1772, т. II, стр. 183.

Там же, т. I, стр. 120.

Семевский — цит. соч., стр. 312.

Там же, стр. 369.

Лепехин, И — цит. соч., т. III, стр. 198.

Там же, т. II, стр. 247.

Семевский — цит. соч., т. I, стр. 547.

Там же, стр. 549.

Сборник Русского Истор. о-ва, т. 115, стр. 421–422.

Там же, стр. 322.

Там же, стр. 5.

Пугачевщина, т. II, стр. 11.

Там же, стр. 12.

Рычков, П. — Топография Оренбургская, СПб, 1762, часть II, стр. 36.

Красный Архив, т. 69–70, стр. 191–192.

Дубровин — цит. соч., т. II, стр. 10.

Красный Архив — цит. том, стр. 193.

Пугачевщина, т. I, стр. 26.

Там же, т. II, стр. 111.

Там же, т. II, стр. 28.

Там же, стр. 199.

Там же, стр. 389.

Там же, стр. 416.

Там же, стр. 292.

Пугачевщина, т. I, стр. 28.

Там же, стр. 29–30.

Там же, стр. 31.

Красный Архив, т. 68, стр. 164.

Там же, т. 68, стр. 197.

Пугачевщина, т. I, стр. 32.

Там же, стр. 33.

Там же, стр. 143.

Там же, стр. 176.

Пугачевщина, т. III, стр. 8.

Там же, т. II. стр. 114.

Там же, стр. 194–195.

Там же, стр. 47.

Там же, стр. 195–196.

Красный Архив, т. 69–70, стр. 230.

Рычков — летопись осады Оренбурга (Пушкин — Сочинения. изд. Академии наук, т. XI, стр. 341).

Там же, стр. 365.

Пугачевщина, т. II, стр. 110.

Там же, т. I, стр. 144–145.

Там же, т. II, стр. 110.

Там же, т. I, стр. 197.

Там же, стр. 200.

Крепостная Россия (сб. статей), 1930, стр. 148.

Труды научного о-ва по изучению быта, истории и культуры башкир, г. Стерлитамак. 1922, стр. 68–69.

Пугачевщина, т. I, стр. 135.

Там же, т. I, стр. 81.

Там же, стр. 83–84.

Дмитриев-Мамонов, А. — Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири, СПб, 1907, стр. 43.

Пугачевщина, т. I, стр. 74–75.

Там же, стр. 76.

Дмитриев-Мамонов, А. — цит. соч., стр. 73.

Дубровин — цит. соч., т. II, стр. 249.

Осьмнадцатый век (Исторический сборник) — кн. I, стр. 102.

Дубровин — цит. соч., т. II, стр. 271.

Пугачевщина, т. II, стр. 198–199.

Там же, стр. 99.

Красный Архив, т. 68, стр. 167.

Дубровин — цит. соч., т. II, стр. 290.

Красный Архив, т. 69–70, стр. 207.

Дубровин — цит. соч., т. стр. 303.

Там же, т. II, стр. 323.

Там же, стр. 325.

Красный Архив, т. 68, стр. 167.

Там же, стр. 168.

Дубровин — цит. соч., т. III, стр. 13.

Грот Я. — Труды, СПб, 1901, т. IV, стр. 511.

Пушкин, А.С. — Сочинения, изд. Академии наук, т. XI, стр. 267.

Дубровин — цит. соч., т. III, стр. 19.

Пушкин — Сочинения, изд. Академии наук, т. XI, стр. 437.

Дубровин — цит. соч., т. III, стр. 26.

Красный Архив, т. 69–70, стр. 212.

Пугачевщина, т. II, стр. 148.

Дубровин, цит. соч., т. III, стр. 98.

Осьмнадцатый век, стр. 117.

Болотов — Записки, т. III, стр. 377.

Осьмнадцатый век, стр. 123.

Болотов, т. III, стр. 473.

Там же, стр. 441.

Сборник Русского исторического о-ва, т. VI, стр. 86.

Пугачевщина, т. I, стр. 40–41.

Там же, т. II, стр. 150.

Тхоржевский, С. — Пугачевщина в помещичьей России, М. 1930, стр. 151.

Пугачевщина, т. III, стр. 58–59.

Там же, стр. 83.

Там же, стр. 79.

Дубровин — цит. соч., т. III, стр. 127.

Красный Архив, т. 69–70, стр. 216.

Пугачевщина, т. II, стр. 151.

Дубровин — цит. соч., т. III, стр. 215–216.

Пугачевщина, т. I, стр. 42.

Там же, т. II, стр. 234.

Там же, стр. 237.

Там же, стр. 236.

Дубровин — цит. соч., т. III, стр. 233.

Красный Архив, т. 69–70, стр. 222.

Пугачевщина, т. II, стр. 153.

Там же, стр. 155.

Там же, стр. 157–158.

Грот, Я. — Материалы для истории пугачевского бунта, СПб. 1875.

Пугачевщина, т. III, стр. 339.

Сталин, И. — Беседа с немецким писателем Э. Людвигом (Партиздат, 1933, стр. 9).

Пушкин, А. С. — Полное собр. соч., Изд-во «Худож. литературы», т. 5, «История Пугачева», стр. 415.

Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М., 1935, стр. 186.

Там же, стр. 199–200.

«Восстание Ем. Пугачева» (сб. документов). ОГИЗ, 1935, стр. 192.

Там же, стр. 194.

Дубровин, т. III, стр. 362.